

№ 4
2023

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Журнал издаётся с 2000 года

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство ПИ № ФС77–30539 от 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

<https://mirs.spbu.ru/>

THE SCHOLARLY
AND METHODOLOGICAL JOURNAL
“THE WORLD OF RUSSIAN WORD”
(Mir russkogo slova)

Quarterly journal

The journal has been published since 2000

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (certificate ПИ № ФС77–30539 dated 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

<https://mirs.spbu.ru/>

Учредители:

Ассоциация преподавателей русского языка и литературы, Санкт-Петербургский государственный университет

Издатель:

Издательство Санкт-Петербургского государственного университета

Редакционная коллегия

К. А. Рогова (главный редактор) — д-р филол. наук, проф., почетный проф. СПбГУ

В. А. Абрамов — д-р филол. наук, проф., КубГУ

Э. М. Афанасьева — д-р филол. наук, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Л. Г. Бабенко — д-р филол. наук, проф., УрФУ им. Б. Н. Ельцина

Н. Г. Бабенко — д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта

Х. Вальтер — д-р филол. наук, проф., Университет г. Грайфсвальда

М. Д. Воейкова — д-р филол. наук, проф. СПбГУ, ИЛИ РАН

О. Е. Дроздова — д-р пед. наук, доцент МПГУ, РГПУ

Л. А. Дунаева — д-р пед. наук, проф. МГУ им. М. В. Ломоносова

А. С. Иванова — канд. пед. наук, доц. РУДН им. Патриса Лумумбы

Н. В. Изотова — д-р филол. наук, проф., ЮФУ

Е. И. Костанди — канд. филол. наук, доцент, Университет Тарту

А. Б. Лихачева — д-р гуманитар. наук, проф., Вильнюсский университет

В. А. Марьянчик — д-р филол. наук, проф., САФУ

В. В. Прозоров — д-р филол. наук, проф., СГУ

Ю. Е. Прохоров — д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ

М. Ю. Сидорова — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова

И. Н. Сухих — д-р филол. наук, проф., СПбГУ

М. Д. Тагаев — д-р филол. наук, проф., Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина

Н. Чуйкина — канд. филол. наук, Таллинский университет

Н. И. Шром — PhD, ассоциир. проф., Латвийский университет

В. Д. Янченко — д-р пед. наук, доцент, МПГУ

The Founders:

Association of Teachers of Russian Language and Literature, St. Petersburg State University

Publisher:

St. Petersburg University Press

Editorial board

K. A. Rogova — editor-in-chief
St. Petersburg State University

V. A. Abramov
Kuban State University

E. M. Afanasieva
Pushkin State Russian Language Institute

L. G. Babenko
Ural Federal University

N. G. Babenko
Immanuel Kant Baltic Federal University

H. Walter
Universität Greifswald

M. D. Voeikova
St. Petersburg State University

O. E. Drozdova
Moscow Pedagogical State University

L. A. Dunaeva
Lomonosov Moscow State University

A. S. Ivanova
RUDN University

N. V. Izotova
Southern Federal University

E. I. Kostandi
University of Tartu

A. B. Likhacheva
Vilnius University

V. A. Maryanchik
Northern (Arctic) Federal University

V. V. Prozorov
Saratov State University

Yu. E. Prokhorov
St. Petersburg State University

M. Yu. Sidorova
Lomonosov Moscow State University

I. N. Sukhikh
St. Petersburg State University

M. D. Tagaev
Kyrgyz-Russian Slavic University

N. Chuykina
Tallinn University

N. I. Shrom
University of Latvia

V. D. Yanchenko
Moscow Pedagogical State University

Адрес издателя:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9
e-mail: mirs@spbu.ru

Publisher's address:

11, 6th Line V. O., St. Petersburg, 199004, Russia

Editorial board's address:

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russia
e-mail: mirs@spbu.ru

**По вопросам приобретения
и подписки обращаться:**

Издательство СПбГУ.
Сайт: publishing.spbu.ru
Контакты: +7(812) 328-44-22
+7(812) 328-77-63
e-mail: publishing@spbu.ru, post@spbu.ru

Журнал включен в:

– перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (с 2007 года);
– российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и представлен в Научной электронной библиотеке;
– научную электронную библиотеку «КиберЛенинка»

Abstracting and Indexing

– Russian Science Citation Index (RSCI), and is represented in Scientific Electronic Library (elibrary.ru)
– Scientific Electronic Library CyberLeninka

Подписной индекс
по каталогу «Пресса России» 72396
Тираж 60 экз.

Цена свободная

Отпечатано в типографии Издательства СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.
Дата выхода в свет: 29.08.2024

№ 4 2023

В НОМЕРЕ

CONTENTS

Главный редактор:

К. А. Рогова —

*д-р филол. наук, проф.,
почетный проф. СПбГУ*

Зам. главного редактора:

С. А. Кузнецов —

д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора:

Д. А. Щукина —

д-р филол. наук, проф.

Ответственный секретарь:

М. М. Ровинская

Редактор:

Г. А. Диль

Корректор:

Т. В. Иванкова

Верстка:

О. Е. Степурко

[ЛИНГВИСТИКА]

4	А. В. Стешов, М. А. Стешова
Методические проблемы
ораторики	Anatoliy V. Steshov, Maria A. Steshova
Methodical Problems of Oratory
16	О. В. Мякшева, О. Б. Сиротинина
Современный русский язык:
де-юре и де-факто	Olga V. Myaksheva, Olga B. Sirotinina
Contemporary Russian Language:
De jure and de facto
24	Е. С. Синильникова
«Слово о рождении
металлов от трясения земли»
М. В. Ломоносова как пример
горно-геологического дискурса	Elena S. Sinilnikova
“The Word about the Birth of Metals
from the Shaking of the Earth”
by Mikhail V. Lomonosov as an Example
of Mining and Geological Discourse
32	Лю Цзюэ
Персональный дейксис и
типы ситуаций: когнитив-
но-прагматический аспект	Liu Jue
Personal Deixis and Types
of Situation: Cognitive-Pragmatic
Aspect

[LINGUISTICS]

[ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА]

40	А. А. Злобин
Жанр жития в творчестве
Епифания Премудрого	Andrei A. Zlobin
Genre of Life in the Works by Epiphanius
the Wise
49	И. П. Черноусова
Концепт «род деятельности/
занятий» в былинной картине
мира	Irina P. Chernousova
The “Occupation/Employment” Concept
in the Epic Tale Picture of the World
57	Н. Д. Стрельникова
Роман Е. Г. Водолазкина
«Авиатор» как образец
петербургского текста	Nataliia D. Strelnikova
The Novel “The Aviator”
by Evgeny G. Vodolazkin as an Example
of Petersburg Text
67	С. О. Курьянов
О своеобразии реализации
событийного текста
в «Записках» Н. А. Маркевича	Sergei O. Kurianov
On the Peculiarity of the
Realization of the Event Text in
Nikolai A. Markevich’s Memoirs

[LANGUAGE AND LITERATURE]

77 Ван Цзысюань
Интермедиаальные связи: литература
и фотография (феномен фотографии
в романе М. М. Степановой
«Памяти памяти. Романс»)

Wang Zixuan
Intermedial Connections: Literature and Photography
(The Phenomenon of Photography
in the Novel “In Memory of Memory. Romance”
by Maria M. Stepanova)

[МЕТОДИКА]

- 87 М. А. Чепинская
Лексика сферы общественного питания
в содержании обучения русскому языку
китайских студентов
- 95 О. И. Акифи, Е. Н. Легочкина, А. И. Кузькина
Вся жизнь — театр! Рецепция русской
литературы в сознании иностранных
граждан через занятия в театральной студии
(в программе подготовительного факультета)
- 102 О. А. Ускова, Е. В. Кожевникова
Русский язык профессионального общения:
лингвистический и лингводидактический
аспекты
- 112 С. М. Петрова
Русский мир Азии

[METHODOLOGY]

- Marina A. Chepinskaya
Public Food Service Field Vocabulary
in the Content of Teaching Russian Language
to Chinese Students
- Olesya I. Akifi, Elena N. Legochkina, Alina I. Kuzkina
The Whole Life is a Theater! Reception of Russian
Literature in the Minds of Foreign Citizens
Through Classes in a Theater Studio
(in the Program of the Preparatory Faculty)
- Olga A. Uskova, Elena V. Kozhevnikova
The Russian Language of Professional
Communication: Linguistic and Linguodidactic
Aspects
- Svetlana M. Petrova
Russian World of Asia

[ЯЗЫК И КУЛЬТУРА]

- 121 Т. А. Демешкина
Филология в Национальном
исследовательском Томском государственном
университете: история и современность

[LANGUAGE AND CULTURE]

- Tatyana A. Demeshkina
Philology at the National Research Tomsk State
University: History and Modernity

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОРАТОРИКИ

ANATOLIY V. STESHOV, MARIA A. STESHOVA
 METHODOICAL PROBLEMS OF ORATORY

Анатолий Валентинович Стешов

кандидат военных наук, профессор
 Военно-космическая академия имени
 А. Ф. Можайского,
 Российская Федерация, 197198,
 Санкт-Петербург, ул. Ждановская, 13

Anatoliy V. Steshov

PhD in Military Sciences, Professor
 Mozhaisky Military Space Academy,
 13, ul. Zhdanovskaya, St. Petersburg,
 197198, Russian Federation

Мария Анатольевна Стешова

магистр психологии
 ▶ mashasteshova@mail.ru

Санкт-Петербургский гуманитарный
 университет профсоюзов,
 Российская Федерация, 192236,
 Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Maria A. Steshova

Master of Psychology
 St. Petersburg University of Humanities and
 Social Sciences,
 15, ul. Fuchika, St. Petersburg,
 192236, Russian Federation

В статье исследуется содержание малоизученного раздела риторической науки — ораторики, освоение знаний которой способно привести на высшую ступень риторической компетентности — ораторское искусство. Рассматривается понятие «публичная убеждающая речь» и параметры ее стиля для совершенных ораторов. Обсуждаются три не решенные до настоящего времени методические проблемы ораторики. Первая проблема заключается в отсутствии представления о методе ораторики. Для всех разделов, родов и видов риторики может существовать только единый метод, поэтому в качестве решения данной проблемы предлагается рассматривать модель метода ораторики как тождественную модели метода риторики. Вторая проблема — в неразработанности концепции риторического изобретения (инвенции) как первого этапа риторического канона. На основе модели метода ораторики и закона ораторской речи авторы представляют решение в виде графической схемы концепции инвенции как совокупности установок для мышления по методу. Третья проблема ораторики — в необходимости определения методики разработки замысла убеждающей речи. На основе концепции риторического изобретения разрабатывается визуальная схема объединенной идейной конструкции замысла речи. Наглядные авторские модели применены для объяснения трех методических проблем ораторики как высшего раздела риторики, что составляет новизну исследования. Поскольку ораторика находится на стыке многих фундаментальных и речеведческих наук, авторская методика исследования опирается на символический подход как одно из направлений синергетики. Графические модели позволили разработать методику обучения ораторскому искусству в соответствии с классическим канонам риторики Аристотеля, что необходимо для формирования риторической компетентности речедеятеля.

Ключевые слова: ораторика, публичная убеждающая речь, риторическая компетентность, парадигма убеждения, модель метода ораторики, концепция инвенции, замысел речи.

The article sets out the content of a little-studied section of rhetorical science — oratory, mastering knowledge of which can lead to the highest level of rhetorical competence, the rhetorical art. The concept of public persuasive speech and parameters of its style for perfect orators are considered. Three methodical problems of oratory that have not yet been solved are discussed. The first problem is that there is no idea about the oratory method. For all sections, kinds and types of rhetoric there can be the only one method, therefore, as a solution of this problem, it is proposed to consider the model of oratory method as identical to the model of rhetoric method. The second problem is the lack of development of the conception of rhetorical invention as the first stage of rhetorical canon. Relying on the model of oratory method and the law of rhetorical

speech, the authors are presenting the solution of this problem in the form of a graphic scheme of the conception of invention as a complex of settings for thinking according to the method. The third problem of oratory is the necessity to determine the methodology of development of persuasive speech idea. Based on the conception of rhetorical invention, the visual scheme of unified construction of ideas is developed. The authors' visual models are applied to explain three methodical problems of oratory as the highest section of rhetoric, which constitutes the novelty of the research. So far as oratory is at crossroads of many fundamental and speech sciences, the author's research methodology is based on the symbolic approach as one of directions of synergetics. Graphic models made it possible to develop the methodology of teaching rhetoric according to the classical canon of Aristotle's rhetoric, what is necessary for the formation of rhetorical competence of a speaker.

Keywords: oratory, public persuasive speech, rhetorical competence, persuasion paradigm, model of oratory method, conception of rhetorical invention, speech idea.

Введение

Еще в 1825 г. русский ритор Я. В. Толмачев замечал: «Способность изъяснять просто и обыкновенно мысли и чувствования получается человеком от природы, но искусство выражать оные с отличной ясностью и красотой, с силою и убедительностью приобретается наукою: сию науку называют риторикою» [Аннушкин 2021: 289–290]. Качества речи, о которых писал Толмачев, относятся к публичной монологической убеждающей речи, или, по Н. Ф. Кошанскому, к ораторству, витийству как искусству даром живого слова действовать на разум, страсти и волю других [Кошанский 1832]. «Цель ораторства — благотворная для людей — состоит в том, чтоб согласить различные мнения в одну мысль, различные страсти в одно направление, различные желания в одну волю» [Кошанский 1832: 151].

Это особенное искусство в античной цивилизации называлось ораторией, или ораторикой. Наука о публичной ораторской речи формировалась по классическому канону риторики Аристотеля, а преуспевающие в красноречии награждались белой тогой оратора. Термином «оратория» в Древней Греции обозначалась идеология речевых отношений при решении дел в сенате, на форуме, в суде. Сегодня «Ораторика (оратория) — раздел риторики, в котором изучается теория и практика функционирования устной публичной монологической речи» [Мехта, Аннушкин 2012: 44].

«Потребность в обучении ораторике велика — необходимо искать новое содержание и формы такого обучения с опорой на все лучшее, что имеется в отечественной риторической классике» [Мехта, Аннушкин 2012: 48].

Цель исследования

Цели настоящего исследования — на основе выявленных характеристик публичной убеждающей речи совершенных ораторов и графических авторских моделей представить решение трех методических проблем таинственной ораторики — отсутствия метода, неразработанности концепции риторического изобретения (инвенции) и необходимости определения методики разработки замысла речи — и показать путь к вершине риторической компетентности всем заинтересованным речедателям.

Состояние изучения вопроса.

Авторская методика исследования

Термин «оратория» (лат. *oro* — «говорю») упоминает М. В. Ломоносов, замышляя создать три книги о красноречии: первую — о риторике, вторую — об оратории, третью — о поэзии, но издана была только первая, по общей риторике [Ломоносов 1952]. К концу XVIII в. архиепископ Амвросий (Авраам Никитич Серебренников) издал «Краткое руководство к оратории Российской» [Серебренников 1791]. В нем приводятся значения понятий «оратория» — «есть искусство преклонять словом других к своему намерению», «оратор» — тот, «кто умеет по оной науке поступать» [Серебренников 1791: 9]. Дополним значение слова «оратор» словами Цицерона: «тот, кто любой представившийся ему вопрос, требующий словесной разработки, сумеет изложить толково, стройно, красиво, памятно и в достойном исполнении» [Цицерон 1972, кн. 1: 15]. Учение, позволяющее достичь такого высокого качества политической убеждающей публичной речи, с античных времен именуют ораторией.

А. Н. Серебренников приводит такие *отличительные признаки совершенного оратора*: «к достижению сего потребны в Ораторе, кроме

совершенного знания правил риторических, а) искусство в других науках, б) долговременное упражнение, в) подражание славнейшим писателям, г) а паче всего природные дарования...» [Серебренников 1791: 10].

В трактате «Об ораторе» Марка Тулия Цицерона находим более развернутую характеристику. По мнению автора, одним из важнейших условий для оратора является талант от природы. Недостаточно быть просто таким, как все люди при освоении любого другого ремесла, так как для ораторики требуется особая живость ума и чувств, гибкость языка, остроумие, легкость речи, красота выражения и голоса. Цицерон считает, что красноречием можно овладеть, только сравнившись в знаниях с самыми образованными людьми: оратор должен обладать мыслями философа, словами чуть ли ни поэта, памятью юриста, голосом трагика, игрой, как у лицедеёв. Благодаря этому возможно быстрое *нахождение* предмета речи, богатое *развитие* и *украшение* речи, а также верное и прочное ее *запоминание* [Цицерон 1972, кн. 1]. «Вот почему в роде человеческого ничто не попадает так редко, как совершенный оратор» [Цицерон 1972, кн. 1: 28].

Кроме этого, Цицерон предполагает: «Ну, а если когда-нибудь явится кто-нибудь такой, который сможет или по образу Аристотеля говорить ЗА и ПРОТИВ любых предметов и составлять по его предписаниям для всякого дела по две противоположные речи, или по образу Аркесилия и Карнеада спорить против всякой предложенной темы, и если с этой научной подготовкой он соединит ораторскую опытность и выучку, то этот муж и будет оратором истинным, оратором совершенным» [Цицерон 1972, кн. 3: 21]. Это означает следующее: человек, овладевший риторикой (основами составления, толкового изложения и достойного исполнения речи), становится оратором, но, чтобы стать совершенным оратором, он должен, помимо искусства убеждать, овладеть искусством возражать и разубеждать.

К словам Цицерона добавим мнение Гюстава Лебона о том, что совершенные ораторы (*вожди масс*) отличаются стойкой волей, личным обаянием, громадной силой внушения, непоколебимой убежденностью в своих идеях [Лебон 2020].

Ораторика напрямую связана с политикой и поэтому готовит человека к политической борьбе, победе своего мнения, своей идеи в публичном убеждении. Ораторская речь из могущественных речевых средств конструируется не для развлечения или услаждения. Побеждать и властвовать — вот к чему готовит ораторика политического деятеля.

В период революции 1917 г. ораторика оказалась востребованной в среде политических лидеров и вождей, «переоделась» в советское ораторское искусство и достойно обеспечивала пропаганду идей и политическое управление массами. Однако теория и методика советской ораторики не получили развития.

Таким образом, ораторика рассматривает мыслеречедеятельность *совершенного оратора*, способного подняться на *высшую ступень риторической компетентности*. Под риторической компетентностью понимается способность речедеятеля в зависимости от ситуации правильно (или правдоподобно), ясно, выразительно и убедительно (доказательно) строить устную и письменную речь. По мнению авторов настоящей статьи, античное понятие «ораторика» соответствует современному понятию «*ораторское искусство*», которое включает в себя стиль публичной убеждающей речи совершенных ораторов в различных областях деятельности.

Для формирования риторической компетентности необходимы метод риторики и методика риторической разработки речи на основе этого метода. По поводу метода Г.З. Апресян пишет: «Нет ни одной специальной работы, посвященной этому вопросу. Существует мнение, что так как ораторское искусство имеет прикладное значение, обслуживает все формы общественного сознания, то вряд ли будет правильно говорить о каком-то особом методе красноречия» [Апресян 1972: 193]. В последующем издании своей книги он высказал такое мнение: «Короче говоря, метод красноречия — явление сложное. В этой связи нужно говорить о методике красноречия, действующей на базе и в пределах самого метода» [Апресян 1978: 191]. Таким образом, понимания метода риторики нет, и нет возможности вести разговор о методике. Вот почему методические проблемы

ораторики, рассматриваемые в данной статье, являются актуальными.

Особенность представленной авторами методики исследования заключается в использовании графических моделей в соответствии с *символическим подходом*, позволяющим решать проблемы ораторики на стыке многих наук. Этот подход обязывает начинать исследование с *парадигмы (целостного образа) убеждения* как первородной категории риторики [Стешов, Стешова 2020]. На этой парадигме была обоснована и визуализирована *модель метода классической риторики* [Стешов 2014], которая позволила авторам создать две наглядные схемы: *концепции риторического изобретения* [Стешов, Стешова 2022] и *идейной конструкции замысла речи* [Стешов, Стешова 2013]. На основании изложенного были разработаны методики, технологии и система обучения риторике в целом.

Результаты и их обсуждение

1. Понятие публичной убеждающей речи и параметры ее стиля для совершенных ораторов

Публичная убеждающая речь понимается как устное монологическое, подготовленное по замыслу и правилам риторики выступление с целью убедить людей в правдоподобии мнения и подчинить своей воле, значит, довести идею до понимания, согласия и поддержки со стороны масс. Используются заражение, внушение, манипуляция и другие виды психологического влияния.

В исследовании анализировались артефакты — тексты убеждающих публичных речей совершенных ораторов античности (Демосфена, Цицерона, Лисия и др.); вождей революций и социальных бурь нынешней цивилизации (Ж. П. Марата, В. И. Ленина, В. Володарского, Ф. Кастро и др.); выдающихся полководцев (А. В. Суворова, М. И. Драгомирова и др.); гениальных русских педагогов-риторов (В. О. Ключевского, К. А. Темиряева, П. Ф. Лесгафта и др.) и знаменитых людей, повлиявших на развитие человеческой цивилизации. Удалось выявить следующие **параметры (нормы) ораторского стиля публичной убеждающей речи совершенных ораторов:**

- Убедительность — магическая сила влияния, пленительность формы речи, которые против воли слушателя ведут к согласию с мнением оратора. Эта особенность связана с законами риторики, доверчивостью людей и психологическими технологиями влияния и манипуляции.
- Адресность — ориентация на конкретную аудиторию.
- Выразительность — сила высказываний, украшенных особыми фигурами, тропами и средствами формирования образов в соответствии с основным законом формы речи.
- Техничность — сценическое произношение, поставленный голос, ритмичность фраз на основе законов интонации речи.
- Риторическая аргументация — демонстрация обоснованности мнения оратора для достижения согласия и поддержки.
- Эмоциональность — генерация необходимых чувств в соответствии с законом эмоций.
- Страстность — пафосность, энергетическая заряженность, фанатизм, вплоть до самопожертвования.
- Уместность — соответствие идей предпочтениям адресата в данной речевой ситуации.
- Ясность — законченность смысла фраз, чистота высказываний, понятность образов.

Чтобы создать методику подготовки и произнесения публичной речи с такими характеристиками, необходимы не только природные дарования, но и особенные риторические знания, умения и способности. Без представления о методе (способах, приемах и средствах убеждения), понимания процессов риторического изобретения и умения создавать замысел ораторской речи это редко кому удастся. Вот почему в учебниках и пособиях по риторике слова «методика и технология риторической разработки убеждающей речи» почти не встречаются.

2. Первая методическая проблема — отсутствие представления о методе ораторики

Как понять и изобразить метод ораторики на схеме, исходя только из определений общей

Рис. 1. Парадигма (целостный образ) процесса убеждения речью

категории «метод»? К сожалению, какой-либо рисунок из античности до нас не дошел, а в символическом подходе моделирование начинается именно с графического образа (парадигмы).

Будем опираться на представления Е. И. Пасова, который дает четыре признака метода в методике:

- 1) дифференцированность для достижения цели;
- 2) независимость от условий и изучаемого языка;
- 3) способность охватывать все стороны овладения данным видом речевой деятельности;
- 4) необходимость доминирующей идеи для решения главной методической задачи [Пасов 2009].

Начнем с анализа *фундаментального закона ораторской речи*: *всякий вид ораторской речи представляет собой единство этоса, пафоса и логоса*. По Аристотелю, базовыми категориями риторики являются:

- 1) **этнос** — слушатели как объект воздействия речью. Характеристиками этоса являются:

уровень интеллекта, интересы, установки и состояние сознания. От этих факторов зависит степень достижения цели речи — приверженности слушателей идеям оратора;

- 2) **пафос** — замысел создателя речи (энергетическая заряженность логоса). Пафос состоит из *темы* (содержания), вытекающего из нее *главного тезиса* (мнения) и цели (осознанного результата) речи;
- 3) **логос** — все, что относится к *аргументации*, логическому следованию (способам убеждения), языковым средствам и форме изложения мыслей при воплощении замысла.

На основе этого *парадигмального триединства* античных категорий вначале построим психологический образ убеждения, на котором создадим модель метода ораторики. Приведем доказательство согласованности трех фундаментальных категорий в законе ораторской речи — этоса, пафоса и логоса — с *формулой магии коммуникации* основоположника теории нейролингвистического программирования Майкла Холла «**Внешнее влияние → / = Внутреннее состояние**» [Холл 2004].

Рис. 2. Модель метода ораторики

Разместим на графической трансформации формулы магии коммуникации шесть слов категории убеждения и три слова из закона ораторской речи. Так построена **парадигма (целостный образ) процесса убеждения речью** (рис. 1) [Стешов, Стешова 2020].

На этом образе в соответствии с символическим подходом создана **модель метода ораторики** (рис. 2) [Стешов 2014].

Обоснованы четыре способа убеждения (аргументации), соответствующие трем логическим и одному психологическому методам мышления. Систематизированы приемы и средства, относящиеся к каждому способу. Данная модель соответствует требованиям к методу в методике по Е. И. Пассову [Пассов 2009]. Модель не зависит от содержания речи, эпохи, народа и языка. Модель позволяет анализировать речь ораторов, устанавливать структуру ее смысла, выявлять элементы замысла, ораторские приемы и средства магического влияния. Модель универсальна и распространяется на ораторику как высший раздел риторики. Метод ораторики в конкретной публичной убеждающей

речи может реализовываться в различном сочетании способов, приемов и средств воздействия, обозначенных на модели. В пределах данной модели можно продолжить разговор о «методике красноречия», о чем писал Г.З. Апресян. Таким образом, рассматриваемая проблема отсутствия модели метода ораторики успешно решена.

Модель можно расширять (масштабировать) до нужных запросов теоретического изъяснения. Неоспоримое ее достоинство — возможность объяснить процедуру риторического изобретения речи. Это относится ко второй важной методической проблеме настоящего исследования.

3. Вторая проблема ораторики — неразработанность концепции риторического изобретения

Концепция риторического изобретения вытекает из закона ораторской речи как совокупность установок для мышления по методу. Без метода, по И. Канту [Берков, Яскевич 2007], следует ожидать неразумие и хаос в мышлении.

Процедура риторического изобретения в трудах русских риториков, в первую очередь М. В. Ломоносова, представлена общими положениями [Ломоносов 1952], не связанными ни законом, ни методом, ни конструкцией замысла. Современная концепция риторического изобретения в теории риторики Ю. В. Рождественского [Рождественский 2015] разработана на основе закона речи, но при отсутствии в теории метода риторики не доведена до четкой методики мыслительной деятельности при разработке замысла, и ее примеры не представлены. Необходима упрощенная техника изобретения (по Цицерону — «приискания», по М. В. Ломоносову — «собираания») идей замысла речи, доступная как обучающемуся, так и человеку с законченным высшим образованием для усвоения и успешного применения при подготовке к публичному выступлению.

Изучив толкования русских риториков, познакомившись с американскими громоздкими эвристиками [Сычев 1991], по которым надо задавать себе сотни вопросов, ориентирующих на поиск каких-то новых гипотез, идей, умозаключений, доказательств или опровержений, осмыслив эвристику Р. Л. Ларсона («План для обучения риторическому изобретению») [Larson 1968], теорию риторического изобретения Ю. В. Рождественского, попытаемся визуализировать в границах модели метода риторики монолога обобщенную процедуру риторического изобретения.

Логика *символического подхода* такова: на законе ораторской речи построен образ убеждения (рис. 1), на образе построена модель метода (рис. 2), а в границах модели метода, как говорил Г. З. Апресян [Апресян 1978], должна быть построена визуализация **четырёх концептов риторического изобретения** (рис. 3) [Стешов, Стешова 2022].

Сформулируем четыре установки (концепта) как четыре следующих друг за другом умения (см. рис. 3):

1) **первое умение (концепт) — оценить речевую ситуацию.** *Речевая ситуация* — это стечение факторов и условий, влияющих на выбор жанра и замысла речи. Оценка речевой ситуации следует начинать с вопросов: *кому говорить?* (какому этосу) и *где говорить?* (в каких условиях).

Оценка этоса и речевой ситуации предполагает:

- тщательный анализ состава и психологических характеристик аудитории;
- оценку ожиданий и предпочтений, эмоционального настроения, типовых реакций и возможного состояния людей;
- нахождение нового и интересного предмета для слушателей;
- обдумывание «железной логики» подачи информации;
- оценку уместности этого предмета здесь, сейчас и для данной аудитории.

Обязательно принять во внимание условия коммуникации и возможные факторы, которые могут повлиять на выступление или сорвать его. Некоторые из факторов приведены на рис. 3. Легче задавать себе вопросы для поиска идей, когда под рукой понятная визуальная картина первого концепта умственной деятельности;

2) **второе умение (концепт) — раскрыть или вникнуть в тему.** Это умение связано с *нафосом* — вторым термином закона речи. Что значит вникнуть в тему? Прежде всего овладеть в совершенстве *предметом*, который обозначен **ключевым словом**. Необходимо точно определить предмет и сосредоточиться на поиске нового и уместного материала по нему. Раскрыть тему — значит представить ход рассуждения (раскрутить информацию о предмете, используя дедукцию, индукцию, по аналогии или другим путем) для обоснования достоверности или правдоподобия главной мысли (мнения, тезиса);

3) **третье умение (концепт) — сформулировать главный тезис (или «царствующую мысль») и цель речи.** Сложность формулировки *главного тезиса* состоит в том, что основная мысль речи не лежит на поверхности: ее надо вывести и сформулировать в результате исследования материалов по теме и с учетом интересов и запросов слушателей. Главный тезис является отточенной формулировкой актуальной идеи, «пулей» всей аргументации. Словесное выражение должно заразить людей идеей, войти в сознание как стимул к действиям. Предстоит убеждать аудиторию в его достоверности или правдоподобии, добиваться

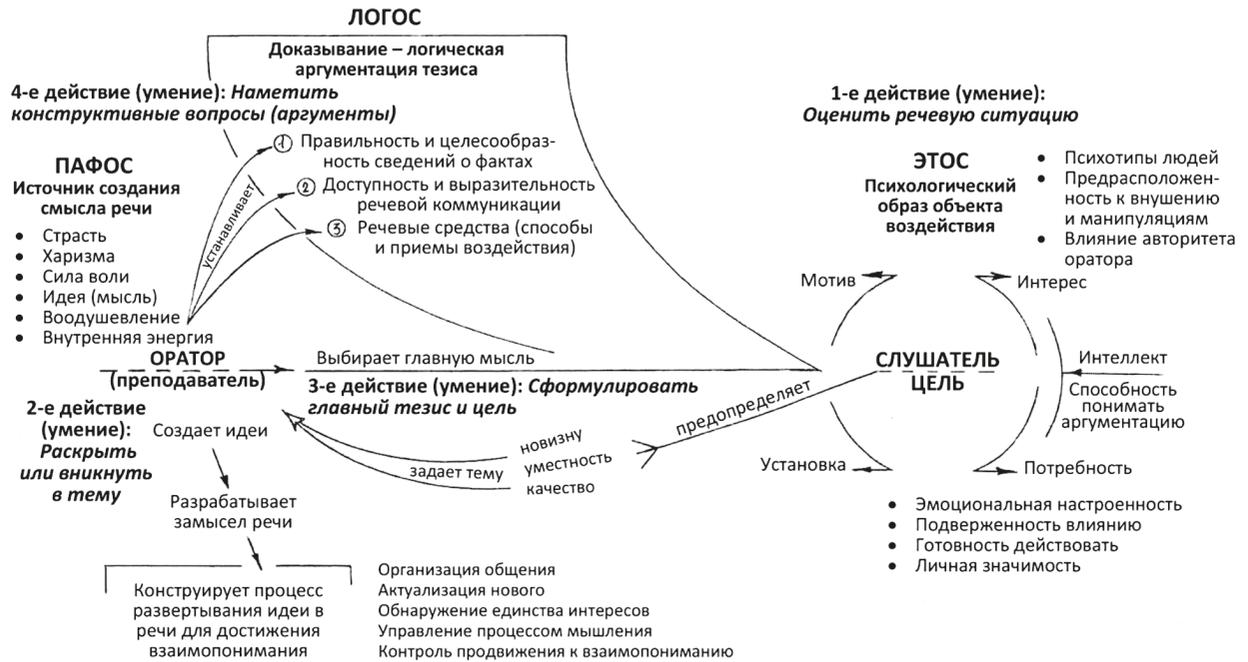

Рис. 3. Концепция риторического изобретения (инвенции)

принятия и одобрения. В этом цель предстоящей аргументации.

Цель убеждения обозначается глаголом, так как предназначена выражать действие и намерение оратора. При формулировании цели глагол ставится перед главным тезисом. Главный тезис и цель составляют стратегию убеждения;

4) четвертое умение (концепт) — **наметить конструктивные вопросы или аргументы**. Они подбираются для обоснования тезиса и с учетом развития темы. Вопросы (названия подтем) и аргументы являются основой *логоса* речи и *тактики* убеждения. Здесь подбираются *способ и приемы* влияния, *вариант риторической аргументации* и *средства выразительности*.

Если данные четыре умения *дробить на мелкие умственные действия (операции)*, то это уже будет **ораторская методика**, или *системный алгоритм методического мышления*.

Обобщенная авторская схема (рис. 3) дает возможность созерцать все смысловое поле концепции риторического изобретения (инвенции). Так авторам исследования представляется решение второй проблемы ораторики.

4. Третья проблема ораторики — необходимость определения методики разработки замысла речи

Данная проблема является исключительно важным началом практического обучения ораторике. Роль и значение замысла речи выразил в стихах французский поэт и теоретик классицизма Никола Буало [Буало 2010: 49]:

Иной в своих стихах так затемнит идею,
Что тусклой пеленой туман лежит над нею,
И разума лучам его не разорвать, —
Обдумать надо мысль и лишь потом писать!
Пока неясно вам, что вы сказать хотите,
Простых и точных слов напрасно не ищите;
Но если замысел у вас в уме готов,
Все нужные слова придут на первый зов.

Обращаемся к современному определению **замысла речи** из теории риторики Ю. В. Рождественского как *объединенной «идейной конструкции истолкования нового, то есть совокупности смыслов и высказываний... замысел должен быть соответствующим образом словесно и изобразительно выражен*. Это выражение должно быть приспособлено к характеру интересов, уровню

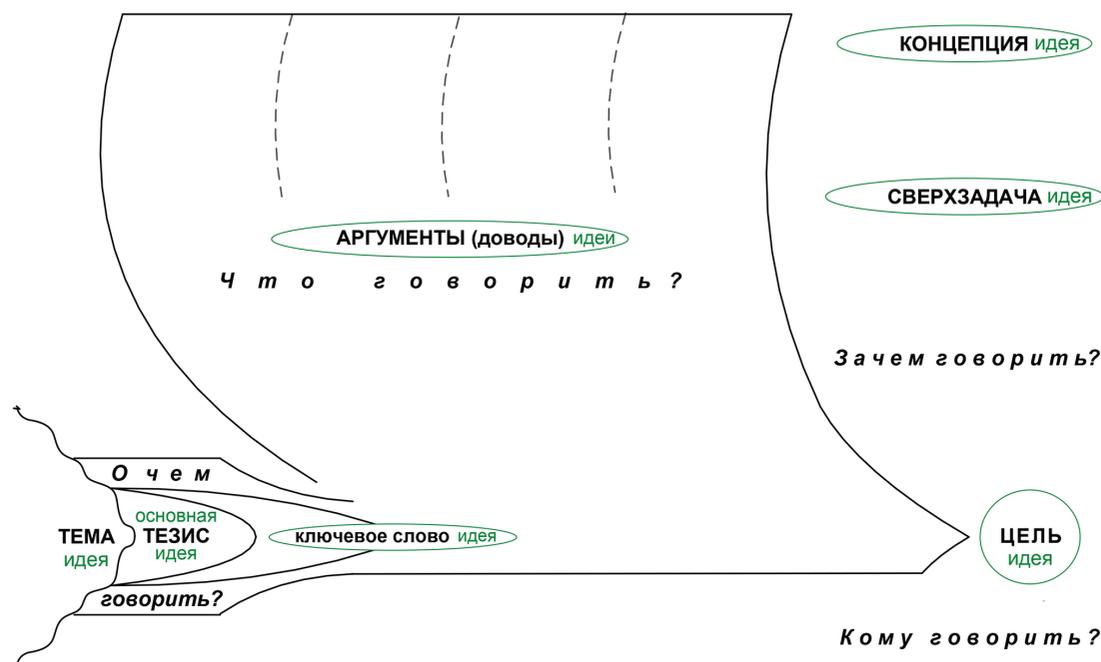

Рис. 4. Идеиная конструкция замысла убеждающей речи

понимания и степени интеллектуальной развитости в пределах общей концепции риторического изобретения и иметь для каждой аудитории свою систему доводов» [Рождественский 2015: 229].

Изобретенные высказывания в античных учениях назывались *топосами*, или, по М.В. Ломоносову, «общими местами» [Ломоносов 1952], а в символическом подходе именуется «категориями порядка» [Солодова 2016]. Самый короткий словесный замысел речи состоит из двух общих мест: тезиса и цели. В символической форме (рис. 2) он представляется двумя символами: «пулей», обозначающей тезис, и «кругом», обозначающим цель. Движение пули к цели символизирует стратегию речи. К символам стратегии примыкает символ тактики убеждения (контур крыла), которую составляют способы, приемы и средства аргументации (продвижения) «пули» по направлению к цели.

Для построения объединенной **идейной конструкции замысла убеждающей речи** (рис. 4) [Стешов, Стешова 2013] используем смысловое поле модели метода ораторики (рис. 2) и концепции риторического изобретения (рис. 3), в пределах которого располагаются общие места для *семи*

основных идей: темы, тезиса, ключевого слова, цели, аргументов, концепции и сверхзадачи.

В античной традиции для поиска идей рекомендовалось задавать себе вопросы: *кому говорить? где говорить? о чем говорить? зачем говорить? что говорить? сколько говорить?* и др. Такие вопросы сосредотачивали ум на формулировании идей для речи. Американские исследователи второй половины XX в. пошли этим же путем и разработали эвристики (учения) о риторическом изобретении [Сычев 1991] без каких-либо ограничений и идейных конструкций.

При анализе текстов речей В.И. Ленина, И.В. Сталина, А.В. Луначарского, Ж.П. Марата и многих других российских и зарубежных выдающихся ораторов и вождей масс можно убедиться, что их замыслы полностью вписываются в предложенную идейную конструкцию. Приведем в качестве доказательства замысел речи И.В. Сталина, произнесенной на приеме в Кремле 24 мая 1945 г. (рис. 5). Это одна из речей, анализ которой был произведен в рамках данного исследования.

Для формулировки согласованных идей замысла речи установлены логико-лингвистические

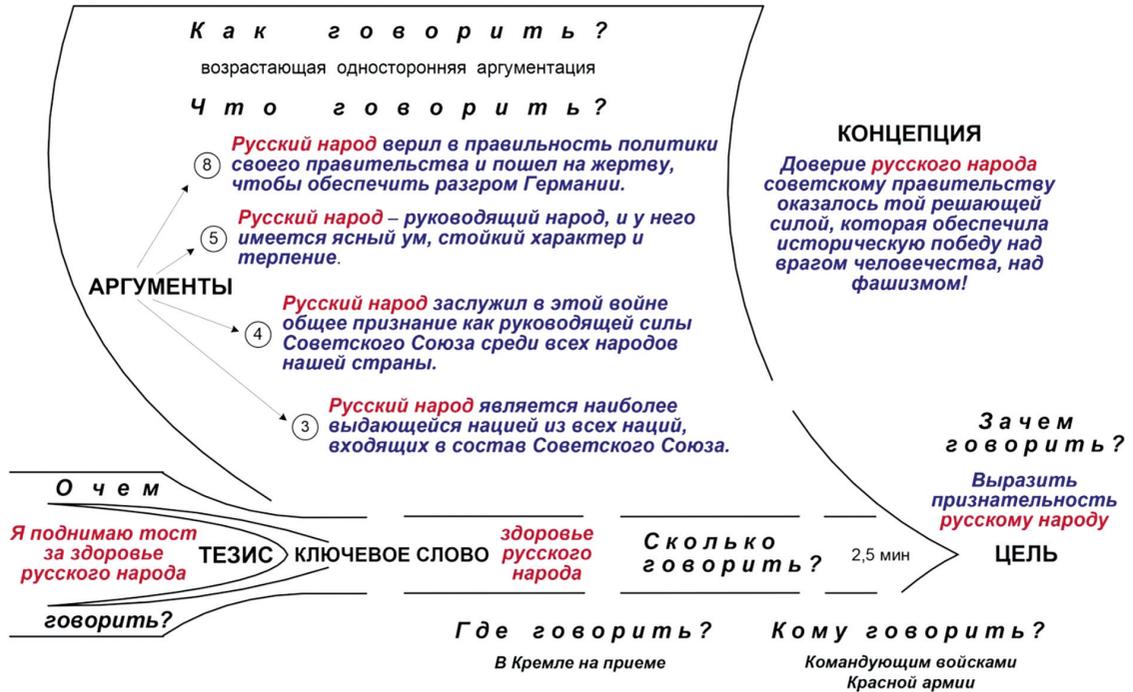

Рис. 5. Замысел речи И. В. Сталина 24 мая 1945 г.

требования к высказываниям [Стешов, Стешова 2013]. Эти требования обеспечивают смысловое единство идейной конструкции замысла («железную логику речи»).

Предложенная идейная конструкция замысла речи (рис. 4) соответствует риторической концепции Аристотеля, что проверила кандидат филологических наук Т. Т. Баева: «...мы убедились, что в схеме А. В. Стешова нашли отражение все главные риторические постулаты Аристотеля, разрабатываемые и другими авторами современных риторик» [Баева 2005: 121].

Данная конструкция позволяет разработать методику обучения изобретению замысла при подготовке публичной убеждающей речи, что говорит об успешном решении третьей проблемы ораторики.

Выводы

В результате проделанной работы можно сделать следующие выводы. Ораторика — это совершенно неразработанный раздел риторической науки, изучающий искусство и мастерство великих

ораторов убеждать речью большие массы народа. Ораторика поднимает вождей на высшую ступень почета и власти. В России об этом искусстве упоминали только М. В. Ломоносов и А. Н. Серебряников. В настоящее время отсутствует какая-либо теория и практика обучения ораторике государственного уровня, поэтому актуальность рассматриваемых методических проблем нельзя недооценивать.

В данном исследовании на основе личных работ в методике преподавания академической риторики и анализа речей великих ораторов авторы в соответствии с символическим подходом впервые предложили решения трех методических проблем ораторики — высшего раздела риторики как науки. Визуальная модель метода ораторики, предложенная в качестве решения первой проблемы, позволяет вести разговор о методике ораторики. Решения следующих двух проблем представлены в виде графических схем концепции инвенции и идейной конструкции замысла убеждающей речи, которые позволяют приступить к разработке методики преподавания ораторики.

Есть убежденность в том, что эти три решения открывают путь к созданию специального предмета и системы непрерывного образования для формирования риторической компетентности ответственных речедееателей: президентов, депутатов, лидеров движений и организаций, юристов, высших офицеров и др., обязанных по своему долгу говорить перед народом ясно, выразительно, действенно и убедительно.

Думается, загадочное и красивое античное слово «ораторика» помогло встать на путь к коммуникативной риторике будущего.

ЛИТЕРАТУРА

- Аннушкин 2021 — Аннушкин В. И. *История русской риторики. Хрестоматия*. 5-е изд. М.: Флинта, 2021. 417 с.
- Апресян 1972 — Апресян Г. З. *Ораторское искусство*. 2-е изд. М.: МГУ, 1972. 255 с.
- Апресян 1978 — Апресян Г. З. *Ораторское искусство*. 3-е изд. М.: МГУ, 1978. 280 с.
- Баева 2005 — Баева Т. Т. Риторическая концепция Аристотеля в схеме А. В. Стешова «Разработка замысла речи». *Записки Горного института*. 2005, 160 (1): 117–121.
- Берков, Яскевич 2007 — Берков В. Ф., Яскевич Я. С. *Логика и риторика. Хрестоматия*. 2-е изд. Мн.: ТетраСистемс, 2007. 736 с.
- Буало 2010 — Буало Н. *Поэтическое искусство*. СПб.: Азбука, 2010. 176 с.
- Кошанский 1832 — Кошанский Н. Ф. *Частная риторика*. СПб.: Изд-во Импер. Акад. наук, 1832. 162 с.
- Лебон 2020 — Лебон Г. *Психология народов и масс*. М.: АСТ, 2020. 384 с.
- Ломоносов 1952 — Ломоносов М. В. *Краткое руководство к красноречию*. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 322 с.
- Мехта, Аннушкин 2012 — Мехта А., Аннушкин В. И. Содержание и эволюция термина «ораторика». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2012, (3): 44–49.
- Пассов 2009 — Пассов Е. И. *Терминосистема методики, или Как мы говорим и пишем*. СПб.: Златоуст, 2009. 125 с.
- Рождественский 2015 — Рождественский Ю. В. *Теория риторики*. 6-е изд. М.: Флинта, 2015. 544 с.
- Серебренников 1791 — Серебренников А. Н. *Краткое руководство к оратории Российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося*. М., 1791. 192 с.
- Солодова 2016 — Солодова Е. А. *Новые модели в системе образования. Синергетический подход*. М.: Либроком, 2016. 344 с.
- Стешов 2014 — Стешов А. В. *Риторика для лидера*. СПб.: НОУ «Экспресс», 2014. 70 с.
- Стешов, Стешова 2013 — Стешов А. В., Стешова М. А. Методика риторической разработки публичной речи. *Вест-*

ник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013, 2 (19): 98–106.

Стешов, Стешова 2020 — Стешов А. В., Стешова М. А. Методология познания риторики XXI века. В сб.: *Научно-педагогический альманах «Актуальные проблемы профессиональной педагогической деятельности»*. СПб.: ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», 2020. С. 351–360.

Стешов, Стешова 2022 — Стешов А. В., Стешова М. А. Убеждение публичной речью. В сб.: *Развитие военной педагогики в XXI веке: мат-лы IX межвуз. науч.-практич. конф.* Костарев С. В., Соколова И. И., Ершов Н. В. (ред.). СПб.: Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного, 2022. С. 527–539.

Сычев 1991 — Сычев О. А. *Обучение риторике в эпоху компьютеров: Введение в опыт США*. М.: Знание, 1991. 64 с.

Холл 2004 — Холл М. *Магия коммуникации. Использование структуры и значения языка*. СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. 345 с.

Цицерон 1972 — Цицерон М. Т. *Об ораторе. Книга 1*. Пер. Ф. А. Петровского. М.: Наука, 1972. 62 с.

Цицерон 1972 — Цицерон М. Т. *Об ораторе. Книга 3*. Пер. Ф. А. Петровского. М.: Наука, 1972. 61 с.

Larson 1968 — Larson R. L. *Discovery through questioning: A plan for teaching rhetorical invention*. Urbana: College English Publ. 1968, 30 (2): 126–134.

REFERENCES

- Аннушкин 2021 — Annushkin V. I. *The history of Russian rhetoric. Chrestomathy*. 5th ed. Moscow: Flinta Publ., 2021. 417 p. (In Russian)
- Апресян 1972 — Apresian G. Z. *Oratorical art*. 2nd ed. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta Press, 1972. 255 p. (In Russian)
- Апресян 1978 — Apresian G. Z. *Oratorical art*. 3rd ed. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta Press, 1978. 280 p. (In Russian)
- Баева 2005 — Baeva T. T. Aristotle's rhetorical concept in the scheme of A. V. Steshov "The invention of speech idea". *Zapiski Gornogo instituta*. 2005, 160 (1): 117–121. (In Russian)
- Берков, Яскевич 2007 — Berkov V. F., Iaskevich Ia. S. *Logic and rhetoric. Chrestomathy*. 2nd ed. Minsk: TetraSistems Publ., 2007. 736 p. (In Russian)
- Буало 2010 — Bualo N. *Poetic art*. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2010. 176 p. (In Russian)
- Кошанский 1832 — Koshanskii N. F. *Particular rhetoric*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1832. 162 p. (In Russian)
- Лебон 2020 — Lebon G. *Mass psychology*. Moscow: AST Publ., 2020. 384 p. (In Russian)
- Ломоносов 1952 — Lomonosov M. V. *A brief guide to eloquence*. Moscow: AN SSSR Publ., 1952. 322 p. (In Russian)
- Мехта, Аннушкин 2012 — Mekhta A., Annushkin V. I. The content and evolution of the term "oratory". *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia*. 2012, (3): 44–49. (In Russian)

- Пассов 2009 — Passov E. I. *Terminological system of methodology, or How we speak and write*. St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2009. 125 p. (In Russian)
- Рождественский 2015 — Rozhdestvenskii Iu. V. *The theory of rhetoric*. 6th ed. Moscow: Flinta Publ., 2015. 544 p. (In Russian)
- Серебрянников 1791 — Serebrennikov A. N. *A brief guide to the Russian oratorio, composed at the Lavra Seminary in favor of the youth, the eloquence of the student*. Moscow, 1791. 192 p. (In Russian)
- Солодова 2016 — Solodova E. A. *New models in the education system. Synergistic approach*. Moscow: Librokom Publ., 2016. 344 p. (In Russian)
- Стешов 2014 — Steshov A. V. *Rhetoric for a leader*. St. Petersburg: NOU “Ekspress” Publ., 2014. 70 p. (In Russian)
- Стешов, Стешова 2013 — Steshov A. V., Steshova M. A. The method of rhetorical invention of public speech. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi iuridicheskoi akademii*. 2013, 2 (19): 98–106. (In Russian)
- Стешов, Стешова 2020 — Steshov A. V., Steshova M. A. The methodology of knowledge of rhetoric of the 21st century. In: *Nauchno-pedagogicheskii al'manakh “Aktual'nye problemy professional'noi pedagogicheskoi deiatel'nosti”*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Voenno-morskoi akademii Publ., 2020. P. 351–360. (In Russian)
- Стешов, Стешова 2022 — Steshov A. V., Steshova M. A. Persuasion in public speech. In: *Razvitie voennoi pedagogiki v XXI veke: Materialy IX Mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Kostarev S. V., Sokolova I. I., Ershov N. V. (eds). St. Petersburg: Voennaia akademiia sviazi im. Marshala Sovetskogo Soiuza S. M. Budennogo Publ., 2022. P. 527–539. (In Russian)
- Сычев 1991 — Sychev O. A. *Teaching rhetoric in the computer age: An introduction to the US experience*. Moscow: Znanie Publ., 1991. 64 p. (In Russian)
- Холл 2004 — Khol M. *Communication magic. Exploring the structure and meaning of language*. St. Petersburg: Praim-Evroznak Publ., 2004. 345 p. (In Russian)
- Цицерон 1972 — Cicero M. T. *About the orator. Book 1*. Transl. by F. A. Petrovskii. Moscow: Nauka Publ., 1972. 62 p. (In Russian)
- Цицерон 1972 — Cicero M. T. *About the orator. Book 3*. Transl. by F. A. Petrovskii. Moscow: Nauka Publ., 1972. 61 p. (In Russian)
- Ларсон 1968 — Larson R. L. *Discovery through questioning: A plan for teaching rhetorical invention*. Urbana: College English Publ. 1968, 30 (2): 126–134.

Современный русский язык: де-юре и де-факто

OLGA V. MYAKSHEVA, OLGA B. SIROTININA
CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE: DE JURE AND DE FACTO

Ольга Викторовна Мякшева

доктор филологических наук, профессор

► myaksheva.ov@gmail.com

*Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского,
Российская Федерация, 410012,
Саратов, ул. Астраханская, 83*

Olga V. Myaksheva

Doctor of Philology, Professor

*Saratov State University,
83, ul. Astrakhanskaya, Saratov,
410012, Russian Federation*

Ольга Борисовна Сиротинина

доктор филологических наук, профессор

► skunak@mail.ru

*Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского,
Российская Федерация, 410012,
Саратов, ул. Астраханская, 83*

Olga B. Sirotinina

Doctor of Philology, Professor

*Saratov State University,
83, ul. Astrakhanskaya, Saratov,
410012, Russian Federation*

Модель языковой политики Российской Федерации предполагает, что на территории страны функционирует единый государственный язык — русский, и это юридически закреплено в законе «О государственном языке Российской Федерации», нормативно-правовых актах, государственных программах. Де-факто государственный русский язык изучается в школах России, особенно в старших классах, в формате ЕГЭ, что разрушает его целостное восприятие и возможность полноценного владения им. Дисциплины «Элективные курсы», «Русский родной язык», способствующие углубленному изучению русского языка, в школе часто существуют только на бумаге, фактически они предназначаются для штудирования тренировочных материалов к ЕГЭ. Уровень реального использования языка, даже чиновниками высокого ранга, журналистами, политологами, представителями других профессий, нередко не отвечает требуемым качествам эффективной коммуникации, что подтверждают результаты мониторинга речи с экранов телевизоров. Современная ситуация в мире особенно отчетливо обнаружила, что ориентация на построение потребительского общества в нашей стране за последние 30 лет, глобализационные процессы, очевидное существование двойных стандартов в поведении как целого государства, так и отдельного человека, хорошо разработанные методики фейковой информации и т. д. влекут за собой, пожалуй, самую серьезную опасность для языка — забвение кодов русской культуры. Например, реклама беззастенчиво эксплуатирует выразительные ресурсы языка для повышения спроса на свои товары. В результате анализа болевых точек существования русского языка в современной России делается следующий вывод: исцеление от нравственных недугов современного общества возможно только при понимании того, что мы сохраним государство, если сохраним свой язык.

Ключевые слова: языковая политика РФ, государственный русский язык, Единый государственный экзамен, реальный уровень владения языком, реклама, коды русской культуры.

The authors argue that the model of the language policy of the Russian Federation assumes that a single official language, Russian, functions on the territory of the country, and this is legally enshrined in the law on the official language of the Russian Federation, regulatory legal acts, and state programs. The “de facto” official Russian language is studied in Russian schools, especially in high school, in the format of the unified state examination, which destroys its holistic perception and the possibility of full proficiency. The disciplines “Elective Russian Language Courses”, “Russian Native Language”, which contribute to the in-depth study of the Russian language, often exist only on paper at school, in fact, they turn into rote learning of

training materials for the Unified State Exam. The current situation in the world has particularly clearly revealed that the focus on building a consumer society in our country over the past 30 years, globalization processes in the world, the obvious existence of double standards in the behavior of both the whole state and the individual, well-developed methods of fake information etc. entail, perhaps, the most serious danger to the language — the oblivion of the codes of Russian culture. For example, advertising shamelessly exploits the expressive resources of language to increase the demand for its products. As a result of the analysis of the pain points of the existence of the Russian language in contemporary Russia, the following conclusion is made: healing from the moral ailments of modern society is possible only with the understanding that we will save the state if we save our language.

Keywords: language policy of the Russian Federation, official Russian language, unified state examination, real level of language proficiency, advertising, codes of the Russian culture.

В тревожное для нашей страны и всей планеты время Россия твердо отстаивает гуманистические идеи. Языковая политика Российской Федерации де-юре соответствует новым вызовам, ее модель предполагает, что на территории многонациональной страны функционирует единый государственный язык — русский, что обеспечивает полноценное взаимодействие представителей разных национальностей (см. перечень законов, нормативно-правовых актов, государственных программ [Юдина, Ковалева 2020: 12]). Русский язык является сокровищницей исторического и культурного опыта поколений, проживающих на территории современной России, выработавших совместно в предшествующие исторические периоды духовно-нравственный, патриотический стержень в мировоззрении, коды русской, российской культуры. Это же время обязывает назвать болевые точки существования современного русского языка, что мы и попытаемся сделать.

На взгляд авторов представленной статьи, основная проблема существования в современном российском обществе языка находится в просветительской области. Русский язык в школах России нередко изучается, особенно в старших классах, как подготовка к ОГЭ и ЕГЭ, что разрушает его целостное восприятие и исключает возможность для школьников полноценно овладеть связной речью, то есть является искажением целей и задач обучения языку. Более того, далеко не всё в языке можно проконтролировать в формате ЕГЭ,

а это значит, что часть программы уйдет и уходит из задач изучения.

Авторы ни в коей мере не считают, что от ЕГЭ и ОГЭ нужно отказаться, но, главное, к ним категорически нельзя готовить. Несколько лет назад был организован конкурс эссе у старшеклассников. Из 100 работ в восьми (!) иллюстрацией добрых поступков стал перевод старушки через дорогу. Почему? Потому что такой пример доброго поступка был приведен в материалах подготовки к ЕГЭ. Большинство присланных на конкурс эссе были переполнены правильными словами о совести, чести, уважении к старшим и образованным людям, однако нагромождение семантически плотных слов возымело обратный эффект — этим словам трудно верить.

Среди типичных черт сочинений ЕГЭ авторы статьи «Жанрово-композиционные особенности сочинения ЕГЭ как предмет ортологического исследования» выделяют рефлексивную коммуникативную цель: *Я пишу для того, чтобы сдать экзамен* [Гуц, Леонтьева 2011: 210–217]. В нашем случае коммуникативной целью стала победа в конкурсе, а не личные соображения по конкретному вопросу, полные свободного творчества. Эта подмена целеустановки (интенциональности) отчетливо отразилась в отборе языковых средств. Наиболее заметной речевой приметой эссе стали однородные ряды (содержащие пять и более компонентов) с выразительным эффектом градации, доходящей до запредельных, коммуникативно не оправданных высот: *Она (главная жизненная задача. — О. М., О. С.) должна диктоваться добротой к людям, любовью к семье, к своему городу, к своему народу, стране, ко всей вселенной; трудолюбие, настойчивость, упорство, взаимовыручка, честность, желание самосовершенствоваться — важные положительные составляющие нравственного облика каждого из нас; достоинство требует доброты, великодушия, умения не быть узким эгоистом, быть правдивым, хорошим другом, находить радость в помощи другим.* Эссе демонстрируют тревожное явление: у молодежи нет жизненной практики употребления этих слов, они не прочувствованы детьми, не прожиты ими, а использованы для решения конкретной задачи — победить

и получить балл себе и учителю-консультанту в портфолио (подробнее анализ эссе школьников в: [Мякшева 2018: 136–143]).

В старших классах школы сравнительно недавно появилась новая дисциплина «Элективные курсы» (в том числе по русскому языку), задачами данной дисциплины являются ранняя диагностика склонностей к определенному профилю образования, углубление знаний в этом профиле, формирование способности логично, выразительно, убедительно, аргументированно мыслить. И это замечательно. Несложно предположить, однако, куда перепрофилированы часы, предназначенные для этой дисциплины. Как говорят сами бывшие выпускники и их учителя, — это бесплатные репетиторские часы для подготовки к ЕГЭ. На просторах Интернета можно легко найти элективные курсы типа «Русский язык в формате ЕГЭ».

Дисциплина «Русский родной язык», целью которой является возвращение к историческим корням национального языка, поскольку на первом месте среди ее задач — реализация кумулятивной, культуросберегающей функции языка (см., например, в учебниках «Русский родной язык» издательства «Просвещение»), в школе нередко существует только на бумаге, фактически она тоже превращается в часы подготовки к ЕГЭ и ОГЭ.

Рассмотрим функционально-прагматический аспект проблемы существования русского языка в современной России. Например, обратимся к той речи, которую слышим с экранов телевизоров. Мониторинг такой речи показывает, что в новостных передачах, разного рода ток-шоу речевые ошибки множатся, создается впечатление, что и журналисты, и политологи, и представители других профессий, и чиновники даже самого высокого ранга не придают значения тому, что в первую очередь безукоризненно грамотная речь не только обеспечивает адекватное понимание мысли, но и является гарантией уважительного отношения и к самому говорящему, и к его статусу, то есть является гарантией эффективной речевой коммуникации. М. А. Кормилицына совершенно справедливо пишет: «Эффективной может быть только продуктивная коммуникация, в процессе и в результате которой все ее участники смогли достичь

взаимопонимания, если не полного, то хотя бы достаточного для реализации тех коммуникативных целей, которые поставил инициатор коммуникации, адресант» [Кормилицына 2019: 6]. Вспоминается, как Л. А. Вербицкая на одном из конгрессов РОПРЯЛ с гордостью говорила, что часто отвечает на звонки «самого высокого начальства» с вопросом о том, как то или иное слово произнести правильно.

Приведем только некоторые примеры типичных ошибок из передач трех ведущих каналов — Первый канал, «Россия 1» и НТВ — за ноябрь и декабрь 2022 г., и обратим внимание на то, как быстро происходит привыкание к неправильной форме: уже к концу прочтения ряда подобных примеров норма затушевывается.

1. Наиболее частотный тип ошибки отражает «агрессивное» поведение скрепы *о том: жизнь под-сказывает о том; полковник объяснял нам о том, что будет; усомнились о том; нас настораживает о том, что наблюдаем рост заболеваемости; показал фотографию о том, что случилось; мы наблюдаем о том, как разворачивается ситуация в Херсоне; убедиться о том, что ситуация стабилизируется; надо показать о том, что сливают информацию; доказывает о том; вопрос касался о том; им надо внушать о том; убедиться о том; понимают о том; что касается о том* и т. д.

2. Непозволительно расширились границы употребления слова *достаточно* и его функциональных эквивалентов: *Германия достаточно враждебно относится к нам; на выставке захваченного оружия достаточно много; повреждения в Донецке достаточно серьезные; это достаточно серьезный порок, который требует достаточно решения; до сегодняшнего дня мы в достаточной мере были зависимы от импорта; несмотря на достаточно непростой период, нам удалось увеличить число доноров; сегодня достаточно скользко (прогноз погоды); Омар находится в достаточно сложной жизненной ситуации; на Украине происходят достаточно кровавые события; достаточно тяжело идут бои; у нацистов достаточно кровавая идеология; ситуация в современном обществе достаточно тупиковая; в городе произошло достаточно преступлений*

со смертельным исходом. Стоит задать употребившим это слово вопрос: **для кого этого всего достаточно?**

3. Часто нарушаются орфоэпические нормы: *шинэль; тэрмин; обеспече́ние; ходата́йствовать* и подобное.

4. Стремление к экспрессивности речи влечет за собой избыточность средств выражения этой экспрессивности: *более выше; самый высочайший; было бы самой глупейшей ошибкой бросить солдат; очень замечательно прошел праздник.*

5. Употребление числительных — непреодолимая проблема для многих публичных людей: *речь шла о двести человек; около двухста; трехста; менее четыреста, около шестьсот миллионов рублей* и т. д. Только на третьем десятке текущего тысячелетия носители языка справились с употреблением порядковых числительных с обозначением даты: *две тысячи первый год, две тысячи двадцать второй год.* Хотя употребление *до двух тысяч двадцать третьего года* еще можно встретить.

6. Некоторыми публичными людьми забыто правило употребления усилительной частицы *ни: не один ребенок без подарка не останется.* И если в предыдущем случае смысл фразы все равно понятен, то в следующей *...обнаружено не одно нарушение норм противопожарной безопасности адресат, не слышавший начала (На данном предприятии не...),* воспримет фразу как прямо противоположную с точки зрения вложенной в нее информации.

7. В последние десятилетия лингвисты, изучая заполнители естественных для спонтанной речи пауз в аспекте причин их появления и систематизируя такие речевые единицы в тематические группы (дискурсивы, хезитативы и под.) и т. д. (см., напр.: [Викторова 2015]), пришли к выводу о том, что эти заполнители пауз в устной, спонтанной речи неизбежны, они дают возможность говорящему сформулировать мысль более точно, а слушающему — воспринять информацию более полно, обдумать ее. Однако все дело здесь в мере. Вызывает только удивление то, что почти ежедневно мы слушаем в политическом ток-шоу на канале «Россия 1» выступления политолога, президента

Центра стратегических коммуникаций, речь которого невнятна, напоминает скороговорку, с бесчисленным количеством хезитативов, самые частотные из которых — *соответственно, грубо говоря, на самом деле, как бы, в принципе.* Такая речь, даже если она исключительно информативна, содержательна, актуальна, с трудом понимается, адресат по мере восприятия такого выступления начинает невольно не вслушиваться в содержание, а ожидать появления очередного заполнителя.

Безусловно, наличие перечисленных и им подобных ошибок, снижающих качество восприятия речи, отчасти можно объяснить ее спонтанностью, неподготовленностью, отсутствием возможности продумать варианты более точного словоупотребления. В том, о чем пойдет речь далее, вероятно, кроется самая серьезная опасность для языка.

Современная ситуация в мире особенно отчетливо обнаружила, что ориентация на построение потребительского общества в нашей стране в последние 30 лет, глобализационные процессы, очевидное существование двойных стандартов в поведении как целого государства, так и отдельного человека, хорошо разработанные методики фейковой информации, манипуляционные стратегии при интерпретации содержательно-фактуальной информации и т. д. привели к существенным изменениям в мировосприятии россиян, особенно молодого поколения. Далеко не последнюю роль в изменении этого мировосприятия сыграли СМИ и реклама. В данной статье речь пойдет о рекламном дискурсе.

Реклама вошла в нашу жизнь как агрессивная форма принудительного общения. Отчаянно стремясь повысить спрос на товар, создатели рекламной продукции прибегают к нечестным приемам — беззастенчивой эксплуатации богатых выразительных возможностей русского языка. Основным приемом воздействия на адресата в рекламе является манипуляция. Одним из принципов манипуляционных стратегий в речевой деятельности служит завуалированный обман, замешанный на апелляции к культивированным веками культурным достояниям человечества, концептам культуры. Ключевые концепты культуры, имея сильный позитивный коннотативный

шлейф, способны накрыть им расположенные рядом в синтагматическом ряду номинации. Один из самых показательных примеров действия такого приема можно обнаружить в рекламах «Газпрома», в частности в рекламе газопровода «Сила Сибири». Механизм таков: сначала идут номинации достояний России и высших достояний человечества: *сила тайги, сила реки, сила воли, сила духа, сила движения, сила света, сила традиций, сила семьи, сила красоты*, а в конце этого однородного ряда, накрывая его позитивным коннотативным шлейфом, — рекламная номинация *газопровод «Сила Сибири»*.

Другие примеры. В нашем народе традиционно воспитывается гордость за *вещь, сделанную своими руками*. В одной из реклам слышим: *мир — это не просто вещи, это вещи, которые ты сделал своими*. Пафос трудолюбия трансформируется в тягу к приобретательству простым отсечением от стереотипной фразы одного слова (*руками*), и это коренным образом меняет смысл и, главное, меняет жизненные ориентиры. Педагог в образе старухи Шапокляк, сидя за учительским столом, поучает школьников: *Извлекать надо не квадратный корень, а выгоду*. Слово *выгода* и его словообразовательные дериваты, по данным мониторинга телевизионной речи, входят в число самых частотных. Если раньше, например полвека назад, радио и телевидение формировали языковую картину мира фразами типа: *бороться с несправедливостью, за правое дело*, то сейчас, благодаря рекламе, мы строим свою жизнь, *борясь с перхотью, протеканием и недержанием*.

В результате такой работы с языком создаются новые синтагматические связи в синтаксисе, парадигматические синонимические ряды в лексике. Например, вместо сочетания *золотые, мозолистые руки* мы слышим, благодаря едва ли не 100-кратному в один день повторению, — *руки-загребуки*. В другой рекламе предложен такой синонимический ряд: *я высокая, я сексуальная, я настоящая!* Конечно, сейчас, в момент больших испытаний в нашей жизни, язык пытается вернуть когда-то, казалось, уже «завоеванные позиции» (в передачах с мест боевых действий: *Наши бойцы сильные духом, смелые, настоящие парни!*), но конкуренции

с рекламным дискурсом такие фразы, особенно в сознании молодежи, пока явно не выдерживают.

Проблемы современной речевой ситуации в России усугубляются тем, что среди лингвистов нет однозначного понимания того, что такое «государственный русский язык», какой лексикон, какие языковые нормы должны фиксировать словари, грамматики, учебники русского языка как государственного. В понимании объема «государственного русского языка» наметились две точки зрения.

В дайджесте «Государственный язык Российской Федерации в жизни современной России» [Государственный язык... 2016] и статье Н. М. Кропачева и С. А. Кузнецова «Государственный язык Российской Федерации — понятный русский язык» утверждается: «Государственный русский язык, речевые стандарты которого формируют тексты, относящиеся к естественнонаучной, социально-политической, общественно-экономической, научно-образовательной сферам, имеет свои системные, функциональные и прагматические особенности, выделяющие его в отдельную структурную разновидность, отличающуюся как от других функциональных разновидностей литературного языка — языка художественной литературы, науки и разговорного языка, так и от некодифицированной части русского языка — диалектов, жаргонов, просторечия, устаревших речевых систем и отдельных структур языковой системы» [Кропачев, Кузнецов 2020: 8]. Авторы указанной статьи убеждены в том, что для использования русского языка как государственного, чтобы он обеспечивал устойчивую коммуникацию власти и народа, общества и отдельных социальных групп, преподавателей и учащихся, врачей и больных, администраторов и работников, чиновников и гражданских активистов, «следует выработать такие правила словоупотребления, которые обеспечат максимально широким слоям населения смысловую определенность текстов на государственном языке, их понятность и стилистическую нейтральность» [Кропачев, Кузнецов 2020: 8]. Утверждается, что «такие же требования предъявляются к текстам юридических документов и юридической наукой» [Кропачев, Кузнецов

2020: 8]. В статье обосновывается мнение относительно объема русского государственного языка так: «В условиях развития цифровой экономики знаний и связанного с ней резкого увеличения информационного потока все более актуальным становится умение человека не накапливать информацию **в целях духовного саморазвития** (выделено нами. — О. М., О. С.), а быстро ее перерабатывать и эффективно использовать для решения возникающих практических проблем» [Кропачев, Кузнецов 2020: 9]. В данном тезисе сужение объема понятия «государственный язык РФ» находит свое объяснение: государственный язык, язык многонационального народа России, по мнению авторов, необходим не для духовного развития гражданина, а для быстрого решения практических проблем. В таком, узком, понимании объема государственного языка содержится опасность фактической утраты русским литературным языком средства межнационального общения.

А. П. Сковородников, утверждая, что «государственный язык — язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной, экономической и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства» [Экология русского языка 2017: 43], считает, что одна из важнейших функций государственного языка в многонациональном государстве — быть языком межнационального общения, причем роль государственного языка выполняет наиболее функционально развитый язык доминирующего в численном отношении народа [Экология русского языка 2017: 44]. Социолингвистический мониторинг, участниками которого стали более 3000 носителей русского языка из 40 регионов России, убедительно демонстрирует правильность языковой политики государства: по результатам мониторинга, 90 % опрошенных родным языком считают русский, а 99 % утверждают, что в повседневной жизни говорят на русском языке [Юдина, Ковалева 2020: 13].

В статье «Современный русский литературный язык как государственный язык Российской Федерации» утверждается, что государственный язык — это не отдельное структурное образование, а официальный статус русского литературного

языка во всем многообразии его функциональных стилей [Мякшева, Сиротинина 2019: 22–27], а в статье «Русский язык как государственный: проблемы его экологии и функционально-стилевой дифференциации» отстаивается мысль о том, что русский литературный язык во всем разнообразии своих стилей, и в первую очередь в сферах художественной, просветительской, выполняет главную, **государственную** (выделено нами. — О. М., О. С.) функцию духовно-нравственной консолидации многонационального российского общества [Мякшева, Сиротинина 2021: 12–16].

Во время открытия VI Педагогического форума «Русский язык и культура: взаимосвязи и взаимодействие» (2–3.12.2019, г. Сочи) прозвучало приветствие В. И. Толстого (избранного президентом РОПРЯЛ после кончины Л. А. Вербицкой — самоотверженного борца за сохранение роли русского языка в мире), в этом приветствии ключевой была фраза: «Русская цивилизация вобрала в себя общекультурные ценности, русский язык — код доступа к этим ценностям». В поправке к Конституции РФ, введенной в действие с 4 июля 2020 г.¹, читаем: «Государственным языком Российской Федерации является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». На основании этого, согласно букве данной поправки, определяется статус государственного для русского литературного языка во всех его функциональных разновидностях.

Владение русским языком позволяет гражданам России успешно взаимодействовать в многонациональном государстве, а также, что не менее важно, предоставляет доступ к самобытной культуре носителей других языков России. В доказательство приведем фрагменты рассказа «Мальш» писателя, старшего научного сотрудника Института чеченского языка и истории А. С. Джунаидова (перу А. С. Джунаидова принадлежит уникальная по замыслу и выполнению документальная повесть об истории родного села [Джунаидов 2018]). Рукописью рассказа в знак сердечной дружбы Аюб Сайтахматович поделился с одним из авторов этой статьи. Рассказ был написан на чеченском языке, однако сразу же переведен на русский

и, таким образом, стал доступен всем жителям России. Вчитайтесь хотя бы в эти строки из рассказа: «Даже самые дальние зрители замечали, как радуется Малыш предоставленной наездником свободе. Малыш несся вперед, словно глыба льда, оторвавшаяся от отяжелевшего плеча горной вершины и устремившаяся вниз по скользким склонам, скованным февральской стужей». Или в эти: «Байсалю снова наклонился к упругой шее друга и прошептал: “Не слушай их, Малыш... У каждого из них свои желания... Наше с тобой желание — следовать горским обычаям, завещанным нашими предками. Пойми меня правильно, друг сердечный!.. Честь не может быть оценена в миллион рублей. Не все в этой жизни измеряется деньгами. На твоей спине, в твоих ногах сосредоточилась сегодня наша с тобой честь, вся суть этого мира”». В этих строках ярко отражается самобытный характер горского народа, и он гармонично дополняет сокровищницу духовных ценностей россиян.

В заключение своих размышлений сформулируем такой вывод: исцеление от нравственных недугов современного общества возможно только при понимании того, что мы сохраним государство, если сохраним свой язык в его функциональном разнообразии, потому что только в этом случае в нем будут «высвечиваться» [Степанов 2001: 4] константы русской культуры, ее коды, которые выполняют роль нравственного камертона в духовном совершенствовании человека. Авторы коллективной монографии «Но мы сохраним тебя, русский язык!» [Но мы сохраним тебя, русский язык! 2020], посвященной 90-летию академика Виталия Григорьевича Костомарова, как видим уже из названия, авторитетно и эмоционально открыто заявляют, что иного пути у нас нет.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Конституция РФ. 2020, ст. 68. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 23.06.2024).

ЛИТЕРАТУРА

Викторова 2015 — Викторова Е. Ю. *Вспомогательная система дискурса*. Саратов: Наука, 2015. 404 с.

Государственный язык... 2016 — *Государственный язык Российской Федерации в жизни современной России. Дайджест*. СПб., 2016. 36 с.

Гуц, Леонтьева 2011 — Гуц Е. Н., Леонтьева О. А. Жанрово-композиционные особенности сочинения ЕГЭ как предмет ортологического исследования. *Жанры речи. Жанр и языковая личность*. 2011, (7): 210–217.

Джунаидов 2018 — Джунаидов А. С. *Турти-Хутор зажигает звезды (документальная повесть)*. Грозный, 2018. 640 с.

Кормилицына 2019 — Кормилицына М. А. *Эффективность коммуникации: понятие, роль адресата и адресанта, основные приемы ее достижения*. Сиротинина О. Б. и Кормилицына М. А. (ред.). Саратов: Наука, 2019. С. 6–15.

Кропачев, Кузнецов 2020 — Кропачев Н. М., Кузнецов С. А. Государственный язык Российской Федерации — понятный русский язык. *Мир русского слова*. 2020, (2): 7–13.

Мякшева, Сиротинина 2019 — Мякшева О. В., Сиротинина О. Б. Современный русский литературный язык как государственный язык Российской Федерации. *Русский язык в школе*. 2019, 80 (3): 22–27.

Мякшева, Сиротинина 2021 — Мякшева О. В., Сиротинина О. Б. Русский язык как государственный: проблемы его экологии и функционально-стилевой дифференциации. В сб.: *Экология языка и речи: Мат-лы IX Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения заслуж. работника высшей школы РФ, д-ра филол. наук, проф. Нины Георгиевны Блохиной*, Тамбов, 12–13 февраля 2021 года. Тамбов: Державинский, 2021. С. 12–16.

Мякшева 2018 — Мякшева О. В. *Угодить и угадать как составляющие жанровых характеристик эссе современных школьников*. *Жанры речи*. 2018, 2 (18): 136–143.

Но мы сохраним тебя, русский язык! 2020 — *Но мы сохраним тебя, русский язык!* Монография, посвящ. 90-летию акад. Виталия Григорьевича Костомарова. Карасик В. И. (ред.). М.: Флинта, 2020. 408 с.

Степанов 2001 — Степанов Ю. С. *Константы: словарь русской культуры*. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

Экология русского языка 2017 — *Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов*. Сквородников А. П. (авт.-сост.). М.: Флинта; Наука, 2017. 384 с.

Юдина, Ковалева 2020 — Юдина Н. В., Ковалева Т. А. К вопросу о восприятии языковой политики Российской Федерации современными носителями русского языка. *Мир русского слова*. 2020, (4): 11–15.

REFERENCES

Викторова 2015 — Viktorova E. Iu. *Satellitic System of Discourse*. Saratov: Nauka Publ., 2015. 404 p. (In Russian)

Государственный язык... 2016 — *The state language of the Russian Federation in the life of modern Russia*. St. Petersburg, 2016. 36 p. (In Russian)

Гуц, Леонтьева 2011 — Guts E. N., Leont'eva O. A. Genre and compositional features of the unified state examination essay as a subject of orthological research. *Zhanry rechi. Zhanr i iazykovaia lichnost'*. 2011, (7): 210–217. (In Russian)

Джунаидов 2018 — Dzhunaidov A. S. *Turti-Khutor Lights the Stars (Documentary story)*. Grozny, 2018. 640 p. (In Russian)

Кормилицына 2019 — Kormilitsyna M. A. *Effectiveness of communication: Concept, role of the addresser and addressee, main methods of achieving*. Sirotinina O. B., Kormilitsyna M. A. (eds). Saratov: Nauka Publ., 2019. P. 6–15. (In Russian)

Кропачев, Кузнецов 2020 — Kropachev N. M., Kuznetsov S. A. The official language of the Russian Federation is understandable Russian language. *Mir russkogo slova*. 2020, (2): 7–13. (In Russian)

Мякшева, Сиротинина 2019 — Miaksheva O. V., Sirotinina O. B. Modern Russian literary language as the official language of the Russian Federation. *Russkii iazyk v shkole*. 2019, 80 (3): 22–27. (In Russian)

Мякшева, Сиротинина 2021 — Miaksheva O. V., Sirotinina O. B. Russian language as an official language: Problems of its ecology, functional and stylistic differentiation. In: *Ekologiya iazyka i rechi: Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Tambov: Derzhavinskii Publ., 2021. P. 12–16. (In Russian)

Мякшева 2018 — Miaksheva O. V. To Please and to Guess as the Components of Genre Characteristics in the Essays by the Contemporary School Students. *Zhanry rechi*. 2018, 2 (18): 136–143. (In Russian)

Но мы сохраним тебя, русский язык! 2020 — *But we will preserve you, Russian speech!* Karasik V. I. (ed.). St. Petersburg: Flinta Publ., 2020. 408 p. (In Russian)

Степанов 2001 — Stepanov Iu. S. *Constants: Dictionary of Russian Culture*. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2001. 990 p. (In Russian)

Экология русского языка 2017 — *Ecology of the Russian language. Dictionary of lingual and ecological terms*. Skovorodnikov A. P. (ed.). Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 2017. 384 p. (In Russian)

Юдина, Ковалева 2020 — Iudina N. V., Kovaleva T. A. To the question of the language policy perception of the Russian Federation by modern native speakers of the Russian language. *Mir russkogo slova*. 2020, (4): 11–15. (In Russian)

«Слово о рождении металлов от трясения земли» М. В. Ломоносова как пример горно-геологического дискурса

ELENA S. SINILNIKOVA

“THE WORD ABOUT THE BIRTH OF METALS FROM THE SHAKING OF THE EARTH”
BY MIKHAIL V. LOMONOSOV AS AN EXAMPLE OF MINING AND GEOLOGICAL DISCOURSE

Целью написания статьи является анализ трактата М. В. Ломоносова «Слово о рождении металлов от трясения земли», который рассматривается как пример горно-геологического дискурса. В работе дается характеристика понятия «дискурс» и формулируется рабочее определение горно-геологического дискурса. В начале статьи описывается историко-научный контекст трактата, т. е. то, что послужило поводом для создания и произнесения речи, отмечается, какие цели ставил перед собой ученый. Рассматриваются геологические взгляды М. В. Ломоносова, и определяется их значимость для становления геологии. В своем трактате ученый классифицирует и описывает виды землетрясений, которые, по его мнению, приносят людям не только вред, но и пользу, так как в процессе землетрясений в горных породах появляются металлы. Далее в статье приводятся примеры наиболее частотных терминов горного дела и геологии («руда», «жила», «материя»), в таблице представлен список терминов, которые используются в трактате, с указанием количества употреблений. Далее статья посвящена лингвориторическому анализу особенностей жанра слова. Дается краткое определение жанра произведения, выделяются три разновидности жанра: похвальное, благодарственное слово и академическая речь. «Слово о рождении металлов от трясения земли» относится к академической речи. В отличие от похвального и благодарственного слова, в академической речи не только присутствует похвала правителю, но и рассматриваются научные вопросы. В статье описываются особенности композиции трактата и анализируются примеры наиболее частотных риторических приемов.

Ключевые слова: Ломоносов, земное трясение, руда, жила, материя, минералы, риторический жанр слова.

**Елена Сергеевна
Синильникова**

аспирант

▶ s225083@stud.spmi.ru

Санкт-Петербургский горный
университет императрицы Екатерины II,
Российская Федерация, 199106,
Санкт-Петербург, 21-я линия В.О., 2

Elena S. Sinilnikova

Postgraduate Student

St. Petersburg Mining University,
2, 21-ya liniya V. O., St. Petersburg,
199106, Russian Federation

The objective of the article is to analyze the treatise “The Word about the Birth of Metals from the Shaking of the Earth” by Mikhail V. Lomonosov. The treatise is considered as an example of mining and geological discourse. It is characterized the concept of “discourse” and it is formulated a working definition of mining and geological discourse. The author describes the historical context that had place in the process of writing the treatise at the beginning of the article. It is explained what was the reason for making the speech and what goals the scientist set for himself. Lomonosov’s geological views and assessment of their importance for the development of science are given as well. The scientist classifies and describes the types of earthquakes, which, according to Lomonosov, bring people not only harm, but also benefits, like appearance of minerals in rocks. Further, it is provided examples of the most frequent terms in mining and geology (“ore”, “lode”, “matter”). Author developed a table with a list of terms, used by Lomonosov, with the indication of the number of their uses. Next article is devoted to the

linguo-rhetorical analysis of the features of such genre as the Word. The author gives a brief definition of this genre and distinguishes its three varieties, namely Commendable Word, Thankful Word, and Academic Speech. The latter corresponds to “The Word about the Birth of Metals from the Shaking of the Earth”. Unlike Commendable and Thankful Words, there is not only praise to a ruler in Academic Speech, but also scientific questions are raised. The author describes the specific of the composition “The Word about the Birth of Metals from the Shaking of the Earth” and analyzes examples of the most frequent rhetorical devices.

Keywords: Mikhail V. Lomonosov, earth shaking, ore, lode, matter, minerals, rhetorical genre of the Word.

Введение

Научные труды М. В. Ломоносова хорошо изучены, но автор настоящей статьи предлагает рассмотреть работы ученого как пример горно-геологического дискурса, произвести описание и анализ языковых единиц, формирующих данный дискурс. Актуальность работы и научная новизна заключается в том, что ранее трактаты М. В. Ломоносова рассматривались исключительно как научные работы, а в данном исследовании будет предпринята попытка рассмотреть «Слово о рождении металлов от трясения земли» не только как научный трактат, но и как литературное произведение.

В современной филологической науке сложилась определенная традиция использования термина «дискурс». В Лингвистическом энциклопедическом словаре «дискурс» трактуется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; <...> речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136–137]. По мнению В. И. Карасика, дискурс целесообразно разделить на два вида: персональный и институциональный. Институциональный понимается как дискурс, который определяется типами сложившихся в обществе социальных институтов, характеризуется такими признаками, как цель общения, коммуникативная функция его участников и фиксированные типовые обстоятельства общения. Персональный дискурс — это индивидуально-личностный дискурс. Институциональный дискурс представляет собой общение в рамках статусно-ролевых отношений, основанием для классификации является социальный статус коммуникантов [Карасик 2000: 5–20].

Понятие горно-геологического дискурса

С точки зрения автора статьи, в качестве одного из видов институционального дискурса может рассматриваться горно-геологический дискурс. Горно-геологический дискурс — это разновидность институционального дискурса, целью которого является представление горно-геологических знаний, при этом реализуется общение членов профессионального (горно-геологического) общества на научные темы в устной и письменной формах с использованием научной терминологии, в том числе терминов горного дела и геологии.

В качестве текстов, составляющих анализируемый дискурс, взяты трактаты М. В. Ломоносова, в которых ученый рассматривает важные вопросы геологии и горного дела и закладывает базу данных наук. Одной из основных задач геологии и минералогии является описание и осмысление окружающего мира. В анализируемых трактатах изложены наблюдения естествоиспытателя за явлениями природы и дано их научное объяснение. Среди основных работ М. В. Ломоносова следует назвать трактаты по геологии и горному делу: «Слово о рождении металлов от трясения земли», «Первые основания горной науки», «Первые основания металлургии или рудных дел», «Прибавление первое. О вольном движении воздуха, в рудниках примеченном», «Прибавление второе. О слоях земных».

Геологическая составляющая трактата «Слово о рождении металлов от трясения земли»

Научный трактат «Слово о рождении металлов от трясения земли» был написан в 1757 г., спустя два года после разрушительного землетрясения в Лиссабоне. Трагическое событие долгое время обсуждалось в научных и публицистических работах, М. В. Ломоносов включается в научную дискуссию, дает свою оценку произошедшему природному явлению и высказывает мысли по поводу землетрясений. Как считает основоположник современной геологии академик В. И. Вернадский, в своем трактате М. В. Ломоносов высказывает опередившие его время идеи, которые позволяют

оценить вклад ученого в развитие геологии и минералогии в целом. В том числе М. В. Ломоносов создает основы для выделения динамической геологии как одного из научных направлений [Вернадский 2010]. В трактате ученого нашли отражение идеи немецких научных течений XVIII в. Более подробно данный вопрос освещается в статье В. Г. Афанасьева «Фрайбергская горная академия и Россия: два с половиной века делового сотрудничества» [Афанасьев 2015].

Для анализируемого трактата характерны черты научного текста: классифицирование и описание наблюдаемых явлений мира природы — землетрясений. Ученый предлагает разделить землетрясения на четыре вида в зависимости от силы колебаний земли и распространения их направления: «Первое, когда дрожит земля частыми и мелкими ударами и трещат стены зданий, но без великой опасности. Второе, когда, надувшись, встает кверху и обратно перпендикулярным движением опускается. Здания для одинокого положения нарочито безопасны. Третье, поверхности земной наподобие волн колебание бывает весьма бедственно, ибо отворенные хляби на зыблющихся зданиях и на бледнеющих людей зияют и часто пожирают. Наконец, четвертое, когда по горизонтальной плоскости вся трясения сила устремляется» [Ломоносов 1954: 299–300]. Классификация учитывает критерий опасности землетрясений для зданий и людей. Первый и второй тип М. В. Ломоносов считает неопасными для людей и зданий: «трещат стены зданий, но без великой опасности» и «здания для одинокого положения нарочито безопасны». Третий и четвертый тип могут нанести серьезный урон зданиям и людям, «ибо отворенные хляби на зыблющихся зданиях и на бледнеющих людей зияют и часто пожирают».

Кроме разрушительных последствий, М. В. Ломоносов отмечает и пользу землетрясений, выделяя в качестве положительного их результата происхождение металлов: «Не нахожу ничего пристойнее, как земли трясения, которое, хотя сурово и плачевно, однако не токмо для нашей пользы, но и для избыточества служит, производя, кроме других многих угодий, преползные в многочисленных употреблении металлы» [Ломоносов

1954: 296]. Доказывая точку зрения, что все металлы происходят вследствие земного трясения, ученый размышляет о местах, в которых находятся металлы. Во-первых, это рудные жилы, которые, по определению М. В. Ломоносова, являются щелями в горах, содержащими в себе разные минералы и руды. Во-вторых, это горизонтальные слои в горах. В-третьих, это гнездовые руды. В-четвертых, содержащий золото песок, оловянные, болотные и полевые железные руды. Ученый описывает, какие бывают горизонтальные слои и руды и как они появляются [Ломоносов 1954: 324].

Для научного трактата характерны ссылки на исследования предшественников. Описывая изменения земной поверхности, М. В. Ломоносов продолжает античную традицию и приводит большую цитату из «Натуральной истории», одной из главных энциклопедий античности о природных предметах и явлениях, Плиния Старшего — философа и ученого. В отрывке из труда Плиния говорится о том, как из гор со временем получают моря и как из морской поверхности рождаются острова и горы. Развивая традиции написания научного текста, М. В. Ломоносов подкрепляет свои рассуждения конкретными примерами. Говоря о теплоте земных недр, ученый вспоминает о Безансонской пещере во Франции [Ломоносов 1954: 312]. Характеризуя жилы, пишет о местах залегания руд, содержащих металлы: об оловянных рудах в Англии, болотных и полевых железных рудах в России, Швеции и Финляндии [Ломоносов 1954: 324]. В «Первых основаниях металлургии или рудных дел» (1763) М. В. Ломоносов определяет металл как «светлое тело, которое ковать можно» и выделяет шесть металлов: *золото, серебро, олово, медь, железо, свинец* [Ломоносов 1954: 403]. К полуметаллам ученый относит *сурьму, цинк, висмут, мышьяк и ртуть*. В современных словарях сурьма и мышьяк относятся к полуметаллам, ртуть, цинк и висмут — к металлам [Ломоносов 1954: 412].

Проанализируем использование терминов в трактате «Слово о рождении металлов от трясения земли». В нем для описания землетрясения используются различные варианты терминов: «земное трясение» (употребляется 13 раз), «трясение земли» (7), «земли трясение» (3), «трясение» (9).

То, что у одного термина несколько вариантов, указывает на процесс его вхождения в русский язык.

Частотным является термин «руда» и его разновидности (23 употребления). Ученый упоминает следующие виды руд: болотные (2 раза), оловянные (1), золотые (1), железные (3), медную (1), серебряную (2). В современном «Геологическом словаре» руда относится к природным минеральным веществам, из которых возможно извлекать металлы и минералы [Геологический словарь 1973, т. 2: 193]. В «Первых основаниях металлургии или рудных дел» М. В. Ломоносов определяет руду как «смешанную из двух или многих минералов материи», классифицирует по составу входящих в нее веществ и выделяет металлические, полуметалловые, серные и купоросные руды. По мнению ученого, металлические руды состоят из металла и полуметалла, земли, камня или жирного минерала. Полуметалловые руды состоят из полуметалла и железа, серы или земли. Серные и купоросные руды похожи на железные, но в них содержится больше серы и купороса, чем металла. Далее ученый описывает отдельные виды руд. В первую очередь характеризуются металлические руды: золотые, серебряные, оловянные, свинцовые, медные, железные. Затем дана характеристика полуметалловых руд: сурьмяной, мышьяковой, висмутовой, ртутной. Последними описываются серные и купоросные руды [Ломоносов 1954: 423–429].

Кроме «руды», в трактате употребляется термин «жила». М. В. Ломоносов использует данный термин в двух вариантах — «рудные жилы» (3) и «металлические жилы» (6). В современном «Геологическом словаре» жила трактуется как простое тело, заполненное минеральным веществом или горной породой [Геологический словарь 1973, т. 1: 245]. В «Первых основаниях металлургии или рудных дел» жила определяется как «сквозь горы проходящие щели, наполненные минеральными веществами», в качестве примера приводится «жила свинцовой руды». Жилы разделяются по их расположению: по горизонтали и вертикали [Ломоносов 1954: 434].

Термин «материя» по частотности употребления сопоставим с терминами «руда» и «жила».

В «Опыте теории о нечувствительных частицах тел и вообще о причинах частных качеств» (1743–1744) М. В. Ломоносов дает общее определение понятия: «Материя — это то, из чего состоит тело и от чего зависит его сущность» [Ломоносов 1950: 173]. В «Слове о рождении металлов от трясения земли» употребляются следующие виды материй: арсеникальная (4 раза), ртутиальная (2), серная (2), каменная (2), смоляная (1), алкалическая (6), кислая (5), меловая (1), известная (1).

Ученый выделяет разновидность «подземных тучных материй» — вещества, «которые в огне сгорают», к которым относит *шифер* (4), *горное углие* (3), *асфальт* (2), *каменное масло* (2) и *янтарь* (4). Говоря о последнем минерале, он отстаивает свою точку зрения, заключающуюся в том, что янтарь — это ископаемая окаменевшая смола древних, а не современных хвойных деревьев, в которой можно найти остатки листьев и мелких насекомых. «Ученый относил янтарь к “жирным” и “горючим” минералам, использовал в химических опытах и “приметил” в янтаре электрическую силу» [Словарь языка М. В. Ломоносова 2010: 358–361].

В трактате рассматривается ряд минералов. Остановимся на некоторых из них. Рассуждая о содержащемся в земной поверхности огне, ученый упоминает серу как лучший минерал, способный к возгоранию. В трактате употребляются следующие наименования вещества: сера (5 раз), серная материя (2), минеральная сера (1). В словаре-справочнике «Минералогия М. В. Ломоносова» дается определение серы как жирного горючего минерала, преимущественно желтого цвета, с характерным запахом. Составители словаря расширяют зону толкования термина за счет следующей информации: «Среди минералов сера занимает особое место, так как горением серы в недрах Земли М. В. Ломоносов объяснял землетрясения, подземное тепло, деятельность вулканов и образование многих минералов» [Словарь языка М. В. Ломоносова 2010: 311–313]. Следующий минерал, который был рассмотрен, — это горная (упомянута 8 раз) и морская соль (7). В «Минералогии М. В. Ломоносова» соль трактуется как природное вещество с характерным вкусом [Словарь языка М. В. Ломоносова 2010: 333–339].

Термины, которые используются в трактате М. В. Ломоносова
«Слово о рождении металлов от трясения земли» (количество упоминаний)

Руды	Металлы	Полуметаллы	Минеральные вещества	Другие вещества
Руда (23), рудные жилы (3)	Золото (7), золотое зерно (2)	Арсеник (10), арсеникальная материя (4)	Сера (5), серная материя (2), минеральная сера (1)	Кислый спирт (5), кислый спирт серный (1), кислая материя (5)
Железные руды (3)	Медь (4)	Сурьма (1)	Горная соль (8), морская соль (7)	Алкалический спирт (3)
Золотые руды (1)	Серебро (6)		Поташ (2)	Алкалическая материя (6)
Медная руда (1)	Ртуть (1), ртутиальная материя (2)		Бленда (1)	<i>Бить</i> (1)
Серебряная руда (2): белая (1), красная (1)			Каменное масло (2), каменная материя (2)	<i>Загорелое масло</i> (1)
Металлические жилы (6)			Янтарь (4)	Щелок (1)
Оловянные руды (1)			Смола (4), смоляная материя (1)	Летучая кислота (1)
Болотные руды (2)			Горное масло (1)	Скипидар (1)
			Нефть (1)	Пепел (14)
			Кварц (1)	
			Шпат (1)	
			Фосфор (1)	
			Кубические марказиты (1)	
			Желтый сферический колчадан, угловатый белый колчадан (1), серный желтый колчадан (1), арсеникальный колчадан (1)	
			Стекло (1)	
		Горный хрусталь (1)		
		Известная материя (1)		
		Меловая материя (1)		
		Горное уголье (3)		
		Шифер (4)		
		Асфальт (2)		

Далее приводится список терминов, которые используются в трактате М. В. Ломоносова, с указанием количества употреблений (таблица). Частотность и количество вводимых терминов свидетельствуют о том, что текст представляет собой научный трактат, написанный с соблюдением правил научного стиля речи. Термины в таблице разделены на пять групп в соответствии с современными принципами классифицирования: руды, металлы, полуметаллы, минеральные вещества

и другие вещества. Данное разделение довольно условное. Ряд терминов, которыми оперирует ученый, в современной науке не используются или имеют другое название: например, «арсеник» — это мышьяк, «бленда» — сфалерит, «горная и морская соль» — галит, «ртутиальная материя» — ртуть, «алкалическая материя» — щелочь. Курсивом в таблице выделены термины, толкование которых не было найдено в современных словарях по геологии.

М. В. Ломоносов по праву считается основоположником горно-геологической терминологии, которая во времена ученого находилась на этапе формирования и в основном была заимствованной. Он предпринимает попытку ввести иностранные термины с учетом русской языковой системы. Вопрос о становлении и развитии терминологии в России представлен в работах Л. М. Алексеевой, С. Л. Мишлановой [Алексеева, Мишланова 2021], С. В. Гринев-Гриневица [Гринев-Гриневиц 2008], Д. С. Лотте [Лотте 1941], Р. Г. Пиотровского [Пиотровский 1952], Мэй Чан Мьей Зо и П. Н. Алпатовой [May Chan Myae Zaw, Alpatova 2023].

Риторическая составляющая трактата «Слово о рождении металлов от трясения земли»

Слово — характерный жанр древнерусской литературы. Встречается и в церковно-богословском красноречии. Как замечает исследователь в области исторической и теоретической риторики В. И. Аннушкин, термин «слово употребляется в значении жанра публичного слова, устного монолога» [Аннушкин 2014: 76]. В качестве самостоятельного жанра слово появляется в середине XVIII в., в частности в творчестве М. В. Ломоносова. Особенно статью «Слова о рождении металлов от трясения земли» является его ориентация на устное произнесение. С этим трактатом М. В. Ломоносов выступил на заседании Академии наук 6 сентября 1757 г. в честь торжественного праздника тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны.

В «Кратком руководстве к красноречию», написанном в 1748 г., М. В. Ломоносов дает определение термина «красноречие»: это искусство красиво говорить о любой материи с помощью речи или слова и тем самым убеждать слушателей. Слово может быть представлено прозой или поэмой [Ломоносов 1952: 91, 96]. Таким образом, под словом М. В. Ломоносов подразумевает любой текст. В «Кратком руководстве к риторике», написанном в 1744 г., ученый употребляет термин «слово» как синоним ораторского слова и приводит классификацию публичных слов: проповедь, панегирик, надгробная и академическая речь [Ломоносов

1952: 69]. Уточненное определение слова дает в своей работе «Опыт риторики» И. С. Рижский. С его точки зрения, слово — это большая речь в прозе. В слове оратор при помощи доказательств и красноречия опровергает или подтверждает какую-либо мысль [Рижский 1796: 251–252]. Более подробно риторика И. С. Рижского, адресованная будущим горным инженерам, рассмотрена в статье Д. А. Щукиной и Н. А. Егоренковой [Щукина, Егоренкова 2017].

Как считает исследователь литературы XVIII в. Е. М. Матвеев, «слова» М. В. Ломоносова можно разделить на три разновидности: похвальное, благодарственное и академическая речь [Матвеев 2008]. «Слово о рождении металлов от трясения земли» относится к третьему виду. В «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносов выделяет академическую речь как отдельный жанр, для которого характерны черты проповеди и панегирика [Щукина 2018]. Похвальное и благодарственное слово — это в первую очередь похвала правителю. В отличие от этих двух видов слов, в академической речи не только присутствует похвала монарху, но и обсуждаются научные вопросы. В «Слове о рождении металлов от трясения земли» рассматриваются важные вопросы, связанные с землетрясениями и появлением в горных породах металлов.

Трактат М. В. Ломоносова имеет кольцевую композицию. Ученый начинает трактат с размышления о бедствиях, которые приносят землетрясения, и при этом говорит об их пользе: «Не нахожу ничего пристойнее, как земли трясение, которое хотя сурово и плачевно, однако не токмо для нашей пользы, но и для избыточества служит, производя, кроме других многих угодий, преполезные в многочисленных употреблениях металлы» [Ломоносов 1954: 296]. Для усиления эмоционального воздействия на слушателей М. В. Ломоносов использует характерную для того времени конструкцию «не токмо, но и...», противопоставление вреда («хотя сурово и плачевно») и пользы («не токмо для нашей пользы, но и для избыточества»). Прилагательные в превосходной степени сравнения («преполезные») и в краткой форме («сурово и плачевно») свидетельствуют о высоком стиле речи.

В конце трактата, подводя итог своим научным рассуждениям, ученый пишет: «Видели мы, Слушатели, превеликое в недрах земных огня множество и нужные к его питанию серы изобилие, довольное к земному трясению и к произведению перемен великих — бедственных, но и полезных, страшных, но и услаждение приносящих» [Ломоносов 1954: 344]. Завершающий «Слово о рождении металлов» абзац на содержательном, лексическом и риторическом уровнях соотносится с началом трактата, что подчеркивается кольцевой композицией. В анализируемом предложении мы находим противопоставления, которые оратор использует для усиления воздействия на слушателей («страшные» — «услаждающие», «бедственных, но и полезных, страшных, но и услаждение приносящих»), прилагательные в превосходной степени сравнения («превеликое»). Местоимение «мы» и обращения помогают объединить адресата и слушающего. Повтор концентрирует внимание слушателей на той главной мысли, которой посвящен трактат. Свою задачу ученый и оратор видит в том, чтобы объяснить слушателям причины появления землетрясений и убедить их в научной достоверности своих взглядов.

Оратор завершает речь, выстраивая логико-риторическую цепочку: от похвалы России до похвалы императрице: «Не колеблемся частыми земными трясениями, которые едва когда у нас слышаны, но как земного недр, так и всего общества внутренним покоем наслаждаемся. О коль блаженна сими свойствами Россия! Но сие всеобщее блаженство стократно увеличено беспримерными добротами великия Елисаветы!» [Ломоносов 1954: 344]. Конструкция с отрицанием и противопоставлением («не колеблемся частыми земными трясениями... но... внутренним покоем наслаждаемся») помогает обратить внимание слушателей на благоприятные природные условия России, в которой редко случаются землетрясения. От описания земных недр оратор переходит к характеристике общества, которое тоже спокойно («всего общества внутренним покоем наслаждаемся») благодаря справедливому правлению Елизаветы. Для выражения своего восхищения Россией и императрицей М. В. Ломоносов использует восклицательные

предложения, указывающие на высокий стиль речи, наречие «стократно» и союз «коль»: «О, коль блаженна сими свойствами Россия! Но сие всеобщее блаженство стократно увеличено беспримерными добротами великия Елисаветы!»

Заключение

«Слово о рождении металлов от трясения земли» представляет собой академическую научную речь, которую можно квалифицировать как пример горно-геологического дискурса. С одной стороны, проведенный анализ подтвердил тезис о том, что М. В. Ломоносов является одним из создателей научной терминологии, в частности употребление в тексте одного термина в нескольких вариантах свидетельствует о процессе его вхождения в язык. Для описания ученый последовательно использует научный стиль речи.

С другой стороны, «Слово» является литературным произведением, в котором научные понятия органично сочетаются с риторическими приемами. Ссылаясь на предшественников, ученый таким образом включает себя в научную традицию, восходящую к античности. Высокий стиль речи и риторические приемы свидетельствуют о том, что трактат имеет признаки риторического текста.

ИСТОЧНИКИ

Аннушкин 2014 — Аннушкин В. И. *Основы русской филологии: курс лекций*. М.: Флинта; Наука, 2014. 128 с.

Арутюнова 1990 — Арутюнова Н. Д. *Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь*. Ярцева В. Н. (ред.). М.: Советская энциклопедия, 1990. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedia/articles/405/diskurs.htm> (дата обращения: 24.06.2024).

Геологический словарь 1973 — *Геологический словарь в двух томах*. Паффенгольц К. Н. (ред.). Т. 1. А-М. М.: Недра, 1973. 488 с.

Геологический словарь 1973 — *Геологический словарь в двух томах*. Паффенгольц К. Н. (ред.). Т. 2. Н-Я. М.: Недра, 1973. 457 с.

Ломоносов 1950 — Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 1. Труды по физике и химии. 1738–1746*. Вавилов С. И. (ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 627 с.

Ломоносов 1952 — Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758*. Вавилов С. И. (ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 997 с.

Ломоносов 1954 — Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 5. Труды по минералогии, металлургии*

и горному делу. 1744–1763. Андреев А. И., Шафрановский И. И. (ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 757 с.

Рижский 1796 — Рижский И. С. *Опыт риторики*. СПб., 1796. 396 с.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева, Мишланова 2021 — Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Вековой путь российского терминоведения. *Научный диалог*. 2021, (9): 9–34. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-9-9-34>

Афанасьев 2015 — Афанасьев В. Г. Фрайбергская горная академия и Россия: два с половиной века делового сотрудничества. *Записки Горного института*. 2015, (216): 131–137.

Вернадский 2010 — Вернадский В. И. О значении трудов М. В. Ломоносова в минералогии и геологии. В кн.: *Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю. Вып. 5. Словарь-справочник «Минералогия М. В. Ломоносова»*. Волков С. С. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 13–48.

Гринева-Гринева 2008 — Гринева-Гринева С. В. *Терминоведение*. М.: Академия, 2008. 304 с.

Карасик 2000 — Карасик В. И. О типах дискурса. В сб.: *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. (ред.). Волгоград: Перемена, 2000. 228 с.

Лотте 1941 — Лотте Д. С. *Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 26 с.

Матвеев 2008 — Матвеев Е. М. Светский прозаический панегирик в ораторской прозе середины XVIII века. *Литературная культура России XVIII века. Выпуск 2*. СПб.: Санкт-Петербургский гос. университет, 2008. С. 41–52.

Пиотровский 1952 — Пиотровский Р. Г. К вопросу об изучении термина. *Ученые записки ЛГУ*, 1952, (161): 21–36.

Словарь языка М. В. Ломоносова 2010 — *Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю. Вып. 5. Словарь-справочник «Минералогия М. В. Ломоносова»*. Волков С. С. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2010. 472 с.

Шукина 2018 — Шукина Д. А. Академическое красноречие в России: история и современность. *Русский язык за рубежом*. 2018, (2): 24–28.

Шукина, Егоренкова 2017 — Шукина Д. А., Егоренкова Н. А. «Опыт риторики» И. С. Рижского (1796) в Горном университете: история и современность. *Записки Горного института*. 2017, (225): 198–206. <https://doi.org/10.18454/PMI.2017.3.376>

May Chan Myae Zaw, Alpatova 2023 — May Chan Myae Zaw, Alpatova P. N. Ambiguity in the Russian terminology of the energy industry. *XLinguae*. 2023, (16 (1)): 60–69. <https://doi.org/10.18355/XL.2023.16.01.05>

REFERENCES

Alekseeva, Mishlanova 2021 — Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. The century-old path of Russian terminology. *Nauchnyi dialog*. 2021, (9): 9–34. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-9-9-34> (In Russian)

Afanasyev 2015 — Afanasiev V. G. Freiberg Mining Academy and Russia: Two and a half centuries of business cooperation. *Zapiski gornogo instituta*. 2015, (216): 131–137. (In Russian)

Vernadskiy 2010 — Vernadskiy V. I. About the significance of the works of M. V. Lomonosov in mineralogy and geology. In: *Slovar' iazyka M. V. Lomonosova. Materialy k slovari. Vyp. 5. Slovar'-spravochnik «Mineralogiia M. V. Lomonosova»*. Volkov S. S. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2010. P. 13–48. (In Russian)

Grineva-Grineva 2008 — Grineva-Grineva S. V. *Terminologiya*. Moscow: Academia Publ., 2008. 304 p. (In Russian)

Karasik 2000 — Karasik V. I. About the types of discourse. In: *Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse*. Karasik V. I., Slyshkin G. G. (eds). Volgograd: Peremena Publ., 2000. 228 p. (In Russian)

Lotte 1941 — Lotte D. S. *Some fundamental issues of selection and construction of scientific and technical terms*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1941. 26 p. (In Russian)

Matveev 2008 — Matveev E. M. Secular prose panegyric in the oratorical prose of the middle of the 18th century. *Literary culture of Russia in the 18th century. Issue 2*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet Press, 2008. P. 41–52. (In Russian)

Piotrovskiy 1952 — Piotrovskiy R. G. To the question about the study of the term. *Uchenye zapiski LGU*. 1952, (161): 21–36. (In Russian)

Slovar' iazyka M. V. Lomonosova 2010 — *Dictionary of the language of M. V. Lomonosov. Materials for the dictionary. Issue 5. Dictionary-reference book «Mineralogy M. V. Lomonosov»*. Volkov S. S. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2010. 472 p. (In Russian)

Shukina 2018 — Shchukina D. A. Academic eloquence in Russia: History and modernity. *Russkii iazyk za rubezhom*. 2018, (2): 24–28. (In Russian)

Shukina, Egorenkova 2017 — Shchukina D. A., Egorenkova N. A. “The experience of rhetoric” by I. S. Rizhsky (1796) at the Mining University: History and modernity. *Zapiski gornogo instituta*. 2017, 201 (225): 198–206. <https://doi.org/10.18454/PMI.2017.3.376>. (In Russian)

May Chan Myae Zaw, Alpatova 2023 — May Chan Myae Zaw, Alpatova P. N. Ambiguity in the Russian terminology of the energy industry. *XLinguae*. 2023, (16 (1)): 60–69. <https://doi.org/10.18355/XL.2023.16.01.05>

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ДЕЙКСИС И ТИПЫ СИТУАЦИЙ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

LIU JUE

PERSONAL DEIXIS AND TYPES OF SITUATION: COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECT

Лю Цзюэ

кандидат филологических наук,
старший преподаватель

► liujue0909@mail.ru

Сианьский университет
иностраннных языков,
Китайская Народная Республика, 710128,
Сиань, ул. Вэньюаньнаньлу, 1

Liu Jue

PhD in Philology, Lecturer

Xi'an International Studies University,
1, ul. Wenyuannan, Xi'an,
710128, People's Republic of China

В статье описываются когнитивно-прагматические особенности персонального дейксиса в сочетании с анализом типов обозначаемых ситуаций. В соответствии с характеристиками трех основных параметров ситуации — субъекта, времени и пространства — по признакам определенности/неопределенности их референциальных отношений и локализованности/не локализованности в дейктических координатах выделяются конкретная и неконкретная ситуации как два типа ситуаций и анализируется тесная связь между персональным дейксисом и типами ситуаций. Утверждается, что персональный дейксис относится к когнитивно-коммуникативному поведению человека, в нем отражаются результаты понимания говорящим обозначаемой ситуации и ее субъекта. Гибкое использование персонального дейксиса способствует достижению поставленных говорящим определенных коммуникативных целей, что часто можно наблюдать в художественной литературе. Новизна исследования заключается в выявлении стратегий когнитивной обработки говорящим разных типов ситуаций в процессе персонального дейксиса. Результаты исследования свидетельствуют о том, что иногда трудно точно определить тип персонального дейксиса, опираясь только на морфологическую форму лица, что типы ситуаций могут служить важной аналитической основой для определения типов персонального дейксиса и что когнитивная обработка говорящим обозначаемых ситуаций и сращивание разных их типов приносят динамическую изменчивость персонального дейксиса в реальном речевом общении. Перспективным представляется дальнейшее системное изучение и описание категории персонального дейксиса в целях выявления механизма и закономерностей ее взаимодействия с другими категориями — категориями темпоральности и аспектуальности, пространства в рамках разных типов обозначаемых ситуаций.

Ключевые слова: персональный дейксис, ситуация, говорящий, когнитивная обработка.

The article describes the cognitive-pragmatic features of personal deixis in combination with the analysis of the types of designated situations. In accordance with the characteristics of the three main parameters of the situation — the subject, time and space on the basis of certainty/uncertainty of their referential relations and localization/non-localization in deictic coordinates, the author identifies concrete and non-concrete situations as two main types of situations,

* Исследование выполнено за счет средств гранта социально-научного фонда СУИЯ (проект № 22XWC01).
The research was funded by the Social Science Foundation of XISU (project no. 22XWC01).

and on this basis demonstrates and analyzes the close relationship between personal deixis and types of situations. Personal deixis refers to the cognitive and communicative behavior of a person, it reflects the results of the speaker's cognitive construal of the designated situation and its subject, the flexible use of personal deixis contributes to the achievement of certain communicative goals set by the speaker, which is often observed in literary works. The innovation of the research lies in the revelation of strategies for cognitive processing by speakers of different types of situations in the process of personal deixis. The results of the study indicate that it is sometimes difficult to accurately determine the types of personal deixis, based only on the morphological forms of person, while the types of situations can serve as an important analytical basis for determining its types, and that the cognitive processing of designated situations by the speaker and the splice of different types of situations can bring dynamic variability of personal deixis in real speech communication. The further research prospect of this paper is to reveal the mechanism and laws of the interaction between personal deixis and other categories such as time, verbal aspect, and space in the framework of different types of situations, so as to conduct a more systematic study and description of the personal deixis.

Keywords: personal deixis, situation, speakers, cognitive processing.

Введение

Вопрос о персональном дейксисе (далее — ПД) всегда привлекает к себе особое внимание и вызывает горячие дискуссии. В настоящее время по различным аспектам было проведено много исследований. Однако в многочисленных исследованиях мало споров по поводу определения и классификации категории ПД. В западных и китайских лингвистических кругах ученые в основном придерживаются одного и того же мнения: обычно считается, что ПД связан с ролевым кодированием участников речевого акта, и соответственно данную категорию делят на первое лицо (указание на говорящего), второе (на адресата) и третье (на того, кто не участвует в речевом акте).

Верно, что ПД — один из основных типов категории дейксиса, и главная его особенность заключается в том, что семантика лица определяется в сочетании с реальным речевым актом и контекстом. Однако понимание данной категории только с точки зрения роли участников речевого общения нельзя считать полным, нужно учитывать еще один аспект данной категории — позиционирование роли участников обозначаемой ситуации.

Мы согласны с представлениями А. В. Бондарко о семантике лица (ученый использует термин «персональность»): «семантическая категория персональности соотносит — с точки зрения говорящего — обозначаемую ситуацию и ее участников с участниками речевого акта, прежде всего с говорящим» [Бондарко 2002: 547]. Это означает, что семантика лица отражает какие-то соответствующие взаимосвязи, которые устанавливаются между участниками речевого акта и участниками обозначаемой ситуации.

Нужно отметить, что очень важно ввести «аспект обозначаемой ситуации» в понимание семантики лица, иначе невозможно всесторонне описать референциальные признаки и типы участников, и следовательно, невозможно полностью раскрыть типы ПД и их разнообразную изменчивость в реальной речевой практике.

Соответственно тому, что сказано, в настоящей работе категория ПД включает не только 1, 2, 3-е лицо, но и неопределенноличность и обобщенноличность, как у А. В. Бондарко [Бондарко 2002: 556, 567]. Цель написания данной статьи — продемонстрировать и исследовать тесную взаимосвязь между ПД и типами обозначаемой ситуации. В сочетании с анализом когнитивной обработки говорящим типов обозначаемых ситуаций автор статьи стремился интерпретировать когнитивно-прагматические характеристики ПД в речевой коммуникации.

Понятие ситуации и ее типы

Ситуация находится в центре внимания при исследовании денотативной концепции значения предложения. Хотя понятие ситуации по-разному интерпретируется учеными, «оно относится то к миру, то к языку (его семантике), то к способу мышления о мире, то есть помещается в вершине любого угла рокового семантического треугольника» [Арутюнова 1976: 7], его основной аспект явно заключается в том, что ситуация — это денотативное содержание, отражаемое в языковом выражении. Как полагает В. Г. Гак, «аспекты ситуации многообразны и необходимость их отражения порождает различные специфические функции

языка», но среди шести функций языка, выделенных Якобсоном, «наиболее существенной является денотативная функция, отражающая связь высказывания с референтом» [Гак 1998: 251]. В своем исследовании В. Г. Гак описал общую структуру ситуации и указал ее основные компоненты — материальный объект с временной и пространственной координацией.

При определении ситуации В. С. Храковский подчеркнул важность отбора и обработки фрагмента действительности мыслью и языком, называя его «индивидуальной денотативной ситуацией или событием» [Храковский 1972: 5].

С когнитивно-прагматической позиции ситуация, отражаемая в высказывании, является не первоначальным естественным состоянием, а состоянием через когнитивное понимание говорящего: «Языковые выражения соотносятся с миром не непосредственно, а через “образ действительности”, находящийся в сознании и памяти человека», такое понимание предполагает рассмотрение ситуации как «психологической ситуации, размещенной в психическом пространстве и психическом времени» [Лекомцев 1973: 446]. В соответствии с потребностями языкового выражения говорящий определенным образом «постигает и структурирует ситуацию», тем самым устанавливая «конструальные отношения (construal relationship) между собой и построенной ситуацией» [Langacker 2004: 128]. Таким образом, субъективные факторы говорящего играют неотъемлемую роль в отношениях между ситуацией и обозначающим ее высказыванием.

Конкретное и абстрактное — это два основных способа познания и мышления. Описывая ситуацию, говорящий совершает абстрактную или конкретную когнитивную ее обработку. Согласно общей структуре ситуации, изложенной В. Г. Гаком, мы разделяем ситуацию на два основных типа — конкретную ситуацию и неконкретную ситуацию, а последний тип включает два подтипа — обобщенную ситуацию и неопределенную ситуацию. Каждый тип ситуации представляет собой сложный комплекс с переплетением таких ее параметров, как субъект, время и пространство. Нужно отметить, что в реальных высказываниях

отражаются ситуации в разной степени определенности/неопределенности и нередко смешиваются разные их типы, подтипы и разновидности.

Типы ситуации:

1. **Конкретная ситуация (определенная)** — отличается конкретностью и определенностью содержащейся в ней денотативной информации. В типичной конкретной ситуации все три элемента являются определенными (определенный субъект, определенное время и пространство), а в нетипичном варианте определенность параметров имеет тенденцию к ослаблению. Рассмотрим следующий пример: *Каждый раз, когда я проезжаю через Москву, я захожу (как магометанин в Мекку) на поклонение этой картине...* (Чуковский. Репин — писатель). Хотя в этом высказывании субъект (я, то есть говорящий) и место (Москва) определены, но время ситуации не конкретно, с многократностью и нелокализованностью, так что общая ситуация, о которой идет речь в данном высказывании, сравнительно ниже по уровню определенности. Персональность в этом примере относится к определенному типу (1-е лицо), поскольку субъектом действия является сам говорящий.

2. В **неконкретной ситуации** субъект, время и пространство имеют разную степень неопределенности. Такой тип ситуации включает обобщенный и неопределенный подтипы:

а) **обобщенная ситуация** имеет большую степень общности, абстракции и неопределенности по денотативной информации. Такая ситуация часто является кристаллизацией жизненного опыта целого народа и коллективной мудрости или обобщением индивидуального опыта говорящего. К обобщенной ситуации относятся пословицы, афоризмы, нормативные положения и т. п. Субъект ситуации, время и пространство в таких высказываниях характеризуются обобщенностью и неопределенностью. Как указал А. В. Бондарко, «нелокализованные во времени “вневременные” ситуации типа *Без труда не выловишь и рыбку из пруда; Плетью обуха не перешибешь. Цыплят по осени считают* являются обобщенными и неопределенными как с точки зрения нелокализации во времени, так и с точки зрения

“не локализованности” лица» [Бондарко 2002: 28]. Даже в пословице *Без труда не выловишь и рыбку из пруда* синтаксему с пространственным значением (*из пруда*) нельзя считать конкретной, потому что она не указывает на какой-то определенный пруд. Имена собственные по сравнению с именами нарицательными обладают более конкретным денотативным значением. Ср.: *В Тулу со своим самоваром не ездят*. Хотя в этой пословице есть определенное указание на пространство (*в Тулу*), но в основном в ней отражается абстрактная ситуация, а не конкретное событие, связанное с Тулой.

Проанализируем другой пример: *Он очень упрямый человек. Его никак не уговоришь*. Во второй фразе глагольная форма *уговоришь* показывает, что и лицо, и время являются не локализованными. Несмотря на то что речь идет о конкретном человеке (объект действия *его* является определенным), ситуация в целом носит абстрактный характер. Но видно, что высказывание данного типа явно выше по шкале определенности, чем пословицы;

б) **неопределенная ситуация** — это ситуация, содержащая неизвестные говорящему элементы, так что говорящий не может четко ее описать. В отличие от обобщенной ситуации с признаками большой степени абстрактности и генерализации, неопределенная ситуация относится к типам реальных ситуаций:

— *Но я не думаю, что все, как вы утверждаете, скоро вернется на круги своя. То, что происходит, — устойчивая тенденция. Она если не навсегда, то очень надолго.*

— *Может быть. Посмотрим. Кто-то посмотрит.* (Московские новости, 1998, 40)

В этом диалоге обе стороны высказали свои взгляды на обсуждаемую проблему, во второй реплике говорящий сначала использовал 1-е лицо множественного числа (*посмотрим*), а затем неопределенноличность (*кто-то посмотрит*), таким образом, изменяя субъект действия (с отношения к себе и слушающему на отношение к неопределенному субъекту), говорящий фактически переключил изображаемую ситуацию на неопределенный тип и намекнул, что «ситуация, может быть, и изменится, да только не при нас:

мы до этого не доживем» (пояснение в кавычках взято из Б. Ю. Нормана). «*Кто это посмотрит?*» и «*когда посмотрит?*» — в неопределенной ситуации неизвестно. Как отметил Б. Ю. Норман, «смена лица может означать не просто “сдвиг в пространстве”, перераспределение ролей между участниками ситуации, но и “сдвиг во времени”, принципиальную смену самой ситуации» [Норман 2009: 122].

Анализ ситуаций и определение типов персональности

С помощью анализа ситуаций можно упростить понимание типов персональности и суждения о них. При транспозитивном употреблении личных форм определение типов персональности напрямую связано с атрибутами ситуаций.

Глагольная форма 1-го лица единственного числа изъявительного наклонения считается наиболее типичным вариантом для определенноличных предложений. Однако, как указала В. В. Бабайцева, «и эта форма может иметь разную степень определенности в зависимости от контекста и речевой ситуации» [Бабайцева 2004: 115]. Действительно, иногда трудно судить о том, к определенноличности или обобщенноличности относится какая-либо форма 1-го лица.

Люблю грозу в начале мая. В этой фразе форма «я» может относиться к любому лицу, к тому, кто ее произнес, но автором фразы является Ф. И. Тютчев. В. В. Бабайцева объяснила, что «здесь происходит контаминация лиц — говорящего и поэта».

Моя хата с краю — ничего не знаю. *Чье кушаю, того и слушаю*. В пословицах, сентенциях и рассуждениях общего характера форма 1-го лица имеет более сгущенный оттенок обобщения, она служит для обозначения обобщенного субъекта, и в этом случае индивидуально-личное значение предельно ослаблено [Виноградов 1947: 458; Бабайцева 2004: 115]. В. В. Бабайцева подвела оттенок обобщенного значения таких предложений под их пословичное использование. Г. И. Кустова пронципально отметила в них корреляцию обобщенного значения лица с «обобщенным значением времени (гномического, абстрактного настоящего)» [Кустова 2011]. Здесь представлена попытка

интерпретировать обозначаемую ситуацию с точки зрения когнитивного постижения говорящим: говорящий постигает и конструирует ситуацию, связанную с ним самим, как ситуацию обобщенную, с большой всеобщностью. В «Русской грамматике» такие ситуации интерпретируются следующим образом: «отнесенность к единичному и определенному лицу одновременно предполагает возможность — при сходной ситуации — отнесенности к любым другим лицам» [Русская грамматика, т. I 1980: 533].

Следует отметить, что обобщенность и абстрактность в предложениях, поговорках, пословицах исходят из двух аспектов: а) обобщенности субъекта — деятеля обозначаемой ситуации; б) обобщенности субъекта речи. Вместе с устранением индивидуально-личного значения субъекта-деятеля ослабляется и индивидуально-личное значение говорящего как субъекта речи. Говорящий в таких высказываниях избегает индивидуальности и окказиональности собственной перцепции и познания, он выступает «а) как носитель своего опыта или б) как человек, представляющий и разделяющий опыт и суждения обобщенного класса лиц» [Бондарко 2002: 559].

Абстрактный характер говорящего в пословицах и поговорках особенно видно, когда они цитируются конкретным говорящим, использующим следующие вводные конструкции: *как говорят, как считают, как говорится, как всем известно* и т. д.

Но, как говорят у нас, скупой платит дважды. (Архипова. *Музыка жизни*); *Проверяли за двором двор. Как говорится, лиха беда начало. — Правление постановило... — заученно, не глядя в глаза, повторял Степан.* (Борис Екимов. *Пиночет*)

Таким образом, высказывания такого типа, как *Моя хата с краю — ничего не знаю*, хотя используют форму 1-го лица, часто воспринимаются как высказывания с обобщенно-личным значением. Такое значение имеется и в следующих высказываниях:

Охотно мы дарим, / Что нам не надобно самим. (Крылов); *Умный бы ты был человек — кабы не дурак; Говорил он так, что, даже не видя его*

лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается. (Тургенев. *Ася*); *Цыплят по осени считают; Под лесом соломинку видит, а под носом бревна не видит; Руководить — значит проверять* (Шведова); *Береги честь смолоду; Либо пан, либо пропал.*

В высказываниях использованы различные категории (лицо, время, вид глагола и наклонение), но обнаруживается общая характеристика — описанные в них ситуации обобщенного типа. По функции высказывания объединяются в особую группу — предложения с обобщенно-личным значением [Русская грамматика, т. II 1980: 245]. И если с точки зрения функциональной грамматики их можно подвести к периферийным средствам категории обобщенноличности, то типичные односоставные обобщенно-личные предложения являются ядерными средствами данной категории. С помощью анализа типов ситуаций нетрудно определить, что референтами этих высказываний являются ситуации обобщенного типа, в которых субъект, время и пространство имеют большую степень абстракции и генерализации, и личные формы, независимо от того, к какому морфологическому лицу они относятся, используются для обозначения обобщенного лица.

ПД и когнитивная обработка ситуации

В реальном речевом общении смена ПД означает не только замену действующих лиц в ситуации, иногда такая смена имеет непосредственное отношение к когнитивной обработке ситуации говорящим. Познание происходящего практически важно для более полного понимания внутренних механизмов при изменении формы лица.

Говорящий постигает ситуацию с абстрактной или конкретной точек зрения. Среди нескольких высказываний в фрагменте текста или даже в одном высказывании могут сосуществовать несколько разных типов ситуаций, при этом формируется динамика переключения ситуаций и ПД также преобразуется соответствующим образом. Для объяснения приведем примеры:

1. Конкретная ситуация + абстрактная ситуация: *Жила я радостно, по-детски, проснешься утром и запоешь* (Чехов. *Чайка*). В этом

выражении содержатся две ситуации: первая — конкретная, происходившая в прошлом по отношению к моменту речи (*жила*), субъектом является сам говорящий (*я*), а вторая относится к обобщенному типу. Глагольные формы 2-го лица единственного числа (*проснешься, запоешь*) служат средством выражения категории обобщенно-личности. Преобразуя определенно-личный дейксис в обобщенно-личный в пределах одного высказывания, говорящий намерен объяснить, что когда-то также вел детскую счастливую жизнь, как и все. В данном высказывании осуществилось сращивание разных типов ситуаций, субъектов и времени.

Рассмотрим еще один пример: *Прежде я каждый вечер перед сном заходила в папин кабинет... А теперь, когда ни зайдёшь, там он* (Каверин). Вид глагола интерпретируется как «неограниченно-кратный тип» несовершенного вида (*заходила*) и «наглядно-примерный тип» совершенного вида (*зайдешь*), оба глагола относятся к «типу ситуации повторяющегося действия» [Русская грамматика, т. I 1980: 604]. Интересно, что в обеих ситуациях субъектом-деятелем должен быть говорящий, но в высказываниях употребляются разные формы лица. Объясняется это с точки зрения обработки говорящим типов ситуации. Говорящий, чтобы сравнить прошлую ситуацию с настоящей, использует сложные предложения, сравнивая время (*прежде... а теперь...*). В первом высказывании личное местоимение (*я*) указывает на определенный субъект, время действия тоже сравнительно конкретно (*перед сном*), так что обозначаемая ситуация в целом является определенной, хотя она с повторяющимся действием и с более низкой степенью определенности по сравнению с типом «ситуации единичного конкретного действия». Однако можно сказать, что и субъект, и время, и пространство в данной ситуации определены и локализованы при каждом ее повторении. А ситуация, описанная во втором высказывании, не обладает временной локализованностью (*когда ни*). Хотя настоящим действующим лицом является говорящий, возможно использование категории обобщенноличности для усиления обобщенного значения субъекта действия — кто-нибудь,

любой человек. Если изменим фразу: *А теперь, когда ни захожу, там он*, то явно будет ослаблена степень абстракции ситуации, и при использовании обобщенно-личного предложения легко выразить мысль о том, что «папа все время сидит в кабинете». Несмотря на то что в приведенном примере оба высказывания описывают ситуации повторяющегося действия, они различаются на конкретно-абстрактном уровне.

2. Определенная ситуация + неопределенная ситуация: *Прощаясь, Ипполитов поцеловал ей руку. Впервые в жизни ей целовали руку* (Гранин. *После свадьбы*). Между двумя высказываниями произошел переход от определенно-личного дейксиса к неопределенно-личному, переменялся и сам тип ситуации. Говорящий сначала описал конкретную ситуацию, а затем преобразовал ее в неопределенную с тем же действием (*целовать*), указывая на то, что впервые в жизни кто-то целовал руку героини, но кто именно, уже не так важно. Смысловой фокус сместился с конкретного события, то есть с определенного субъекта и его действия (*Ипполитов поцеловал*), на более обобщенную, неопределенную ситуацию, усилилось значение самого действия, и сделан акцент на чувствах героини.

3. Обобщенная ситуация + конкретная ситуация: *Человек обидел тебя, ты рассердился на него и, разумеется, сдержался, не обидел его. И что ж? В сердце у тебя злорада, и ты не можешь относиться к этому человеку добро... Вчера испытал это...* (Л. Толстой). Проанализировав приведенный фрагмент текста, нетрудно обнаружить, что последнее высказывание отличается от предыдущих по типу ситуации. В изображаемой ситуации представлен обобщенный тип с большим абстрактным значением. Участники обобщенно-личные (*человек, тебя, ты, его, у тебя*), и время также является обобщенным, нелокализованным (хотя есть и формы глаголов прошедшего времени: *обидел, рассердился, сдержался, не обидел*, но они связываются с таксисом, то есть действия произошли до ситуации *В сердце у тебя злорада, и ты не можешь относиться к этому человеку добро...*). Последнее высказывание (*Вчера испытал это...*) выражает конкретную ситуацию, и в ней конкретны субъект

ситуации (говорящий, но он не называется) и время (*вчера*). Глагол *испытал*, выражающий единичное конкретное действие и используемый в данной конкретной ситуации, тоже стоит в прошедшем времени, но между ним и другими упомянутыми ранее глаголами прошедшего времени есть существенное различие.

На самом деле, сращивание разных типов ситуаций и перемена ПД не редкое явление в реальных речевых деятельности, особенно часто встречающееся во вступительной части произведений художественной литературы. Пример — начало романа «Анна Каренина»:

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Все смешалось в доме Облонских. (Л. Толстой. *Анна Каренина*)

Л. Н. Толстой сначала использовал в высшей степени обобщенную ситуацию состояния обычных семей, а затем перешел к конкретной ситуации, чтобы начать повествование об истории, произошедшей в доме Облонских.

*Не верьте этим иудам, хамелеонам! В наше время легче **потерять** веру, чем старую перчатку, — и я потерял!* (Чехов. *Двое в одном*)

В начале рассказа А. П. Чехова также осуществилось переключение от обобщенной ситуации к конкретной. В первых двух высказываниях обобщенный субъект и его действие выражаются через императив *не верьте* (совет всем, ср.: *всем не надо верить...*) и инфинитив *потерять* (значение обобщенности выражается нулевым подлежащим и инфинитивом глагола). Затем начинается конкретное повествование рассказа (*и я потерял!*).

Заключение

Когнитивно-прагматический аспект позволяет рассматривать дейксис как когнитивное и коммуникативное поведение человека, поэтому вопрос касается не только значения и употребления дейктиков (англ. *deictics*), — слов или конструкций с дейктическими функциями. Обусловлена необходимость подчеркивания доминирующей роли

говорящего в постижении и построении ситуации, а также в выборе форм языковых выражений для осуществления вербализации ситуации. Двустороннее взаимодействие между сознанием человека, внешней ситуацией и языком в конечном счете приносит в речевые произведения богатые паттерны. Соответственно, изучение ПД в когнитивно-прагматическом аспекте — это не только анализ личных местоимений и личных форм глагола, но и выявление когнитивных механизмов, действующих в процессе ПД. Это, несомненно, очень сложная проблема. В данной статье лишь предварительно обсуждается динамическая изменчивость ПД, вызванная когнитивной обработкой говорящим ситуации, и указывается на необходимость анализа типов ситуаций. Кроме того, перспективы дальнейшего исследования проблемы автор видит в более детальном анализе типов и подтипов ситуаций, в рамках которых изучаются взаимодействия ПД с другими категориями, такими как темпоральность и пространство, в процессе их речевой актуализации в формировании реального высказывания и текста.

ИСТОЧНИКИ

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.06.2024).

Русская грамматика 1980 — *Русская грамматика в 2 т.* Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. Т. I. 783 с. Т. II. 709 с.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова 1976 — Арутюнова Н. Д. *Предложение и его смысл*. М.: Наука, 1976. 384 с.

Бабайцева 2004 — Бабайцева В. В. *Система односоставных предложений в современном русском языке*. М.: Дрофа, 2004. 512 с.

Бондарко 2002 — Бондарко А. В. *Теория значения в системе функциональной грамматики*. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.

Виноградов 1947 — Виноградов В. В. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. М.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

Гак 1998 — Гак В. Г. *Языковые преобразования*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.

Кустова 2011 — Кустова Г. И. Лицо. *Русская корпусная грамматика*. URL: <http://www.rusgram.ru> (дата обращения: 25.06.2024).

Лекомцев 1973 — Лекомцев Ю. К. Психическая ситуация, предложение и семантический признак. *Труды по знаковым системам*. 1973, VI: 444–463.

Норман 2009 — Норман Б. Ю. *Лингвистическая прагматика*. Минск: БГУ, 2009. 183 с.

Храковский 1972 — Храковский В. С. *Проблемы деривационной синтаксической теории и вопросы синтаксиса арабского языка*. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тбилиси, 1972. 51 с.

Langaker 2004 — Langaker R. *Foundations of cognitive grammar (I). Theoretical prerequisites*. Photocopy. Beijing: Peking University Press, 2004. 516 p.

REFERENCES

Арутюнова 1976 — Arutiunova N. D. *The sentence and its meaning*. Moscow: Nauka Publ., 1976. 384 p. (In Russian)

Бабайцева 2004 — Babaitseva V. V. *The system of single-composition sentences in modern Russian*. Moscow: Drofa Publ., 2004. 512 p. (In Russian)

Бондарко 2002 — Bondarko A. V. *The theory of meaning in the system of functional grammar*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002. 736 p. (In Russian)

Виноградов 1947 — Vinogradov V. V. *Russian language (Grammatical teaching about the word)*. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1947. 784 p. (In Russian)

Гак 1998 — Gak V. G. *Language transformations*. Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kul'tury" Publ., 1998. 768 p. (In Russian)

Кустова 2011 — Kustova G. I. Person. *The corpus grammar of Russian*. Available at: <http://www.rusgram.ru> (accessed: 25.06.2024). (In Russian)

Лекомтцев 1973 — Lekomtsev Yu. K. Psychological situation, sentence and semantic feature. *Trudy po znakovym sistemam*. 1973, VI: 444–463. (In Russian)

Норман 2009 — Norman B. Y. *Linguistic pragmatics*. Minsk: BSU Publ., 2009. 183 p. (In Russian)

Храковский 1972 — Khrakovskii V. S. *Problems of derivational syntactic theory and questions of the syntax of the Arabic language*. Dr. abstract. Tbilisi, 1972. 51 p. (In Russian)

Langaker 2004 — Langaker R. *Foundations of cognitive grammar (I). Theoretical prerequisites*. Photocopy. Beijing: Peking University Press, 2004. 516 p.

ЖАНР ЖИТИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО

ANDREI A. ZLOBIN

GENRE OF LIFE IN THE WORKS BY EPIPHANIUS THE WISE

**Андрей Александрович
Злобин**

кандидат филологических наук,
доцент

► zlobin_andrei@mail.ru

Вятский государственный университет,
Российская Федерация, 610000,
Киров, ул. Московская, 36

Andrei A. Zlobin

PhD in Philology,
Associate Professor

Vyatka State University,
36, ul. Moskovskaya, Kirov,
610000, Russian Federation

Данная статья посвящена своеобразию агиографического жанра в творчестве выдающегося писателя конца XIV — начала XV в. преподобного Епифания Премудрого. Изучена специфика и структура житийных текстов, представлена их классификация, подчеркнута связь оригинальных древнерусских произведений с византийским агиографическим каноном. По мнению автора статьи, агиографический жанр достигает вершины в своем развитии в эпоху формирования централизованного русского государства. Епифаний Премудрый, признанный мастер своего времени, создавая агиобиографии святителя Стефана Пермского (святительский тип жития) и Сергия, игумена Радонежского (преподобнический тип жития), опирается на ранневизантийскую и средневековую отечественную традиции и рождает новый стилистический принцип, который получил название «плетение словес» (синонимические ряды эпитетов, лексические повторы, анафоры, приемы гомеотелевтона, гомеоптотона, ритмизация текста и др.). Именно благодаря новой манере повествования впервые в отечественной словесности открывается возможность фиксации внутренней жизни православных подвижников и изучения их духовного опыта. Автор статьи, рассматривая «Житие Стефана Пермского» и «Житие Сергия Радонежского», созданные Епифанием Премудрым, актуализирует их значение в формировании феномена святости и приходит к выводу о тесной связи данных агиографических произведений с магистральной линией русской литературы XIX и XX вв., соотносенной с вниманием к внутреннему миру человека, его духовным исканиям и душевным переживаниям. Предлагается включить тексты Епифания Премудрого в список дополнительной литературы для школьников, обосновывая это тем, что знакомство с произведениями выдающегося книжника подготовит обучающихся к вдумчивому чтению и более глубокому осмыслению романов русских писателей XIX и XX вв.

Ключевые слова: жанр жития, древнерусская литература, византийский агиографический канон, стиль «плетение словес», Епифаний Премудрый, Стефан Пермский, Сергей Радонежский.

This article is devoted to the study of the originality of the hagiographic genre in the work of the outstanding writer of the 14th–15th centuries, the Reverend Epiphanius the Wise. The specifics and structure of hagiographic texts are studied, their classification is presented, the connection of the original Old Russian works with the Byzantine hagiographic canon is emphasized. According to the author of the article, the hagiographic genre reaches its peak in its development in the era of the formation of a centralized Russian state. Epiphanius the Wise, a recognized master of his times, creating hagiobiographies of St. Stephen of Perm (the saintly type of life) and Sergius, abbot of Radonezh (the reverend type of life), relies on early Byzantine and medieval Russian traditions and creates a new stylistic principle, which was

called “weaving of words”: synonymous series of epithets, lexical repetitions, anaphors, techniques homeotelevton, homeoptoton, text rhythmization, etc. It is thanks to the new manner of narration that, for the first time in Russian literature, the possibility of fixing the inner life of Orthodox ascetics and studying their spiritual experience opens up. The author of the article, analyzing the “Life of Stephen of Perm” and “Life of Sergius of Radonezh”, created by Epiphany the Wise, actualizes their significance in the formation of the phenomenon of holiness and comes to the conclusion that these hagiographic works are closely related to the main line of Russian literature of the 19th and 20th centuries, associated with attention to the inner world of man, his spiritual quest and spiritual experiences. The author suggests including the texts of Epiphanius the Wise in the list of additional literature for schoolchildren, justifying this by the fact that familiarity with the works of the outstanding scribe will prepare students for thoughtful reading and deeper understanding of the novels of Russian writers of the 19th and 20th centuries.

Keywords: genre of life, ancient Russian literature, Byzantine hagiographic canon, the style of “weaving words”, Epiphanius the Wise, Stephen of Perm, Sergius of Radonezh.

Введение

Средневековая отечественная словесность создавалась в период с XI по XVI в. Как справедливо отмечает В. В. Кусков, «древнерусская литература является тем прочным фундаментом, на котором возводится величественное здание национальной русской художественной культуры XVIII–XX вв.» [Кусков 2012: 4].

По мнению Д. С. Лихачева, литература формирующейся великорусской народности уже имела особую систему жанров. В фундаментальном труде «Поэтика древнерусской литературы» он отмечает следующее: «Жанры составляют определенную последовательность в силу того, что они порождены общей совокупностью причин, и потому еще, что они вступают во взаимодействие, поддерживают существование друг друга и одновременно конкурируют друг с другом» [Лихачев 1979: 56].

Вместе с православным христианством Древняя Русь приняла систему жанров церковной письменности, которая сложилась в Византии. Еще не было жанров в их современном литературоведческом понимании, а существовали определенные каноны, закрепленные постановлениями Вселенских соборов, церковными преданиями и традицией. Церковная литература была неотъемлемой частью храмового богослужения, монастырского

обихода, проповеди, домашнего душеполезного чтения. Н. И. Прокофьев отмечает: «Специфическими особенностями средневекового мирозерцания была обусловлена система жанров древнерусской литературы, подчиненная практическим утилитарным целям — как нравственным, так и политическим» [Прокофьев 1975: 13].

Жанры древнерусской словесности четко дифференцированы на *церковные* и *светские* (*мирские*). Первые отличаются большим разнообразием: *житие* («Житие Авраамия Смоленского»), *хождение* (*хождение*) («Хождение игумена Даниила»), *слово* («Слово о законе и благодати» митрополита Илариона) и др.

Особое место в системе жанров занимало *житие*, центром которого было жизнеописание человека, причисленного церковью к лику святых. Агиографический жанр — один из доминирующих в отечественной средневековой литературе XI–XV вв.

Первые восточнославянские жития сформировались в тесной зависимости от древних образцов византийской агиографии. Русские книжники обрели высочайшие образцы духовно-религиозной героики, сформировавшийся идеал святости. Подобного рода произведения не были однородны, поскольку отражали различные подвиги людей, причисленных к лику святых [Злобин 2015: 182]. Данный факт свидетельствует о возможности классификации древнерусских житийных текстов. В частности, достаточно четко выделяются следующие типы агиографических сочинений: *преподобнические* («Житие Феодосия Печерского»), *мученические* (*мартирии*) («Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба»), *святительские* («Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа»), *равноапостольские* («Житие Владимира Крестителя»), *благодарных князей* («Житие Димитрия Донского») и др.

Одной из отличительных особенностей средневековой отечественной словесности является анонимность, имперсональность произведений. Это было следствием сакрального отношения древнерусского книжника к своему труду. Процесс создания текстов средневековые писатели

не воспринимали как личную заслугу, а связывали с особым действием Промысла Божия и Божественным даром, который необходимо было в самом себе обнаружить, а затем максимально развить, чтобы послужить делу спасения тех, кто впоследствии будет соприкасаться с произведениями. По этой причине не может быть установлено авторство многих текстов средневековой отечественной словесности. В. В. Кусков пишет: «В лучшем случае нам известны имена отдельных авторов, “писателей” книг, которые скромно ставят свое имя либо в конце рукописи, либо на ее полях, либо (что гораздо реже) в заглавии произведения. При этом писатель не преминет снабдить свое имя такими эпитетами, как “худый”, “недостойный”, “многогрешный”. В большинстве же случаев автор произведения предпочитает оставаться неизвестным...» [Кусков 2012: 4–5].

Биографические сведения о древнерусских писателях скудны, данные об объеме их творчества, характере их общественной и просветительской деятельности также весьма ограничены. Несмотря на это известны имена некоторых великих книжников Древней Руси, внесших неоценимый вклад в формирование отечественной культуры и русского национального самосознания. Это преподобный Нестор, агиограф конца XI — начала XII в., несший послушание летописца в Киево-Печерском монастыре; святитель Иларион, богослов и первый русский по происхождению митрополит в Киеве (1051–1054); преподобный Епифаний Премудрый (2-я половина XIV — 1-я четверть XV в.), духовный писатель и философ, иеромонах Троице-Сергиева монастыря; книжник XVI в. святитель Макарий (1482–1563), митрополит Московский и всея Руси и др.

Обсуждение

Выдающимся духовным писателем Московской Руси конца XIV — начала XV в., продолжившим лучшие традиции книжников Киевской Руси и открывшим новую стилистическую манеру изображения жизни и подвигов агиографических героев, является Епифаний Премудрый [Злобин 2023].

Вопрос об объеме творческого наследия известного философа-богослова, духовника Троице-Сергиева монастыря, в котором прошла большая часть его жизни (31 год), открыт. Однако некоторые исследователи (В. В. Кусков, Г. М. Прохоров) сходятся во мнении, что Епифанием Премудрым создано как минимум два крупнейших произведения: «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа» (далее — «Житие Стефана Пермского») и первоначальное житие великого русского подвижника, входящее «в число вершин русской агиографии» [Прохоров, Дробленкова 1988: 216], отредактированное впоследствии Пахомием Логофетом (далее — «Житие Сергия Радонежского»).

Творчество Епифания Премудрого связано с общим подъемом национального самосознания, вызванного победой русских на Куликовом поле. Автобиографические сведения, оставленные писателем на страницах собственных сочинений, сообщают, что он совершал путешествия по христианскому Востоку и Афону, во время которых познакомился с лучшими образцами византийской, болгарской и сербской литератур. Разносторонность интересов Епифания Премудрого сблизила его с выдающимся мастером Феофаном Греком. По мнению В. В. Кускова, «беседы с художником не прошли даром для писателя: эмоциональной экспрессии Феофановой кисти соответствует словесная экспрессия Епифания» [Кусков 2012: 168].

Известно, что Епифаний Премудрый вдохновлялся творениями своего современника — знаменитого иконописца Андрея Рублева, был близким другом просветителя края коми-пермяков, святителя Стефана Пермского, учеником преподобного Сергия Радонежского, сподвижником митрополита Киприана.

Начало духовного и творческого пути Епифания Премудрого связано с монастырем Григория Богослова, где он принял постриг и встретился с будущим героем своего произведения — молодым монахом Стефаном, уроженцем города Устюга, впоследствии ставшим епископом и просветителем Пермского края. В «Житии Стефана Пермского» говорится о том, что Епифаний и Стефан вели многочисленные богословские беседы, часто

вступая в полемику по тем или иным вопросам: «...спирахся о коемждо стисе, или о строце» [Гудзий 1947: 187].

Ростовский монастырь, находившийся при епископской кафедре, имел благотворное влияние на формирование личности будущего писателя и его особого стиля. Здесь была обширная библиотека («книгы многы бяху ту довольны» [Гудзий 1947: 184]), благодаря которой Епифаний Премудрый познакомился с византийской литературой, изучил Священное Писание, труды античных философов, духовное наследие Отцов Церкви.

Создавая агиобиографии своих современников, Епифаний Премудрый стремился показать величие и духовную красоту подвижников благочестия, стремящихся к осуществлению христианского идеала жизни и своего пастырского призвания.

«Житие Стефана Пермского», написанное в течение двух лет после смерти Стефана, является первым святительским житием на Руси, актуализирующим новый тип христианского подвига — миссионерское служение [Злобин 2021].

Узнав о смерти Стефана Пермского (в 1396 г.), Епифаний Премудрый стал всюду собирать сведения о нем, значительно расширив их собственными воспоминаниями, а затем приступил к созданию жития. О работе над формированием текста памятника книжник рассказывает достаточно подробно: «О нем же слово изначала приходит еже от рожения его и издетска; и во уности, и во иночестве, и во священничестве, и во святительстве даже и до самого преставления его, еже добродетели его, еже и похвала, и елико подобная сим. Сиа же убо снисках и, zde и онде собравъ, предположих я же о житии его: ова слухом услышах, ова же от ученикъ его уведах яже о учительстве, управлении. Есть же другое, яко и своима очима видех, иное же и с самем беседовах многажды и от того навых; и прочая — елико вопрошах от старых мужь» [Гудзий 1947: 182].

Первая часть «Жития Стефана Пермского» напоминает многие памятники агиографической литературы XI–XIII вв. Епифаний Премудрый, как и древнерусские книжники, говорит о духовной пользе чтения и слушания житий святых. Он сообщает об источниках, на основе которых

формируется текст памятника, актуализирует мысль о том, что знал будущего святителя лично.

Далее следует традиционное самоуничижение автора: «Азъ, худый и недостойный, убогий инокъ» [Гудзий 1947: 183]. Сообщая читателям о цели предстоящего литературного труда, Епифаний Премудрый говорит о своем достоинстве, просит Бога восполнить его деяния, призывает в помощь благодать Святого Духа.

Автор, следуя традициям византийской агиографии, включает в текст рассказ о детстве святого, о его происхождении от благочестивых родителей — Симеона и Марии. Новым здесь является то, что Епифаний Премудрый акцентирует внимание на национальной идентичности Стефана Пермского — родом русский, славянского народа, прекрасно знавший русский язык: «Сий преподобный отецъ нашъ Стефан бе убо родом русинъ, от языка словеньска, от страны полунощныя, глаголемыя Двиньския, от града, нарицаемаго Устьюга» [Гудзий 1947: 183].

Данный факт, на взгляд автора настоящего исследования, свидетельствует о неравнодушии книжника к вопросам формирования русской нации, русского национального языка, русской государственности, которые приобрели первостепенное значение после Куликовской битвы.

Во второй части раскрывается во всей полноте образ великого миссионера, его апостольское служение зырянскому народу. Агиограф сообщает об упорном труде будущего просветителя по изучению текстов Священного Писания и богословской литературы, прекрасном знании греческого языка. Уже в детстве он «грамоте прилежае, и книгам всяким вычению вдася». Греческие книги, с которыми не расставался Стефан («присно имяше я у себя») открывали ему — одному из немногих на Руси — путь к великой византийской культуре» [Федотов 1990: 133]. Епифаний Премудрый, который был его сомолитвенником и со товарищем в экзегетических трудах, сообщает много интересного о пытливости ума Стефана: он не довольствовался «бедным учением», но любил «умедливать», «пока до конца по истине не уразумеет» смысл каждого стиха. Встречая мудрого и книжного старца, он становился его «совопросником

и собеседником», «распытая ищемых скоропытне». Вся его жизнь свидетельствовала о его исключительном научном призвании. Однако «Стефан сам закрыл для себя этот, очевидно, дорогой ему путь» [Федотов 1990: 133].

Будущий святитель тщательно изучает дошедшие до него образцы пермского языка, создает зырянскую азбуку, а на ее основе — письменность. Позже он, получив благословение епископа Коломенского, переводит на этот новый язык Священное Писание и богослужебные тексты.

Агиограф детально описывает те испытания, которые мужественно претерпел святитель Стефан от людей, населявших в то время Пермский край: «Исперва убо сий Стефанъ много “зла пострада” от неверных пермянь, от некрещеных: озлобление, роптание, хухнание, хуление, укорение, уничтожение, досажение, поношение и пакость. Овогда убо прещение: смертью прещаху ему, овогда же убити его хотяху, иногда же оступиша его обаполь, въкругъ — около его, со ослопы и с великими уразы, смерть ему нанести хотяще» [Гудзий 1947: 185].

Миссионер-подвижник, несмотря на причиненные ему обиды и оскорбления, продолжает видеть в диких язычниках образ Божий и терпеливо и мужественно совершать свое служение, находясь в одиночестве и подвергаясь ежедневно смертельной опасности. Гнев, раздражение, ярость, дикие обычаи, невежество зырян Стефан Пермский покрывает христианской любовью. Интересно замечание Г.П. Федотова: «Епифаний не говорит о его монашеских подвигах — давая лишь понять, что он был истинным монахом — и не влагает в его уста обычных монашеских поучений. <...> Святитель Стефан отказывается от высокого идеала познания ради любви. Любви к тем язычникам, встреча с которыми в родном Устюге некогда пронзила жалостью его сердце. Для них он совершает нисхождение из ученого затвора, свой плодотворный кенозис» [Федотов 1990: 133].

Терпение, мудрость, кротость, милосердие, христианская простота, нестяжательность святителя помогают бывшим идолопоклонникам понять лживость, ограниченность, суетность своих убеждений и в конечном счете отказаться от них. Разрушение кумирен было практическим

доказательством бессилия языческих богов. Проповеди христианства помогала и построенная в Усть-Выме, главном зырянском селении, церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Святитель Стефан украсил ее «яко невесту добру»: церковную утварь он привез из Москвы. Сюда приезжали и люди некрещеные подивиться «красоте и доброте здания церковнаго». По мнению Г.П. Федотова, «это была настоящая проповедь красотой. Зыряне были зачарованы, как некогда послы Владимира в цареградской Святой Софии» [Федотов 1990: 135]. Для людей, принявших крещение, святитель предлагал разумное понимание веры. Взрослые и дети обучались грамоте и впоследствии читали Псалтирь, Часослов, Осмогласник. «Так вместе с Христовой верой в стране совершенно дикой зажигается очаг христианской культуры. Ученый Стефан несет свою науку и в глушь первобытных лесов» [Федотов 1990: 135].

Нравственный облик подвижника-миссионера, его образ жизни, вдохновенные проповеди приводят сотни людей к пониманию православия как единственно верного пути к Богу и Царствию Небесному.

Епифаний Премудрый тщательно собрал имевшиеся конкретные сведения о просветительской деятельности Стефана и оформил изящный и торжественный панегирик, создав таким образом особый стиль — «плетение словес», который обогащал литературный язык своего времени, содействовал созданию оригинальных произведений, в центре которых — динамика чувств человека, его различные психологические состояния. Сам автор так характеризует свой стиль: «Да и аз многогрешный и неразумный, последуя словесем похвалении твоих, слово плетуици и слово плодяици, и словом почтити мняици, и отъ словесе похваление събираа, и приобретаа, и приплетаа...» [Гудзий 1947: 190].

Книжник, словно кружево, плетет словесную хвалу святителю. Богатство словаря и синонимические ряды лексем (до 20–25 единиц) помогают Епифанию Премудрому максимально полно изобразить многообразные миссионерские труды святителя земли Пермской: «Един тот был у нас епископ, то же был нам законодавецъ

и законоположник, то же креститель, и апостол, и проповедник, и благовестник, и исповедник, святитель, учитель, очиститель, посетитель, правитель, исцелитель, архиереи, стражевожь, пастырь, наставник, сказатель, отец, епископ» [Гудзий 1947: 186].

В жанровом отношении «Житие Стефана Пермского» находится на стыке житийной традиции и ораторской прозы, причем эпическое, повествовательное начало в нем ослаблено, поскольку автора больше интересует не событийная, внешняя канва биографии святителя, а духовная оценка его подвигов.

Создавая новый тип агиографического текста, Епифаний Премудрый опирается на традиции эпидейктического красноречия XI в. («Слово о законе и благодати» митрополита Илариона). Это обнаруживается в использовании приемов *гомеотелевтона* (созвучия окончаний) и *гомеоптотона* (равнопадежья), ритмизации текста. При помощи лексических повторов и анафор автор акцентирует внимание на самом важном в жизни святого. Например, главную заслугу Стефана Пермского Епифаний Премудрый видит в его просветительской деятельности, в создании зырянской азбуки, в переводе на пермский язык Священного Писания: *«Коль много лет мнози философи еллинстии събирали и составливали грамоту греческую и едва уставили мнозemi труды и многими времени едва сложили; пермскую же грамоту единъ чрънецъ сложилъ, единъ счинилъ, единъ калогерьъ, единъ мнихъ, единъ инокъ, Стефан глаголю, приснопомнимый епископъ, единъ в едино время, а не по многа времена и лета, якоже и они, но единъ инокъ, единъ въединеньи и уединяся, единъ, уединенный, единъ, един у единого Бога помощи прося, един единого Бога на помощь призываа, един единому Богу моляся и глаголя...»* [Гудзий 1947: 185–186].

Третья часть «Жития Стефана Пермского» сообщает о смерти святого, которая произошла в Москве во время одной из поездок святителя по делам епархии. Горе зырянских людей было велико, они долго оплакивали потерю своего духовного наставника. Автор расширяет традиционные рамки житийного заключения и вводит в него новые элементы, связанные с фольклорным жанром

плача: «Плач пермских людей», «Плач церкви пермской, когда овдовела и оплакивала своего епископа», «Плач и похвала пишущего инока».

Оригинальность произведения, созданного великим книжником, состоит в соединении сформировавшихся к этому времени литературных традиций с новым торжественным, витиеватым стилем — «плетение словес». Подобное сочетание позволило агиографу актуализировать новую грань христианского подвига — миссионерское служение, которое вслед за Стефаном Пермским продолжили просветители зырянского народа — Герасим, Питирим, Иона.

Второе крупное произведение Епифания Премудрого — «Житие Сергия Радонежского». Текст агиограф начал создавать, по его собственным словам, *«по лете убо едином или по двою по преставлении старцеве начях подробну мало нечто писати»* [Гудзий 1947: 180]. Известно, что преподобный Сергий Радонежский закончил свой земной путь в 1392 г., так что можно смело предположить: начало работы над его агиобиографией приходится на 1393 или 1394 гг. Над ней книжник трудился более четверти века: *«И имея же у себе за 20 лет приготованы такового списания свитки...»* [Гудзий 1947: 180].

В «Житии Сергия Радонежского» Епифаний Премудрый продолжает лучшие традиции древнерусской преподобнической агиобиографии. Самым первым произведением подобного рода стало «Житие Феодосия Печерского», написанное Нестором Летописцем в XI в. в строгом соответствии с византийским агиографическим канонem [Злобин 2015: 182].

О связи этих двух текстов, принадлежащих к разным эпохам, пишет Г. П. Федотов: «Как и в житии Феодосия, детство Сергия (Варфоломея) рассказывается не по литературным шаблонам, а по семейным преданиям»; «Основоположник нового иноческого пути, преподобный Сергий не изменяет основному типу русского монашества, как он сложился еще в Киеве XI века. Образ Феодосия Печерского явно проступает в нем, лишь более утончившийся и одухотворенный. Феодосия напоминают и телесные труды преподобного Сергия, и сама его телесная сила и крепость, и “худые

ризы», которые, как у киевского игумена, вводят в искушение неразумных и дают святому показать свою кротость» [Федотов 1990: 143–146].

«Житие Сергия Радонежского» насыщено богатым фактическим материалом, однако стиль изложения менее риторичен. Епифаний Премудрый с большой исторической точностью передает факты, связанные с биографией преподобного, созданием Троице-Сергиева монастыря и формированием централизованного Русского государства. В этом произведении писатель выступает мастером сюжетного повествования.

Епифаний Премудрый подчеркивает богоизбранность святого, рассказывая достаточно подробно о его детстве и юности. Особый смысловой акцент книжником сделан на нравственных качествах Сергия: глубокой вере в Промысел Божий, искании Царствия Небесного, трудолюбии, скромности, душевной чистоте, жертвенной любви к каждому человеку. Особо подчеркивается такая добродетель преподобного, как смиренная кротость. Автор с лирической теплотой говорит о личности святого, тайне его избранничества и особом служении русскому народу.

Созданный в начале XV в. в Московской Руси текст Епифания Премудрого в полной мере отражает специфику художественного метода древнерусской литературы, сформировавшегося в XI в. в Киевской Руси, и его ведущий принцип — *символизм*. В. П. Адрианова-Перетц в «Очерках поэтического стиля Древней Руси» отмечает: «Средневековый человек был убежден, что символы скрыты в природе и самом человеке, символическим смыслом наполнены исторические события. Символ служил средством раскрытия смысла, обретения истины. Как многозначны знаки окружающего человека видимого мира, так многозначно и слово: оно может быть истолковано не только в своем прямом, но и в переносном значениях. Этим определяется характер символических метафор, сравнений в древнерусской литературе» [Адрианова-Перетц 1947: 9].

Глубоко символичным в произведении является число *три*: находясь во чреве матери, будущий святой трижды прокричал во время Божественной литургии, в глуши радонежских лесов молодой

подвижник построил храм в честь Святой Троицы, всю свою жизнь — с младенчества и до последнего вздоха — он посвятил Пресвятой Троице. Символом великого служения преподобного Богу и неустанной заботы о вверенных его духовному попечению людях стала Свято-Троицкая Сергиева лавра. Весьма примечателен и тот исторический факт, что знаменитая «Троица» преподобного Андрея Рублева была создана в годы игуменства Сергия Радонежского и находилась в местном ряду иконостаса Троицкого собора. Г. П. Федотов отмечает: «Вспомним о посвящении всей его жизни Пресвятой Троице, — для бедной богословием Руси Пресвятая Троица ни до Сергия, ни после него не была предметом умозрения, — и мы с необходимостью придем к предположению, что в лице преподобного Сергия мы имеем первого русского святого, которого, в православном смысле этого слова, можем назвать мистиком, то есть носителем особой, таинственной духовной жизни, не исчерпываемой подвигом любви, аскезой и неотступностью молитвы. Видения суть лишь знаки, отмечающие неведомое» [Федотов 1990: 150].

Епифаний Премудрый, рассказывая о жизни Сергия, открывает особую — сокровенную — грань его избранничества. Он сообщает о мистических явлениях, свидетелями которых были ученики Радонежского игумена: Симон, Исаакий, Михей. Рамки преподобнического жития расширяются *видениями* горних сил: видением ангела во время совершения преподобным Божественной литургии, видением Богоматери, видением необычайно красивых птиц. Символический смысл последнего интерпретирует сам автор текста. Приведем фрагмент его толкования. Однажды ночью в своей келье преподобный слышит голос, называющий его по имени. Открыв окно, он видит необычайный свет в небе и множество «зело красных птиц», слетевшихся над его монастырем. Небесный голос дает ему обетование: «*Им же образом видел еси птицы сия, тако умножится стадо ученик твоих, и по тебе не оскудеют, аще восхотят стопам твоим последовати*» [Федотов 1990: 146–147].

По молитвам игумена совершаются чудеса. Однако даже в них он ищет возможности умалить себя, принизить свою духовную силу. Воскресив

мертвого ребенка, преподобный Сергей говорит пораженному отцу: «Прельстился еси, о человеце, и не веши, что глаголеши: отроча бо твое, носящу ти его семо, на пути студенью изнемогиши, тебе мнится, яко умре. Прежде бо общего воскресения не можно есть ожити никому же» [Федотов 1990: 146–147]. Свой источник он изводит из земли молитвой только из-за ропота монахов на отсутствие воды и запрещает называть его Сергиевым: «Яко да никогда же слышу от вас моим именем источник он зовуи; не бо аз дах воду сию, но Господь дарова нам недостойным» [Федотов 1990: 146–147]. Как и Феодосий Печерский, во дни голода и скудости Сергей Радонежский всецело уповает на Бога, и помощь является в виде посылки хлебов от таинственных христолюбцев.

Епифаний Премудрый показывает, как игумен Сергей сочетает в себе глубокую молитвенную сосредоточенность, деятельную заботу о судьбе молодого русского государства и широкую миротворческую деятельность. Его бесценный духовный опыт говорил о том, что предстояние Пресвятой Троице — единственно правильный путь, способный привести к преодолению разделения, вражды, ненависти: «Воззрением на Святую Троицу преобладавать ненавистную рознь мира сего» [Кусков 2012: 171]. Монашеская жизнь обители Сергея неразрывно связана с благотворительностью. Сразу после принятия общежительного устава преподобный «заповеда нищих и странных довольно упокоевати и подавати требующим» [Федотов 1990: 147], связывая с исполнением этого христианского долга будущее монастыря.

О роли Сергея Радонежского в политическом и нравственном возрождении Русской земли говорит В. О. Ключевский: «Сергий своею жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем не все еще погасло и замерло. <...> Он открыл им глаза на самих себя» [Ключевский 1892: 29].

Выводы

Таким образом, житие в системе жанров древнерусской литературы занимает особое место. В центре агиографического произведения

уникальный духовный путь человека, исполнившего христианские заповеди и приблизившегося к евангельскому идеалу.

Епифаний Премудрый, богослов и писатель, к концу XIV — началу XV в. вошел в историю отечественной литературы как автор двух агиографий — святителя Стефана Пермского и преподобного Сергея Радонежского, выдающихся православных подвижников, труды которых определили направление вектора развития русского мира.

Следуя византийскому агиографическому канону, традициям древнерусских авторов, Епифаний Премудрый открывает новую стилистическую манеру — «плетение словес». Данный прием дал возможность исследования внутреннего мира личности. Пристальное внимание к душе человека стало магистральным направлением русской литературы и нашло отражение в произведениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. С. Шмелёва.

На взгляд автора настоящей статьи, было бы очень важным включить тексты Епифания Премудрого в список дополнительной литературы для школьников. Знакомство с произведениями выдающегося книжника подготовило бы обучающихся к вдумчивому чтению и более глубокому осмыслению романов русских писателей XIX и XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианова-Перетц 1947 — Адрианова-Перетц В. П. *Очерки поэтического стиля Древней Руси*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 132 с.

Гудзий 1947 — Гудзий Н. К. *Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII вв.* М.: Учпедгиз, 1947. 504 с.

Злобин 2015 — Злобин А. А. «Житие Феодосия Печерского» — первое преподобническое житие ранней русской агиографии. В сб.: *Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: по мат-лам V Междунар. науч.-практ. конф., 19–20 ноября 2015 г.* СПб.: Санкт-Петербургский горн. ун-т, 2015. С. 182–184.

Злобин 2021 — Злобин А. А. Святительское житие в древнерусской агиографической литературе (на примере «Жития Стефана Пермского» Епифания Премудрого). В сб.: *Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: по мат-лам VIII Междунар. науч.-методич. конф., 28–29 октября 2021 г.* СПб.: Санкт-Петербургский горн. ун-т, 2021. С. 181–185.

Злобин 2023 — Злобин А. А. Преподобный Епифаний Премудрый — выдающийся древнерусский писатель. В сб.:

Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: по мат-лам IX Междунар. науч.-методич. конф., 19–20 октября 2023 г. СПб.: Санкт-Петербургский горн. ун-т, 2023. С. 198–201.

Ключевский 1892 — Ключевский В. О. *Благодатный воспитатель русского народного духа. Речь, произнес. в торжеств. собр. Моск. духов. акад. 26 сент. 1892 г. в память преподоб. Сергия проф. В. О. Ключевским.* 3-е изд. [Сергиев]: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1908. 150 с.

Кусков 2012 — Кусков В. В. *История древнерусской литературы: учебник для бакалавров.* 9-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2012. 336 с.

Лихачев 1979 — Лихачев Д. С. *Поэтика древнерусской литературы.* М.: Наука, 1979. 101 с.

Прокофьев 1975 — Прокофьев Н. И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. В сб.: *Литература Древней Руси.* М., 1975. С. 13–19.

Прохоров, Дробленкова 1988 — Прохоров Г. М., Дробленкова Н. Ф. Епифаний Премудрый. В сб.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л.: Наука, 1988. Вып. 2: Вторая половина XIV — XV в. Ч. 1. А–К. С. 211–220.

Федотов 1990 — Федотов Г. *Святые Древней Руси.* М.: Московский рабочий, 1990. 269 с.

REFERENCES

Адрианова-Перетц 1947 — Adrianova-Peretz V. P. *Essays on the poetic style of Ancient Russia.* Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1947. 132 p. (In Russian)

Гудзий 1947 — Gudziy N. K. *A textbook on ancient Russian literature of the 11th–17th centuries.* Moscow: Uchpedgiz Publ., 1947. 504 p. (In Russian)

Злобин 2015 — Zlobin A. A. “The Life of Theodosius of the Caves” is the first reverend life of early Russian hagiography. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniia v tekhnicheskome vuze:*

po materialam V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 19–20 noiabria 2015 g. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gornyi universitet Press, 2015. P. 182–184. (In Russian)

Злобин 2021 — Zlobin A. A. The Holy Life in the Ancient Russian hagiographic literature (on the example of the “Life of Stephen of Perm” by Epiphanius the Wise). In: *Aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniia v tekhnicheskome vuze: po materialam VIII Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, 28–29 oktiabria 2021 g.* St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gornyi universitet Press, 2021. P. 181–185. (In Russian)

Злобин 2023 — Zlobin A. A. Reverend Epiphanius the Wise is an outstanding ancient Russian writer. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniia v tekhnicheskome vuze: po materialam IX Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, 19–20 oktiabria 2023 g.* St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gornyi universitet Press, 2023. P. 198–201. (In Russian)

Ключевский 1892 — Klyuchevsky V. O. *Is a gracious educator of the Russian national spirit. Speech, delivered in celebrations collection Moscow spirits acad. 26 Sep. 1892 in memory of Rev. Sergiya prof. V. O. Klyuchevsky.* 3rd ed. Moscow: Sviato-Troitskaia Sergieva lavra Publ., 1908. 150 p. (In Russian)

Кусков 2012 — Kuskov V. V. *History of ancient Russian literature.* 9th ed. Moscow: Iurait Publ., 2012. 336 p. (In Russian)

Лихачев 1979 — Likhachev D. S. *The poetics of ancient Russian literature.* Moscow: Nauka Publ., 1979. 101 p. (In Russian)

Прокофьев 1975 — Prokofiev N. I. On the worldview of the Russian Middle Ages and the system of genres of Russian literature of the 11th–16th centuries. In: *Literatura Drevnei Rusi.* Moscow, 1975. P. 13–19. (In Russian)

Прохоров, Дробленкова 1988 — Prokhorov G. M., Droblenkova N. F. Epiphanius the Wise. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi.* St. Petersburg: Nauka Publ., 1988. Iss. 2: Vtoraya polovina XIV — XV v. Ch. 1. A–K. P. 211–220. (In Russian)

Федотов 1990 — Fedotov G. *Saints of Ancient Russia.* Moscow: Moskovskii rabochii Publ., 1990. 269 p. (In Russian)

И. П. Черноусова

КОНЦЕПТ «РОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ/ЗАНЯТИЙ» В БЫЛИННОЙ КАРТИНЕ МИРА

IRINA P. CHERNOUSOVA

THE "OCCUPATION/EMPLOYMENT" CONCEPT IN THE EPIC TALE PICTURE OF THE WORLD

**Ирина Петровна
Черноусова**

доктор филологических наук,
профессор

► ira.chernousova2010@yandex.ru

Липецкий государственный
педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского,
Российская Федерация, 398020,
Липецк, ул. Ленина, 42

Irina P. Chernousova

Doctor of Philology, Professor

Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky University,
42, ul. Lenina, Lipetsk,
398020, Russian Federation

В статье исследуется концепт «род деятельности/занятий», в содержание которого включаются виды деятельности, существовавшие в Древней Руси и представленные в былинной картине мира в перекодированном виде. В былине отмечены социальное расслоение (князь, бояре, богатыри, купцы, попы, оратаи, ростовщики, прислуга), большое разнообразие воинских и хозяйственных должностей, а также обилие слуг. Главные герои былин — богатыри, состоящие на службе у князя, входящие в состав эпической дружины. Среди множества профессий и должностей выделяются *приворотники*, *придверники*, *стольники*, *чашники*, занимающиеся обслуживанием князя, бояр и богатырей, и *скоморохи*, *гусельники*, *певцы*, развлекающие на пиру. Молодые богатыри в начале своего трудового пути могут служить при дворе, а во время войны занимаются ратным делом. В соответствии с законами эпического мира богатыри наделены сверхчеловеческой силой, фантастическими способностями независимо от того, к какой профессии они относятся (воин-защитник Родины, как Илья Муромец, или оратаи, как Микула Селянинович, или купец и гусяр, как Садко). Основным средством репрезентации концепта «род деятельности/занятий» в былинной картине мира являются фольклорные формулы — устойчивые словесные конструкции, содержащие традиционные культурные смыслы, воплощавшие в себе мировоззренческие установки и ориентиры народа, что свидетельствует о важности этой информации. Названия профессий и должностей в былине, входящие в состав фольклорных формул, стали в большинстве случаев историзмами и архаизмами.

Ключевые слова: концепт «род деятельности/занятий», архаизмы, историзмы, былинная картина мира, фольклорные формулы.

The article explores the concept "occupation/employment" embracing occupations that existed in Ancient Rus' and which are presented in the epic picture of the world in a re-coded form. The epic tale is characterized by social stratification (the prince, the boyars, bogatyr, merchants, priests, plowmen, moneylenders, servants) and a wide variety of military and economic positions, as well as an abundance of servants. The main characters of the epics are bogatyr who serve the prince and are part of the epic *druzhina* (the prince's military retinue). Among the numerous occupations and positions, there are gatekeepers, doorkeepers, stolniks, cup bearers serving the prince, boyars and bogatyr, as well as *skomorokhs* (minstrel-entertainers), *gusli* players, and singers providing entertainment during feasts. Young bogatyr at the beginning of their career can serve at the court and fight in a war if need be. In accordance with the laws of the epic tale world, bogatyr are endowed with superhuman strength and fantastic powers irrespective of their occupation (a warrior-defender of the Motherland like Ilya Muromets,

a plowman like Mikula Selyaninovich, or a merchant and gusli player like Sadko). The major means of representing the concept “occupation/employment” in the epic tale picture of the world is folklore formulas — fixed verbal constructions that contain of traditional cultural meanings embodying the nation’s worldview and principles, which testifies to the importance of this information. The names of occupations and positions in folklore formulas have largely become historicisms and archaisms.

Keywords: concept “occupation/employment”, archaisms, historicisms, epic tale picture of the world, folklore formulas.

Введение

Исследование былинной картины мира как перекодированной формы репрезентации историко-этнографической действительности в соответствии с законами эпического мира выполнено в русле современного научного направления — фольклорной лингвоконцептологии, возникшей в рамках лингвофольклористики.

На основе анализа материала авторитетных собраний русского эпоса (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. [Гильфердинг 1949; 1950; 1951]; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым [Данилов 1958]; Беломорские былины, записанные А. Марковым [Марков 1901], и Песни, собранные П. Н. Рыбниковым [Рыбников 1909; 1910]) предпринята попытка изучить концепт «род деятельности/занятий».

В былинном мире представлены многие условия, профессии и должности, существовавшие в Древней Руси: князья, бояре, священники, богатыри, купцы, стража, прислуга, оратаи, корабельщики, матросы, целовальники, приказчики и такой род занятий, как ростовщики.

Основным средством вербализации концепта «род деятельности/занятий» являются фольклорные формулы — устойчивые словесные конструкции, концентрирующие традиционные культурные смыслы. Среди фольклорных формул автор статьи выделяет лексико-грамматические формулы, характеризующиеся воплощением семантически однородного содержания в устойчивых синтаксических конструкциях, включающих опорные слова и словосочетания.

С помощью используемой методики семантико-когнитивного описания концепта (от семанти-

ки фольклорных формул к модели концепта) создается портрет анализируемого концепта с учетом историко-этнографического контекста, подвергнутого в былинной картине мира перекодировке.

Результаты и обсуждение

В фольклорной формуле, описывающей почестный пир у князя Владимира, обозначен состав участников пира, в большинстве случаев включающий князей, бояр, богатырей — постоянные компоненты формулы; иногда — поляниц, гостей / купцов торговых; в редких случаях в состав пирующих могут входить крестьяне — факультативные элементы формулы¹:

*Во стольном городе во Киеве,
У князя у Владимира
На многих князей и бояр,
На русских могучих богатырей,
[Русских поляниц, купцов торговых,
На гостей богатых / званых бранных / приходящих,
На всех мужиков деревенских]
Было пировань(-иц-)е — почестной (почестен) пир,
[столованье — почестной стол].*

Приведем пример, когда Владимир пирует не только со своими приближенными, но и со всем народом:

*Во стольном городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Было пированьице почестен пир
На многих князей, на бояров,
На могучиих на богатырей,
На всех купцов на торговых,
На всех мужиков деревенских.
[Гильфердинг 1950: № 94, 183]*

Главные герои былин — богатыри, входящие в состав эпической дружины, которая «не только войско, но и профессиональное объединение для любой производственной цели» [Липец 1969: 81]. Так, «дружина Вольги — Волха не только воюет, но и занимается охотничьим и рыболовным промыслом, дружина Соловья Будимировича ведет корабль, плотничает и торгует» [Липец 1969: 81]. В дружину феодализирующейся Руси, как указывает Б. А. Рыбаков, объединялись воины из разных земель и городов [Рыбаков 1948: 114]. Это нашло

отражение и в былинной картине мира, где богатыри — выходцы из разных населенных пунктов: Илья Муромец родом из города Мурома или села Карачаева/Карачарова, Добрыня — из Рязани, Алеша Попович — из Ростова.

Выделяются богатыри-побратимы (Илья Муромец и Добрыня, Добрыня и Алеша Попович, Алеша Попович и Еким Иванович и др.), которые во время военных действий составляют неразлучную пару и должны выручать друг друга при опасности: «*Оне ездят, богатыри, плеча о плечо, Стремяно в стремяно богатырское*» [Данилов 1958: № 20, 125]. Каждый из них именуется «*брат названный*».

В былинной картине мира нашло отражение большое разнообразие воинских и хозяйственных должностей, а также обилие слуг, что, как отмечает Р. С. Липец, было «характерно для периода становления раннеклассового общества, когда создавался развитой административно-хозяйственный аппарат при дворах властителей» [Липец 1969: 100].

Обслуживающий персонал у князя, бояр и богатырей можно разделить на несколько категорий:

- 1) стражи: военные слуги, *приворотни(ч/ц)ки* (*подворотники*), *придверни(ч/ц)ки* (*придворники*);
- 2) слуги, занимающиеся хозяйством: *ловчие* (организаторы охоты), *охотники*, *сокольники* и *кречетники* (охотники, которые ловят соколов и кречетов), *конюхи* и *коровницы* (работники, ухаживающие за лошадьми и коровами), *рыболовы*;
- 3) слуги, ведающие домом, бытом: *портмойницы/беломойницы* (прачки), *ключники* (владеющие ключами от помещений), *ларешники* (разновидность ключников), *замочники*, *постельницы*, *калачницы*, *стряпчие*, *горничные*;
- 4) слуги, обслуживающие пиры: *позовщики* (*зазыватели*), функция которых зазывать гостей на пир, *стольники* (смотрители за княжеским столом), *чашники* (обслуживающие трапезу), их помощники (*приспешники*).

Основные должности при княжеском дворе, представленные в былинах, — стража (*приво-*

ротники и *придверники*), *стольники* и *чашники*. Их функции могут выполнять военные слуги.

Приворотник — *устар.* Сторож у ворот, у входа куда-либо [Словарь 1961 (11): 395]. *Придверник* — *устар.* Сторож у дверей, у входа куда-либо [Словарь 1961 (11): 446]. Слова *приворотники* и *придверники* являются архаизмами и имеют синонимы в современном русском языке: *швейцар*, *консьерж*, которые заимствованы позже из немецкого и французского языков соответственно.

Вооруженная стража, охраняющая ворота, запирающие «*стену городовую*», которой окружен город, и ворота княжеского широкого двора, — *приворотники*, при дверях гридницы находятся охранники дверей — *придверники*. Этикет требовал, чтобы попасть снаружи на двор (внешнюю границу владения), необходимо спросить разрешение у приворотников; со двора в дом — разрешение у придверников; чтобы проникнуть в палаты *княженецкие* (помещение знатного человека), требовался доклад:

*Он ведь кланеитце всим **придверницам**,
У ворот-то стоят — он всим **приворотницам**:
«Допустите до красного миня солнышка,
Всё до ласкова-то князя всё до Владимира».*
[Марков 1901: № 12, 91]

*И приехал он на княженецкий двор,
Приворотники доложили **стольникам**,
А **стольники** князю Владимиру.*
[Данилов 1958: № 23, 151]

Выработана фольклорная формула, содержащая информацию о нарушении этикета:

*Приходит / (на)ехал к(о) / на княженецк-ому(-ий) / сиротск-ому(-ий) двор(-у) / подворьщцу вдовиному [да безобсылочно],
[В палаты ты идешь бездокладочно],
Не спрашива-ешь(-л) у дверей да **придверни(ч)ков**,
Не спрашива-ешь(-л) у ворот да **приворотни(ч)ков/подворотников**,
Всех взашей прочь отталкива-ешь(-л).*

Игнорирование охраны возможно в случае крайней спешки, вызванной важными обстоятельствами (например, в былине «Добрыня Никитич и Алеша Попович» Добрыне необходимо срочно

попасть на свадьбу своей жены в роли скомороха, чтобы расстроить незаконный брак), но и в этом случае такое поведение вызывает осуждение:

*А приходит скоморошиной на свадебку,
А й к тому двору да княженецкому,
А не спрашивает у дверей да придверничков,
У ворот не спрашивал да приворотничков,
Он всех взашей прочь отталкивал.
Вси придвернички да приворотнички
Они вслед идут да жалобу творят.
<...> Говорит ему Владимир стольне-киевской:
— Ай же ты удала скоморошина!
Ты зачем же ехал давень ко подворьщцу,
А к тому подворьщцу вдовиному,
Там не спрашиваешь ты у дверей придверничков,
У ворот не спрашиваешь да приворотничков,
Взашей прочь ты всех отталкивал?
Нунь идешь на княженецкий двор
И не спрашиваешь ты у дверей придверничков,
У ворот-то наших приворотничков,
Взашей прочь ты всех отталкиваешь?
[Гильфердинг 1950: № 5, 150]*

Нарушение этикета считается допустимым в чужой земле (в проклятой Литве), в этом случае оно демонстрирует пренебрежение к хозяину — королю ляховинскому:

*Заезжал-то к королю да на широкой двор,
Соходил-то со добра коня,
Становил коня да среди широка двора,
Среди широка двора, у дубова столба,
У дубова столба, у золота кольца;
А как сам ведь пошол на красно крыльце;
Он не спрашивал у ворот да подворотничков,
У дверей не спрашивал да придверничков.
Заходил-то в полаты в корольвския;
А не крестил-то он своёго лица белого,
Не поклонялсэ он поганым идолам;
Только бьет целом королю во праву руку.
«Уж ты здраствуй-ко, король земли да Лёховиньския».
[Марков 1901: № 78, 415]*

Слова *стольник* и *чашиник* в современном русском языке являются историзмами. Стольник — «в древней Руси придворный чин рангом ниже боярского, а также лицо знатного происхождения, имевшее такой чин» [Словарь 1963 (14): 938]. Слово *стольник* в былине употребляется в первоначальном значении: «первоначально — придворный, прислуживавший за княжеским или царским столом» [Словарь 1963 (14):

938]. Чашник — «в старину боярин, ведавший винными погребами и подносявший напитки к царскому столу» [Словарь 1965 (17): 799].

Чашники в былинной картине мира (их назначает сам Владимир) — одна из основных должностей при княжеском дворе. Чашник как персонаж эпоса издавна привлекал внимание исследователей русских былин. О.Ф. Миллер, опираясь на один пример: «А втапоры стольной Владимир-князь Не имел у себя стольников и чашиников» [Данилов 1958: № 22, 142], ошибочно считал должность чашника, как и стольника, поздно появившейся при дворе [Миллер 1869: 711]. Хотя в этой же былине «*стольники и приворотники Доложили князю Владимиру, Что приехал Михайло Казаренин*» [Данилов 1958: № 22, 147]. А.В. Марков отмечал «начальственное положение чашников и стольников», указывая причины этого: «чашники наливали на княжеском пиру заздравные чары, которым, вероятно, придавалось большое значение» [Марков 1904: 47].

Чашник в былинном мире не простой слуга, наливающий гостям «*питья медвяные*», вино и другие напитки, хотя бы уже потому, что у чашников и стольников были помощники — приспешники:

*А и стольники-чашиники
Поворачевают-пошевеливают
Своих оне приспешников,
Понесли-та ества сахарныя,
Понесли питья медвяныя.
[Данилов 1958: № 24, 158]*

Особая роль чашников имеет давнюю историю в Древней Руси: она связана с ритуальным значением принятия напитков и пищи. Чашник ранее, на языческих пирах, руководил обрядовым распитием священных напитков. И «стольник должен был следить не только за светским церемониалом пиров, но первоначально и за тем, чтобы все было соблюдено в соответствии с издревле принятыми обрядами, а от пищи была отстранена возможная “порча”» [Липец 1969: 213]. Р.С. Липец предполагает, что в христианизированной Руси, после того как волхвов стали преследовать, их функции перешли к стольнику и чашнику, а также духовенству, которое привлекали

к освящению пиров [Липец 1969: 213]. Когда обрядовые функции чашника потускнели, он превратился в простого распорядителя пиров.

Должности в былинной картине мира делятся на женские и мужские:

1. Женские — персонал, обслуживающий боярыню, матушку Дюка (былина «Дюк») и ее помещения: *служаночки, нянюшки, горничные, сенные девушки, ключницы, стольницы, чашницы, постельницы, рукомойницы, портomойницы (портomывницы, беломойницы), судомойницы*; работающие в кухне: *стряпчие, мукосейницы, калачницы, хлебницы, пирожницы*; и во дворе: *коровницы*. Названия женских должностей в большинстве случаев образованы при помощи суффикса *-ниц-*. Все эти названия, за исключением слова *горничные*, являются устаревшими: большинство — историзмами, а слово *ключницы* — архаизмом (синоним в современном русском языке — *портье* — заимствован из французского языка).

2. Мужские — стражи и персонал, обслуживающий двор: *дворники, конюхи, кузнецы, лопатники* (выравнивают дорогу), *метельщики* (подметают дорогу), *подстельники* и *суконщики* (подстилают на дороге сукна). Названия мужских должностей чаще всего образованы при помощи суффиксов *-ник-, -щик-*.

Стряпчими, чашниками, стольниками, постельниками могут быть лица мужского пола. *Стряпчий* в былине употребляется в значении «повар»:

*И тут у Дюка стряпчей был,
Припас про князя Владимира почестной стол.
[Данилов 1958: № 3, 26]*

Все эти названия, кроме слов *дворники* и *кузнецы*, являются историзмами. Дюк хвастает многочисленностью своей дворни и слуг, а также их безделием, так как такое количество прислуги не может быть занято делами:

*Ай ведь есь у мяня, у Дюка, добра молодца,
На двори у мяня да на конюшном всё
Как живет у мяня да **пятьдесят** да всё людей робочих...
Пятьдесят у мяня ведь, всё у добра молодца,
Пятьдесят-то тут у мяня всё **портomойниц-то**;
Тут белье они стирают у мяня, у добра молодца;*

*Ицэ есь у мяня, ицэ у добра молодца,
Шьчо друго у мяня-то **пятьдесят** да **мукосейниц-то**;
Шьчо иише у мяня, у добра молодца
Пятьдесят всё у мяня да всё **колачниц-то**.
Шьчо у мяня-то, у моей-то родной матушки,
У чесной вдовы Омельфы Тимофеевны.
[Марков 1901: № 15, 105]*

***Дворники** да **слуги** в шапки да в бабки играют,
В красных рубахах гуляют.
[Гильфердинг 1950: № 115, 291]*

Многие молодые богатыри в былинах (Добрыня Никитич, Иван Годинович, Дунай, Чурила, Данило Ловчанин), начиная свой трудовой путь, последовательно переходят с одной должности на другую: «стольничают», «чашничают», «у ворот стоят», служат конюхом, постельничим, гусяром и др. [Липец 1969: 103], после чего они осваивают навыки владения оружием и конем. Типизированная последовательность должностей находит выражение в фольклорной формуле: «(По) три года *стольничал / приворотничал / чашничал / (служил) в дворниках / конюхах / ключниках / стольниках и др.*».

*В стольном в горде во Киеву,
У славного сударь-князя у Владимира
Три годы Добрынюшка **стольничал**,
А три годы Никитич **приворотничал**,
Он стольничал, **чашничал** девять лет,
На десятой год погулять захотел
По стольному городу по Киеву.
Взявши Добрынюшка тугой лук
А и колчан себе каленых стрел...
[Данилов 1958: № 9, 52]*

*По три годы Добрынюшка **стольничал**,
По три годы Добрыня **приворотничал**,
По три годы Добрынюшка **чашничал**.
На десятое-то лето стал конем владеть.
[Гильфердинг 1951: № 227, 216]*

Р.С. Липец предполагает, что «стал конем владеть» может означать, что Добрыня поступил в конное войско [Липец 1969: 103].

В стольниках служил и Чурила в Киеве у Владимира. Апракса просит дать ему должность постельничего (придворного, в обязанности которого входило следить за чистотой, убранством и сохранностью княжеской постели). Эту должность ему не дают, а делают «ласковым зывателем»,

или «позовщиком» [Пропп 1958: 485]: он должен «ходить-то по городу по Киеву, звать князей-бояр на почестен пир» [Рыбников 1910: № 168, 463].

В отличие от других богатырей, Дунай служил не у князя Владимира, а у короля литовского (лёховинского) в разных придворных должностях: в дворниках, конюхах, ключниках, стольниках, дополнительно выполняя функции гусельника, или гусяра:

*А он жил-то у короля ровно й двенадцать лет:
А он три года жил у ёго всё в дворниках,
А да три года он жил у ёго во конюхах, —
А как ездили они с Настасьёй во чисто полё поляковать;
А да три года-то он жил у ёго во ключниках, —
А-то всё было ёму поверёно;
А да три года-то жил-то он во стольниках,
А во стольниках-то жил, да у столов стоял;
А когды-то ёго дочери сидят кушают,
А играл-то он во звончатые гусли,
Утешал-то у ёго дочери любимыя.
[Марков 1901: № 75, 391-392]*

Последовательно сменяемые должности (по три года), являющиеся своего рода ступенями карьерного роста, в будущем делают Дуная пригодным для миссии сватовства в чужой земле (посватать невесту для князя Владимира), на что указывает Илья Муромец: «послатъ тихий Дунай да сын Иванович, у короля литовского был да он во конюхах... двенадцать лет, Он бывал в чужих землях, видал чужих людей» [Гильфердинг 1950: № 108, 256].

Кроме обслуживающего персонала, многообразно представленного в былинной картине мира, выделяются профессии, развлекающие на пиру: профессионалы-скоморохи, гусяры и певцы.

Скоморох в древней Руси — народный странствующий актер [Словарь 1962 (13): 1001]. Скоморохи — желанные гости на эпическом пиру. Пришедшего в обличье скомороха Добрыню радостно приветствуют князь Владимир и Апраксия:

*Ай же ты, детина приезжая,
Скоморошная, гусельная!
Для чего ты долго проживаешься,
Продаешься, пропиваешься,
Нейдешь к нам на почестен пир.
[Рыбников 1909: № 41, 274]*

Р.С. Липец предполагает, что если признать в Добрыне маскированного скомороха, допущенного на пир, то этот факт «может служить косвенным доказательством отражения в эпосе древнего обрядового ряжения на празднествах, сохранявшегося в Киевской Руси, хотя нередко уже в модифицированном виде» [Липец 1969: 280].

Скоморохи на пиры всегда являются с гусями, причем присутствует обычно не один игрок, а множество «гусельников/гусельщиков»: «Еще вси места да попризаныты У молодых да у гусельщиков» [Гильфердинг 1951: № 217, 137]. Во время игры Добрыни «На пиру **игроки** все приумолкнули, Все **скоморохи** приослухались» [Рыбников 1909: № 8, 64].

Играют на музыкальных инструментах и поют Добрыня, Ставр Годинович, Соловей Будимирович и Василий Буслаев. Садко — единственный богатырь, который является профессиональным гусяром.

Вошедший в ряды гусельников, приглашаемых на пиры, Садко отличается от всех: он имеет «черты древнего музыканта-чародея, завораживающего игрой стихии и духов» [Липец 1969: 284]. После того как его перестали звать на пиры, он идет на Ильмень-озеро, поет и играет здесь для себя. Подслушавший его игру морской царь награждает Садко советом, как разбогатеть: побиться об заклад с новгородскими купцами, что он поймает в Ильмень-озере рыбку Золотые перья. Выиграв заклад — лавки с товарами, Садко становится богатым купцом:

*Стал Садко поторговывать,
Стал получать барыши великие.
[Рыбников 1910: № 134, 245]*

В былинной картине мира осуждается ростовщичество. Примеры ростовщиков представлены в былине о Ставре, у которого «Золота казна не держится / не тощится» [Гильфердинг 1949: № 7, 182; Рыбников 1909: № 14, 91], потому что он отдает деньги «в рост». В былине «Хотен» Чесова вдова:

*Бросалась в сундуки окованья,
Вымала ведь записи крепкия,
По которым были денежки роздаваны,*

Собрала мужиков своих должников:
«А вы мужики, мои должники!
Убейте Хотю в чистом поле —
Во всех-то вас денежка господь простит».
[Гильфердинг 1951: № 308, 567–568]

Хотен вынуждает Чесову вдову возвратить должникам кабальные грамоты, чем вызывает их благодарность:

«Неси, вдова, записи закладные,
По которым золота казна роздавана!»
И несла-де вдова записи закладные,
По которым золота казна роздавана.
Роздал Фотеюшко эти записи,
И все мужики поехали да кланялись:
— Как спасибо, Фотеюшко Збудович!
[Гильфердинг 1951: № 282, 449–450]

В былине прославляется свободный крестьянский труд, его богатырский характер. Микула Селянинович — *оратай, ратай*. Эти слова являются архаизмами: *оратай* — *устар.*, пахарь, *ратай* [Словарь 1959 (8): 995], *ратай* — *устар. и народно-поэт.*, землепашец [Словарь 1961 (12): 1019]. Отчество *Селянинович* (производное от слова «селянин») выражает крестьянскую сущность.

Для описания работы пахаря, в которой отмечаются реальные детали, характерные для земледельческого труда северного русского крестьянина (превращение в пахотные земли участков, заваленных валунами, и корчевание леса), выработана фольклорная формула: «*Орет / покрякивает в поле (о)ратай, Бороздки пометывает, Коренья / камня / деревья (дубья, сосенки, елочки) / пни вывертывает / вырывает / в борозду валит, Сошка / омешики о (по) камешк-и(-ам) поскрипыва-ет(ют) / почеркивают*».

А орет в поле **ратой**, понукивает,
С края в край бороздки пометывает,
В край он уедет — другого не видать.
То коренья камня вывертывает,
Да великия он камня вси в борозду валит.
[Гильфердинг 1950: № 73, 5]

Микула, источником силы которого является труд: «*Велика сила у Викулы Селягина, Как ратарем живу во чистом поле*» [Гильфердинг 1949: № 2, 109], выпаживает не только пни, но и целые

деревья: «*Сырые дубья выарывают, А пни-де коренья валит в борозду*» [Гильфердинг 1951: № 255, 344]; «*Сосенки да елочки в борозду валит*» [Рыбников 1909: № 69, 384]; «*Дубья, колодья — все в борозду валит*» [Гильфердинг 1949: № 55, 513].

Постоянно раздается скрип Микулиной сохи, потому что он обрабатывает каменистую почву:

Орет в поле **ратай**, понукивает,
Сошка у **ратая** поскрипывает,
Омешики по камешкам почеркивают.
[Рыбников 1909: № 3, 10]

Услыхал **оратая** за двенадцать верст,
Како **ратай** покрякивает,
Омешики о камешки поскрипывают.
[Гильфердинг 1950: № 131, 382]

Ученые давно обратили внимание на подробности пахоты Микулы в поле: «Это точная картина северной пахоты — в губерниях Новгородской, Псковской, Олонецкой и др., где пашни иногда сплошь усеяны валунами, то мелкими, о которые постоянно почеркивают омешики сохи, то крупными, которые приходится огигать при пахании. Только соха чудесного пахаря Микулы Селяниновича могла великие камни вывертывать и в борозду валить. Вывертывание кореньев также указывает на северные нивы, расчищенные среди леса, а не на привольные, обширные пахотные пространства на Южном Черноземье» [Миллер 2015: 252].

Оратай в былине выполняет и другие функции — по подготовке пира-братчины:

Ржи напашу, в скирды складу,
В скирды складу да домой выволочу,
Домой выволочу, дома вымолочу.
Драни надеру да то я пива наварю,
Пива наварю, мужичков напою,
Станут мужички меня покликвати:
— Ай ты молодой Микулушка Селянинович!
[Гильфердинг 1950: № 73, 9]

В соответствии с законами эпического мира богатыри наделены сверхчеловеческой силой, беспредельными возможностями.

Выводы

Таким образом, в содержании концепта «род деятельности/занятий» в былинной картине мира

отмечен такой когнитивный признак, как социальное расслоение (князь, бояре; богатыри, состоящие на службе у князя; купцы, попы, ораи, ростовщики, прислуга). Богатыри — главные герои былин, защитники Родины — могут относиться и к разным профессиям. Микула Селянинович — ораи, Садко — новгородский купец и искусный музыкант (гусли), Дюк Степанович — купец, Добрыня Никитич является на свадебный пир в роли скомороха с гусли. Среди многообразия профессий и должностей выделяются должности, занимающиеся обслуживанием князя, бояр и богатырей (*приворотники, придверники, стольники, чашиники* и др.), а также профессии, связанные с развлечением на пиру (*скоморохи, гусельники и певцы* — постоянные былинные персонажи). Большинство названий профессий и должностей являются устаревшими (архаизмами и историзмами).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В примерах сохранены орфография и пунктуация источников.

ИСТОЧНИКИ

Гильфердинг 1949; 1950; 1951 — *Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года*: в 3 т. 4-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. I, 1949. 736 с.; т. II, 1950. 806 с.; т. III, 1951. 669 с.

Данилов 1958 — *Древние российские стихотворения, собранные Кириешю Даниловым*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 665 с.

Марков 1901 — *Беломорские былины, записанные А. Марковым*. М.: Поставщик Двора Его Величества Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. 635 с.

Рыбников 1909; 1910 — *Песни, собранные П. Н. Рыбниковым*. Грузинский А. Е. (ред.): в 3 т. 2-е изд. М.: Издание фирмы «Сотрудник школ», 1909–1910. Т. I, 618 с.; т. II, 733 с.

ЛИТЕРАТУРА

Липец 1969 — Липец Р. С. *Эпос и Древняя Русь*. М.: Наука, 1969. 302 с.

Марков 1904 — Марков А. В. *Бытовые черты русских былин*. М.: Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1904. 97 с.

Миллер 1869 — Миллер О. Ф. *Илья Муромец и богатырство киевское. Сравнительно-критические наблюдения над словесным составом народного русского эпоса Ореста Миллера*. СПб.: Тип. Н. Н. Михайлова, 1869. 895 с.

Миллер 2015 — Миллер В. Ф. *Очерки русской народной словесности*. Платонов О. А. (ред.). М.: Институт русской цивилизации, 2015. 672 с.

Пропп 1958 — Пропп В. Я. *Русский героический эпос*. М.: ГИХЛ, 1958. 603 с.

Рыбаков 1948 — Рыбаков Б. А. *Ремесло Древней Руси*. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 803 с.

Словарь 1959; 1961; 1962; 1963; 1965 — *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. Изд-во АН СССР, Ин-т рус. яз. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 8, 1959. 1842 с.; т. 11, 1961. 1844 с.; т. 12, 1961. 1678 с.; т. 13, 1962. 1518 с.; т. 14, 1963. 1392 с.; т. 17, 1965. 2128 с.

REFERENCES

Липец 1969 — Lipets R. S. *Epic literature and Ancient Rus*. Moscow: Nauka Publ., 1969. 302 p.

Марков 1904 — Markov A. V. *Household features of Russian epics*. Moscow: T-vo Skoropechatni A. A. Levenson Publ., 1904. 97 p.

Миллер 1869 — Miller O. F. *Ilya Muromets and Kiev Bogatyrs. Comparative and critical observations on the layered composition of the Russian folk epic by Orest Miller*. St. Petersburg: N. N. Mikhailov Publ., 1869. 895 p.

Миллер 2015 — Miller V. F. *Sketches on Russian folk literature*. Platonov O. A. (ed.). Moscow: Institute of Russian Civilization Publ., 2015. 672 p.

Пропп 1958 — Propp V. Ya. *Russian heroic epic*. Moscow: GIHL Publ., 1958. 603 p.

Рыбаков 1948 — Rybakov B. A. *The craft of Ancient Russia*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1948. 803 p.

Словарь 1959; 1961; 1962; 1963; 1965 — *Dictionary of the contemporary Russian literary language*: in 17 vols. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR Publ. Vol. 8, 1959. 1842 p.; vol. 11, 1961. 1844 p.; vol. 12, 1961. 1678 p.; vol. 13, 1962. 1518 p.; vol. 14, 1963. 1392 p.; vol. 17, 1965. 2128 p.

РОМАН Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР» КАК ОБРАЗЕЦ ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА

NATALIIA D. STRELNIKOVA

THE NOVEL "THE AVIATOR" BY EVGENY G. VODOLAZKIN AS AN EXAMPLE OF PETERSBURG TEXT

**Наталия Даниловна
Стрельникова**

кандидат филологических наук,
доцент

► tashastrel@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина),
Российская Федерация, 197022,
Санкт-Петербург,
ул. Профессора Попова, 5

Nataliia D. Strelnikova

PhD in Philology,
Associate Professor

Saint Petersburg Electrotechnical
University "LETI",
5, ul. Professora Popova, St. Petersburg,
197022, Russian Federation

Многослойный и многогранный роман Е. Водолазкина «Авиатор» можно трактовать по-разному. Статья посвящена интерпретации романа XXI в. как классического образца непрерывного петербургского текста, в котором значимым является все, начиная с эпиграфа и посвящения. Объясняются значение и символика имени главного героя — Иннокентий, закономерность отчества — Петрович, смысл фамилии — Платонов. Значимую роль играет семантика собственных имен: Анастасия, Зарецкий, Гейгер, Анна. Текст романа насквозь пронизан литературными реминисценциями и ассоциациями. Разного рода приемы, используемые автором, отсылают к экспериментам Серебряного века, самоцитации в творчестве Ф. Сологуба, игре с читателем в романах В. Набокова. «Авиатор» сопоставляется с петербургскими романами Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», к анализу привлекаются и другие повести и романы писателя. Особое внимание уделяется теме воскрешения, справедливости, покаяния, проблеме нравственного выбора, вины и невинности. Прослеживается связь с произведениями А. С. Пушкина. Анализируются разного рода аллюзии от «Повестей Белкина» и романа в стихах «Евгений Онегин» до отдельных стихотворений. Раскрывается символический смысл и метафоричность названия в его взаимодействии с композицией романа, эпиграфом, посвящением, образами главных героев. Отмечается влияние древнерусской литературы. Среди интертекстуальных переключек важное место принадлежит библейским сюжетам, мифологическим параллелям, влиянию произведений мировой литературы. Эксплицитные и имплицитные цитаты привлекаются автором романа в его размышлениях о смысле и уникальности человеческой жизни, о внутренней свободе и страдании, о судьбе и неизбежности смерти, о милосердии, христианской любви и прощении.

Ключевые слова: «Авиатор», петербургский текст, Достоевский, Пушкин, Серебряный век, «Идиот».

The author argues that Evgeny Vodolazkin's multi-layered and multifaceted novel "The Aviator" can be interpreted in different ways. The article is devoted to the interpretation of the 21st century novel as a classic example of a continuous Petersburg Text, in which everything is significant, starting from the epigraph and dedication. The meaning and symbolism of the name of the main character Innokenty (Innocent), the pattern of the patronymic Petrovich, the meaning of his surname Platonov, are explained. The semantics of proper names plays a significant role: Anastasia, Zaretsky, Geiger, Anna. The text of the novel is thoroughly permeated with literary reminiscences and associations. Various techniques used by the author refer to the experiments of the Silver Age, self-citation in the works of Fyodor Sologub,

and games with the reader in the novels of Vladimir Nabokov. “The Aviator” is compared with St. Petersburg novels “Crime and Punishment” and “The Idiot” by Fyodor Dostoevsky; other stories and novels of this writer are also involved in the analysis. Particular attention is paid to the theme of resurrection, justice, repentance, the problem of moral choice, guilt and innocence. There is a connection with the works of Aleksandre Pushkin. Various kinds of allusions are analyzed from “Belkin’s Tales” and the novel in verse “Eugene Onegin” to individual poems. The symbolic meaning and metaphorical nature of the title is revealed in its interaction with the composition of the novel, epigraph, dedication, and images of the main characters. The influence of ancient Russian literature is noted. Among the intertextual echoes, an important place belongs to biblical stories, mythological parallels, and the influence of works of world literature. Explicit and implicit quotes are used by the author in his thoughts about the meaning and uniqueness of human life, about inner freedom and suffering, about fate and the inevitability of death, about mercy, Christian love and forgiveness.

Keywords: “The Aviator”, Petersburg text, Dostoevsky, Pushkin, Silver Age, “The Idiot”.

Введение

Роман Е. Водолазкина «Авиатор» (2016) можно прочитывать по-разному, но прежде всего это петербургский текст. Созданный «совокупностью текстов русской литературы “петербургский текст” обладает... семантической связанностью... хотя он писался (и будет писаться) многими авторами» [Топоров 1973: 277]; утвердилось мнение, что «символизм превратил (художественно “навязав” это ощущение читателю, а затем и исследователям) достаточно пестрое наследие XIX в. в “петербургский текст”» [Минц, Безродный, Данилевский 1984: 79].

Роман «Авиатор» представляет собой классический образец непрерывного петербургского текста. Главный герой — человек Серебряного века. Произведение предвдвывает эпиграф, являющийся самоцитацией, что отсылает к экспериментам Серебряного века — обращение к собственному творчеству характерно для прозы символистов. Например, эпиграфом романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» является строка стихотворения поэта: «Я сжечь ее хотел, колдунью злую». Водолазкин осуществляет следующий шаг: в качестве эпиграфа он берет фрагмент последних страниц своего романа, разговор в самолете. «— Что вы всё

пишете? — Описываю предметы, ощущения. Людей. Я теперь каждый день пишу, надеюсь спасти их от забвения. <...> Всегда ведь найдется тот, чей обзор достаточно широк... например, авиатор» [Водолазкин 2016: 7]. Данный прием позволяет раздвинуть границы хронотопа и архитектоники книги. Начало адресует к финалу, финал — возвращает к началу. Одновременно автор «подчеркивает важность циклического времени, в котором пребывает *жизнеописатель* Платонов»: повествование в романе отсчитывается днями недели, но «сменяемость времен года важна. Замкнутость художественного пространства характерна для древнерусской литературы, специалистом и знатоком которой является автор» [Стрельникова 2018б: 211].

Обсуждение

Название романа совпадает с названием стихотворения А. Блока (1912). Платонов — художник, не авиатор, а роман назван — «Авиатор». К подобному методу художественной игры с читателем прибегал В. Набоков в романах «Машенька», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь»: Машенька так и не появляется; защита не защищает; и вопрос — состоялась ли казнь? — остается открытым. Трудно было, очевидно, избежать влияния Набокова, хотя бы потому, «что существенную роль играет “гений места”... любимая Платоновым Сиверская, с которой связаны самые теплые детские воспоминания, — это почти набоковские места» [Стрельникова 2018б: 211]. Усадьба Набоковых в селе Рождествено Гатчинского района располагается в восьми километрах от поселка Сиверский. В Рождествено прошли детство и юность Набокова, любовно запечатленные им в романах «Защита Лужина» и «Другие берега». В XIX — начале XX в. Сиверская относилась к Рождественской волости и со второй половины XIX в. считалась Дачной столицей.

Особый пласт в романе принадлежит семантике собственных имен [Стрельникова 2018а]. Говорящие имена являются важной составляющей петербургского текста, в котором значимым становится буквально всё. Иннокентий, Анастасия,

Гейгер непосредственно проецируются на петербургские повести и романы Ф. М. Достоевского. Впрочем, дело не только и не столько в месте действия.

Тема воскрешения, волнующая Платонова, заставляет вспомнить роман «Преступление и наказание». Возлюбленную Иннокентия зовут Анастасия. Простонародным вариантом имени является распространенное в XIX в. имя Настасья, неоднократно встречаемое в произведениях Достоевского — «Белые ночи», «Преступление и наказание», «Идиот» — и всегда выполняющее свою семантическую функцию. «Хозяйская прислуга Настасья не случайно носит это имя: Анастасия означает “воскрешение” (греч.)... — символ матери-земли... она в лице Настасьи по-прежнему заботится о нем, верит в его воскресение. В этой заботе и в этой вере — залог возрождения Раскольникова» [Белов 1984: 78]. Платонов размышляет, дословно переводя имя любимой: «Передо мной лежит единственный близкий мне человек. <...> Счастье, что он есть, что продержался до моего *возвращения к жизни*» (Курсив здесь и далее наш. — Н. С.) [Водолазкин 2016: 173]. Платонов рефлексировал: «О воскрешении думаю все чаще. О нем говорит и Настин имя. Иногда мне кажется, что Настя воскресила Анастасию» [Водолазкин 2016: 287]. В какой-то момент в сознании героя оба образа — Анастасии и Насти — сливаются [Водолазкин 2016: 218]. Для будущей дочери Платонов выбирает имя Анна, которое естественно и логично продолжает ряд близких: *АнНа* представляет собой словообразовательную модель, появившуюся в результате сложения первых букв имен любимых — Анастасии и Насти [Стрельникова 2018а].

Платонов сравнивает себя — бывшего ЛАЗАРЬ — с Лазарем библейским. Но в биографии героя Водолазкина ЛАЗАРЬ — «Лаборатория по замораживанию и регенерации», аббревиатура [Водолазкин 2016: 207]. Лазарь — символ, смысл которого двойится. Напомним о значимости эпизода в романе «Преступление и наказание», когда Соня читает Раскольникову фрагмент из Нового Завета о воскрешении Лазаря.

В самом умышленном и фантастическом городе, по мысли Достоевского, Раскольников,

одержимый идеей справедливости, совершает преступление. Через полвека в том же городе, действуя во имя справедливости, осуществляет месть Платонов. Терзаясь мучительными вопросами о смысле воскрешения, он постепенно осознает, что «ему дана была милость вернуться» [Водолазкин 2016: 382]. Постоянным мотивом романа является статуя Фемиды, символ справедливости. Писатель «назвал своего “авиатора” Иннокентием, потому что имя означает “невинный”, а ему “на роду написано” быть невинной жертвой происшедших в его жизни событий» [Мальшев 2016]. Имя главного героя, таким образом, связано с проблемами вины / ее отсутствия, *преступления/наказания*, а значит, с категорией справедливости.

Отчество героя — Петрович — закономерно для петербургского текста. «Через Петра и через его детище Петербург, несущее в себе и демиургический творческий гений Петра, и всё “злое” насилие своего “строителя чудотворного”, прошел главный и определяющий поток русской истории. <...> Петербург не мог не выступать и как субъект гениального творчества, и как субъект злой воли. Творчество тем самым всегда происходило над бездной...» [Топоров 1995: 312]. Достоевский часто нарекал персонажей отчеством Петрович: титулярный советник Яков Петрович Голядкин (повесть «Двойник»), сочинитель Иван Петрович (роман «Униженные и оскорбленные»), Александр Петрович Горянчиков (повесть «Записки из Мертвого дома»), Порфирий Петрович, надворный советник Петр Петрович Лужин, помощник квартального надзирателя Илья Петрович (роман «Преступление и наказание»). [Стрельникова 2018а: 269]. В. Н. Топоров пишет, что «активность перед лицом истории... не позволяет снять с Петра ответственности и вины (по киркегоровским критериям Петр невинен, но преступен)» [Топоров 1995: 312].

Фамилия Платонов, с одной стороны, вызывает в памяти имя древнегреческого философа Платона и его диалог «Государство», где излагается идея идеального государства, в основе которого лежит идея справедливости. Не менее любопытная ассоциация возникает с именем писателя Андрея Платонова, автора «Котлована», родившегося

в 1899 г., то есть ровесника героя «Авиатора». К числу ключевых мотивов в творчестве Платонова относится тема смерти и ее преодоления. Под влиянием идей Николая Федорова Андрей Платонов неоднократно обращался к идее воскрешения мертвых, которая в сознании его героев связывается с грядущим приходом коммунизма: «Сумеют или нет успехи высшей науки воскресить назад сопревших людей? — Нет... — Врешь! <...> Марксизм всё сумеет. Отчего ж тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждет — воскреснуть хочет» [Платонов 1988: 170–171]. Можно вспомнить и историка Сергея Федоровича Платонова, также современника Иннокентия Петровича, 1899 года рождения. Наверстывая упущенное время, герой Водолазкина много читает, особенно книги по истории и философии, так задействованными становятся все три опции: Платонов — историк, Платон — философ, Платонов — писатель.

Во второй части романа фамилия Платонов фактически превращается в имя: Настя начинает называть его Платоша. Пара Иннокентий — Анастасия с обращением на *вы* преобразуется в пару Платоша — Настя с обращением на *ты* [Водолазкин 2016: 269–270]. Вспоминая первую любовь, Платонов обосновывает обращение исключительно на *вы*: «Это мое *вы* и Анастасия кажутся мне сейчас чем-то избыточным, даже забавным. Но тогда они были для меня чуть ли не порукой ее, Анастасии, неприкосновенности. До некоторой степени — символом моей аскезы, чем-то вроде рясы, в которой иноку, наверное, проще сопротивляться искушениям. Или, наоборот, сложнее» [Водолазкин 2016: 18]. Принимая во внимание созвучие имени героя и слова ИНОК, имя Иннокентий обретает дополнительные коннотации [Стрельникова 2018а: 270]. Как не вспомнить в связи с этим стихотворение «Ты и вы» (1828), в котором А. С. Пушкин поэтически разграничил традиционное обращение на *ты* и *вы*, характерное для русского этикета. Обращение на *вы* предполагает дистанцию, выдерживаемую человеком начала XX в. Изменившаяся реальность диктует новые правила. Обращение на *вы* слишком претенциозно, даже фальшиво звучит в конце XX в., о чем автор, переходя на *ты* с сестрой милосердия, иронически

пишет: «Сморкайтесь! / Мы же на “ты”... / — Тогда сморкайся! / Я сморкнулся. Невозможно ведь сморкаться в чью-то руку, будучи с человеком на “вы”» [Водолазкин 2016: 63].

Нельзя не заметить параллель, возникающую при упоминании имени Иннокентий: артист Иннокентий Смоктуновский, гениально сыгравший роль князя Мышкина в блистательной постановке Георгия Товстоногова в Ленинградском БДТ в 1957 г. Этот спектакль стал знаковым событием культурной жизни Ленинграда 60-х годов XX в. Ассоциативное обращение к легендарному спектаклю БДТ возникло произвольно, но не случайно, ибо отсылка к роману Достоевского «Идиот» в тексте Водолазкина не меньше, чем реминисценций к «Преступлению и наказанию». Фамилия Настасьи Филипповны — Барашкова; в этой говорящей фамилии читается отведенная ей роль жертвенного агнца, что соотносится с героем «Авиатора», в имени которого зашифровано значение *невинной жертвы*. «Авиатор» начинается с возвращения героя в Петербург после долгого отсутствия, практически с того света, в 1999 г. Эта коллизия напоминает начало романа «Идиот», когда князь Мышкин приезжает в Петербург после длительного лечения. И Платонов, и Мышкин некоторое время находились в другом «измерении» — душевном заболевании Мышкина и долгом небытии Платонова. Тема внутреннего конфликта благородного человека, оказавшегося в чужом для него мире, идейно и тематически сближает оба романа [Стрельникова 2019а]. Князь Мышкин и авиатор Платонов примерно одного возраста, оба не очень здоровы физически, но высоконравственны духовно; сближает героев философский склад ума, точность в высказываниях и оценках. Кроме того, оба артистичны в своем роде: Платонов — художник и летописец своей эпохи; князь Мышкин — каллиграф, чувствующий характер почерка.

Герои вынуждены адаптироваться к новым условиям в сильно изменившемся и неудобном для них мире. Петербург в романе Достоевского, где все продается и покупается, далек от совершенства, но и в «Авиаторе» Петербург конца XX в. не идеален. «Все друг друга перебивают. Интонации склочные и малокультурные, пошлость

невыносимая. Неужели это мои новые современники?» [Водолазкин 2016: 83–84]. «Не нонешнего века человеком» называет Платонова Гейгер [Водолазкин 2016: 222]; «почти как ребенок, впрочем, образованный» [Достоевский 19576: 60–61] — таково общее мнение о князе Мышкине. Оба вызывают любопытство окружающих, но за глаза их называют в первом случае *идиотом*, во втором — *размороженным*. Подчеркивается прелесть улыбки обоих: «В ответ — улыбается. Вот у кого хорошая улыбка» [Водолазкин 2016: 223]. «Улыбка его хороша; я разглядел его теперь внимательнее» [Достоевский 19576: 439]. Выпадая из реальности, герои чувствуют себя «лишними», но, будучи романтиками, пытаются преодолеть несовершенство мира, сделать его лучше, и люди при общении с ними становятся чище и добрее. Платонов, пройдя «бестрепетно» через муки советского лагеря, приходит к христианскому мировосприятию. И Мышкин, и Платонов — единственные, последние представители уходящей культуры. У Достоевского князь-Христос «последний... в своем роде» [Достоевский 19576: 10] в прямом и переносном смысле, у Водолазкина *разморозка* через столько лет становится «воскрешением целого поколения» [Водолазкин 2016: 279], увы, безвозвратно ушедшего. Характерной чертой петербургского текста является сопоставление персонажей с известными литературными и мифологическими героями мировой культуры. Рисуя образ своего «положительно прекрасного человека», Достоевский сравнивает Мышкина с *Дон Кихотом Ламанчским* и *рыцарем бедным* из стихотворения Пушкина. В «Авиаторе» неудивительно сравнение Платонова с мифологическим *Икаром* и библейским *Лазарем*, но постоянным спутником Иннокентия Петровича является *Робинзон Крузо*, задумывается герой и о судьбе *Блудного сына*, как бы примеряя ее на себя [Водолазкин 2016: 31].

Центром пересечения идей двух романов являются размышления о Человеке, проблема нравственного выбора, тема вины и невиновности. «Страна — не моя мера, и даже народ. <...> Человек — вот мера», — точка зрения Платонова [Водолазкин 2016: 78]. Достоевский писал брату Михаилу: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели

будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [Достоевский 1985: 63]. Настасья Филипповна обращается к князю: «Прощай, князь, в первый раз Человека видела!» [Достоевский 19576: 201]. Достоевский ссылается на евангельский текст, слова Понтия Пилата: это Человек. Платонова можно назвать русским Робинзоном XX века, еще раз доказавшим возможность остаться Человеком, несмотря на нечеловеческие условия Соловецкого лагеря. У Платонова был свой остров и страшная соловецкая робинзо-нада. Может быть, он остался жив вопреки всему, потому что в детстве читал книгу Д. Дефо?

Неужели, только пройдя через невероятные страдания, Человек начинает ценить важность каждой минуты, о которой писал Ф. М. Достоевский [Достоевский 19576: 69–71]. Ощущения приговоренного к казни, который «каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял» [Достоевский 19576: 71], зафиксированы подробно и точно, так как автобиографичны. Жить как человек, которому осталось пять минут до смерти. «Может, как раз для того я воскрешен, чтобы все мы еще раз поняли, что с нами произошло в те страшные годы, когда я жил? <...> Я ведь всё видел и всё запомнил. А теперь вот описываю» [Водолазкин 2016: 279]. Обретя вторую жизнь, Платонов максимально реализуется, восстанавливая прошлое для будущего.

Центральной темой второй части «Авиатора» является тема смерти, постепенно вытесняющая тему воскрешения, вопрос о смысле, ценности и уникальности человеческой жизни. Платонов бродит по кладбищам — Смоленскому, Никольскому, Серафимовскому. Здесь не обойтись без пушкинских реминисценций. Потеряв свое время и свой быт, Платонов, подобно Дуне из «Станционного смотрителя», пытается «врасти» в чужой мир, «вписаться» в новый быт, но попытка оказывается неудачной. Он чувствует себя неким *хронотоплесом*, который «ищет прежних знакомых» [Водолазкин 2016: 297]. Ассоциативно возникает строчка Пушкина из стихотворения «19 октября» (1825), адресованная последнему оставшемуся в живых лицеисту: «Несчастный друг! Средь

новых поколений / Докучный гость и лишний, и чужой, / Он вспомнит нас и дни соединений...»

Фамилия Зарецкий из романа Водолазкина заставляет вспомнить Зарецкого из романа «Евгений Онегин». Что общего между неглупым, расчетливым и хитрым пушкинским помещиком и пролетарием — персонажем Водолазкина? О пушкинском герое мы знаем немного, но именно ему, опытному дуэлянту и щепетильному ревнителю правил, Ленский доверяет право быть секундантом: «В дуэлях классик и педант, / Любил методу он из чувства, / И человека растянуть / Он позволял не как-нибудь, / Но в строгих правилах искусства» [Пушкин 1959: 122]. Судьбы Ленского и Онегина фактически оказываются в руках Зарецкого, который мог бы с легкостью примирить противников, но не предотвращает дуэль. В силу сложившихся обстоятельств от «какого-то» Зарецкого зависят судьба героев и невольная гибель Ленского. Быть может, поэтому Водолазкин решил наречь отрицательного героя «Авиатора» именно так [Стрельникова 2018a]? Кстати, у Зарецкого нет ни имени, ни отчества. Несмотря на случайное появление Зарецкого, при размышлении о его характере и роковой роли напрашивается вывод. Любой человек способен на самые странные, невероятные действия, каждый, казалось бы, самый примитивный индивид противоречив и сложен. Не существует деления людей на отрицательных и положительных. Все и всё связаны, ничего не происходит само по себе, а любой поступок отзывается чем-то в будущем [Стрельникова 2019б: 1953]. Таким образом, речь идет о вечной теме судьбы, одной из центральных в творчестве Пушкина.

Думая о своем чудесном воскрешении, Платонов пишет: «Ночью не спал, и вспомнил мне пушкинский “Выстрел”. Там Сильвио откладывает свой ответный выстрел на шесть лет. Он появляется тогда, когда герой женится и счастлив... Смерть не тронула меня на острове. Тогда она была мне почти безразлична. Она вернулась со своим выстрелом сейчас, когда в моей жизни появилась радость. Долго же она ждала. Надо ли понимать так, что ее выстрел — ответный?» [Водолазкин 2016: 373–374]. Герой спрашивает: прав ли человек, который мстит, «он — злодей или инструмент

справедливости» [Водолазкин 2016: 343], имея в виду себя. Платонов не понимает, из каких соображений донес Зарецкий на профессора Воронина, но и Зарецкий не может объяснить, зачем он это сделал. Напомним, как когда-то Тоцкий в романе Достоевского «Идиот» на вечере у Настасьи Филипповны рассказывает о самом дурном поступке, совершенном им в жизни: как ради *преоригинальной идеи* предал своего приятеля, тем самым приведя его к преждевременной гибели [Достоевский 1957б: 174–177], но не может объяснить причин своего странного порыва. Раскаиваясь в содеянном, не понимая, зачем он так жестоко обошелся с человеком, к которому хорошо относился, искренно утверждает, что сделал это просто так. У Зарецкого никакого корыстного интереса не было, и ничего в его жизни не изменилось. Автор «Авиатора» и Платонов подозревают существование иррациональных причин в русском сознании, апеллируя опять же к Пушкину. «Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья...» Возвращаясь к образу Сильвио из повести «Выстрел», позволим сделать предположение. Замечательный литературовед Н. Я. Берковский обратил внимание на то, что Сильвио — плебей [Берковский 1962: 272]. Чувством ущемленного самолюбия и оскорбленного достоинства можно объяснить и его вызывающее поведение, и его мстительность. Мечь Сильвио есть мечь оскорбленного человека. Не теми же ли чувствами был движим Зарецкий? [Стрельникова 2019а: 1953].

Среди имплицитных отсылок стоит назвать повесть «Станционный смотритель». Желание распорядиться собственной судьбой, личная ответственность и позднее раскаяние — все это проекция притчи о блудном сыне на судьбу Дуни. Пушкин рассказывает историю блудного сына — дочери смотрителя — по-своему. «Блудный сын у Пушкина возвращается в карете. <...> Но блеск блудного сына — призрачный, новый блудный сын по-своему несчастен...» [Берковский 1962: 339]. Похоже, что отсылка к пушкинской повести в «Авиаторе» отчасти продиктована близостью деревни Выра, где жил скромный пушкинский герой Самсон Вырин, а сейчас в Выре, находящейся

рядом с Рождествено, в шести километрах от Сиверской, где прошло волшебное детство Платонова, расположен домик станционного смотрителя — первый в России музей вымышленного литературного героя. Водолазкин обращается и к евангельскому сюжету, и к повести Пушкина, и к тексту Покаянного канона. Библейский сюжет Платонов проецирует на собственный уход и возвращение. Пытаясь встроиться в новый быт, он все чаще и чаще произносит слова Покаянного канона: «Бог идеже хоцет, побеждается естества чин». Размышляя о смысле притчи о блудном сыне, Платонов резюмирует: «Я как-то сказал Насте, что милость выше справедливости. А сейчас подумал: не милость — любовь. Выше справедливости — любовь» [Водолазкин 2016: 316]. Любовь, напомним, спасает Раскольникова: полюбив, он раскаивается и освобождается от страданий. Так странно и причудливо сплетаются в «Авиаторе» разные аллюзии и смыслы.

Судьбы героев «Повестей Белкина» переключаются, человек равноценен другому человеку. По этой логике Зарецкий должен быть равноценен Платонову, кто же тогда Платонов — «злодей или инструмент справедливости? Или — и то, и другое?» [Водолазкин 2016: 343]. Одержимый покаянными мыслями, герой приходит к идее христианской любви и прощения. Простив, Платонов пишет гениальный портрет своей жертвы — Зарецкого. Так неожиданно отзывается пушкинская тема «гения и злодейства». Пушкинских реминисценций в романе Водолазкина достаточно, и это не удивительно для петербургского текста [Стрельникова 2019а: 1952–1957].

Многое в повествовании двоится, повторяется, закольцовывается, переворачивается. Первое осознанное воспоминание Платонова связано с бабушкой, читающей ему «Приключения Робинзона Крузо». Этим же эпизодом заканчивается роман: «Бабушка читает “Робинзона Крузо”» [Водолазкин 2016: 411]. Фамилия следователя, допрашивающего Платонова, по иронии судьбы — Бабушкин: «В этот день у него был усталый вид. Мне тогда даже пришло в голову, что в чем-то он соответствует своей фамилии» [Водолазкин 2016: 126]. Бабушкин не мог соответствовать своей

фамилии: на следующий день он начал жестоко избивать Платонова. Бабушкой станет, и только так ее и будут называть в 1999 г., Анастасия [Водолазкин 2016: 180].

Одинаковую фамилию — Воронины — носят отец Анастасии и *мерзавец*, жестокий чекист на Соловках. «Как так случается, что одним и тем же именем могут обозначаться полные противоположности» [Водолазкин 2016: 162]. Снова апеллируем к Достоевскому: Миколка из страшного сна Раскольникова и Миколка-красильщик носят имя святого, Николая-угодника. «Достоевский был величайшим диалектиком, и поэтому антиподом чистого и невинного сердцем Миколки-красильщика является пьяный деревенский парень Миколка, насмерть забивающий лошадь. Между этими двумя Миколками, между верой и неверием и мечется Раскольников, связанный с обоими неразрывно: с одним — круговой порукой греха, с другим — надеждой на воскресение» [Белов 1984: 93]. Не то ли и с Платоновым, окруженным двумя Воронинами — профессором Духовной академии, отцом невесты, и злодеем, издевающимся над попавшими в лагерь. Начало страданий Платонова связано с профессором Ворониным, за которого он мстит и получает наказание, физически осуществляемое другим Ворониным. «Может быть, оставшись в моей памяти, Воронин стал частью меня, и я ненавижу его в себе?» [Водолазкин 2016: 189].

И Пушкин, и Достоевский присутствуют в тексте «Авиатора» эксплицитно и имплицитно. В разговоре с другом детства, кузеном Севои, собирающимся «отметить начало революционной борьбы» [Водолазкин 2016: 87], Иннокентий, спрашивая, читал ли тот «Бесов», получает *бесовский* ответ, в котором нивелируется личность человека, начинающего «снисходительно» говорить словами штампов и газетных передовиц: «Сейчас объективная необходимость взять власть...» [Водолазкин 2016: 87]. Образ *бесов* возникает не единожды. Когда Иннокентий смотрит, как «энергично» танцуют его нынешние современники, то вспоминает: «так в любительском театре Сиверской изображали бесноватых. <...> Их танец указывал на необходимость исцеления» [Водолазкин 2016: 79]. Напомним сон Раскольникова о *трихинах*,

«вселявшихся в тела людей». «Люди, принявшие их в себя, становились тотчас бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные» [Достоевский 1957а: 570]. Одним из *бесов* становится Сева. «Он притягивает к тем, кто кажется ему сильным, и надеется, что они отдадут ему часть своей силы. Ничего они ему не отдадут. На мгновение мне приходит в голову, — размышляет герой, — что если бы Сева стал тираном, то первым уничтожил бы меня» [Водолазкин 2016: 160].

Рассказывая о романе, Водолазкин заключает: «Борьба между добром и злом проходит в каждом человеческом сердце. Всякий раз человек выбирает, какую сторону ему принять. И это — одна из важных идей романа» [Визель 2016]. Здесь почти точная цитата из романа «Братья Карамазовы»: «Тут дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей» [Достоевский 1958: 139].

Фамилию Гейгер (в переводе с немецкого — «скрипач») можно связать с повестью Достоевского «Неточка Незванова» [Стрельникова 2018а: 269].

Вторая часть «Авиатора» представляет собой дневниковые записи Платонова, Насти и Гейгера, часто на одну тему. Вначале автор указывает, кому принадлежит запись, но потом ссылки на авторство исчезают, однако по тексту можно догадаться, кому принадлежат те или иные слова. Таким образом, роман «Авиатор» структурируется под полифонический роман Достоевского, о котором писал М. Бахтин, которого, в свою очередь, читает Платонов [Водолазкин 2016: 296–297].

Наконец, обязательным атрибутом петербургского текста служат приметы городской топонимики. «Я узнаю этот шпиль и эту реку. <...> Я ведь любил Петербург бесконечно, — признается Платонов. — Возвращаясь из других мест, испытывал острое счастье. Его гармония противостояла в моих глазах хаосу. <...> Строгость. Вот мы с отцом и матерью — я в центре, они по бокам, держат меня за руки, идем по Театральной улице от Фонтанки к Александринскому театру, прямо посередине улицы. Сами — воплощение симметрии, если угодно — гармонии... отец говорит мне,

что расстояние между домами равно высоте домов и длина улицы десятикратно превышает высоту домов» [Водолазкин 2016: 31]. Признание в любви городу — своеобразный рефрен XX в. к классическим строкам поэмы Пушкина «Медный всадник». Сравнивая город начала и конца века, Платонов печально констатирует: «...недалеко от места, где стояла Знаменская церковь. Которой, к моему удивлению, больше нет. Есть метро: мир горный побежден миром подземным» [Водолазкин 2016: 214]. Эта фраза значит больше, чем конкретная ситуация, когда она произнесена. Это о времени, о России, о XX веке и, к сожалению, о будущем.

Авиатор — метафора способности подняться над временем и над собой, символ внутренней независимости человека: «Однажды в Сиверской я видел, как с плохо выкошенного поля взлетал аэроплан. <...> Мне кажется, что у людей состоявшихся есть особенность: они мало зависят от окружающих. Независимость... помогает достигать цели. <...> всё зависит лишь от умения летящего. От прекрасного в своем одиночестве авиатора». Платонов стал Авиатором во времени, перелетел почти 70 лет и попытался соединить две эпохи, очевидцем которых был. Он становится больше, чем *жизнеописатель*: пишет летопись русского XX в. Жанровые особенности летописи — *эпическое спокойствие, компактность, анфиладность, замкнутость* при «разомкнутости» «концовки» — использованы в тексте «Авиатора». Можно найти характерные особенности и других жанров древнерусской литературы: *хождения и жития*, а также слова — древнерусского красноречия, представляющего собой послание к потомкам. Роман имеет посвящение — *моей дочери*. Автор посвятил книгу человеку поколения XXI в. Ненавязчиво герой сопоставляет начало века и его конец; сравнение — не в пользу современности. Избранница Платонова Настя принадлежит к поколению, о котором автор скажет, что это «поколение юристов и экономистов. Только где же, спрашивается, мечта? Полет где?» [Водолазкин 2016: 226]. Платонов пишет для будущей дочери, чтобы рассказать о своем времени: «Может быть, именно слова окажутся той ниточкой, за которую когда-нибудь удастся вытащить всё, что было? Не только

со мной, — всё, что было вообще» [Водолазкин 2016: 26]. Вернувшийся с того света «имеет особые задачи. Лазарь четверодневный свидетельствовал о всемогуществе Господнем. О чем свидетельствую я? В конечном счете, о том же. Но помимо этого, вероятно, и о времени» [Водолазкин 2016: 287]. О своем времени, когда люди говорили и думали иначе.

Заключение

«Авиатор» — роман о том, как человек обретает свободу, лишь преодолев страх, о внутренней свободе, возможной в самых сложных обстоятельствах, о смелости покаяться и простить врагов своих.

Взгляд Платонова — это взгляд беспристрастного летописца, религиозный по сути. Здесь нет противоречия: «Разве аэропланы отменили смерть?» Немногословный в значительном, автор «многоречив в незначительном» согласно канону древнерусской летописи, но «именно в этих описаниях, казалось бы, случайных событий и скандывается его религиозный подъем над жизнью» [Лихачев 1979: 258].

Композиция романа подчинена принципу повтора: автор, подобно Авиатору, «кружит» над текстом, постоянно возвращаясь к уже упомянутому. Эти виражи позволяют сказать о том, что важно, не подвержено времени, остается в памяти человека, а что незначительно, должно забыться и исчезнуть.

Е. Г. Водолазкину удалось «взлететь» над ограниченностью словесного полотна, воспроизвести в слове атмосферу полета, наполнить текст воздухом. Стараясь быть объективным реставратором прошлого, Платонов возмущается: «Как можно тратить бесценные слова на телесериалы, на эти убогие шоу, на рекламу? Слова должны идти на описание жизни. На выражение того, что еще не выражено» [Водолазкин 2016: 341]. Он становится Авиатором слова: чтобы воспрепятствовать дальнейшим и неизбежным искажениям и мифологизации, необходимо, будучи очевидцем, запечатлеть свое время в слове: «Некоторые плачут, но лучше ведь писать» [Водолазкин 2016: 400].

Финал открыт. Смерти нет: читатель прощается с Авиатором в полете, продолжающим описывать мир, чтобы «спасти его от забвения».

ИСТОЧНИКИ

Водолазкин 2016 — Водолазкин Е. Г. *Авиатор*. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 410 с.

Достоевский 1957а — Достоевский Ф. М. *Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Преступление и наказание*. М.: Художественная литература, 1957. 599 с.

Достоевский 1957б — Достоевский Ф. М. *Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Идиот*. М.: Художественная литература, 1957. 736 с.

Достоевский 1958 — Достоевский Ф. М. *Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. Братья Карамазовы*. М.: Художественная литература, 1958. 635 с.

Достоевский 1985 — Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений: в 30 т. Изд-во АН СССР; Институт русской литературы (Пушкинский Дом)*. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. Письма, 1832–1859. 572 с.

Платонов 1988 — Платонов А. П. *Ювенильное море: повесть, роман*. М.: Современник, 1988. 560 с.

Пушкин 1959 — Пушкин А. С. *Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4*. М.: ГИХЛ, 1959.

ЛИТЕРАТУРА

Белов 1984 — Белов С. В. *Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий. Книга для учителя*. Лихачев Д. С. (ред.). М.: Просвещение, 1984. 240 с.

Берковский 1962 — Берковский Н. Я. *О русской литературе*. Сб. ст. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. 452 с.

Визель 2016 — Визель М. *Водолазкин Е. Г. Авиатор. Интервью*. Текст и интервью. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2016/04/05/aviator-vodolazkin-intervyu> (дата обращения: 16.11.2023).

Лихачев 1979 — Лихачев Д. С. *Поэтика древнерусской литературы*. М.: Наука, 1979. 360 с.

Малышев 2016 — Малышев В. *Евгений Водолазкин расскажет об «Авиаторе»*. URL: <https://spbnews.ru/news/2016-03-11/evgeniy-vodolazkin-rasskazhet-ob-aviatore-v-obnovlennoy-knizhnoy-lavke-pisateley> (дата обращения: 16.11.2023).

Миц, Безродный, Данилевский 1984 — Миц З. Г., Безродный М. В., Данилевский А. А. «Петербургский текст» и русский символизм. В сб.: *Семиотика города и городской культуры: учен. записки Тартус. гос. ун-та*. Вып. 664. Тарту, 1984. С. 78–92.

Стрельникова 2018а — Стрельникова Н. Д. Семантика антропонимов в романе Е. Водолазкина «Авиатор». В сб.: *Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей*. Мезенко А. М. и др. (сост.). Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2018. С. 266–271.

Стрельникова 2018б — Стрельникова Н. Д. А почему Платонов — авиатор? (О роли названия в романе Е. Водолаз-

кина «Авиатор». В кн.: *Русистика и современность*. Лысакова И. П. (ред.). СПб.: Северная звезда, 2018. С. 210–218.

Стрельникова 2019а — Стрельникова Н. Д. Роман Е. Водолазкина «Авиатор» и петербургские произведения Ф. М. Достоевского. В сб.: *Текст, контекст, интертекст. Сб. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф.: XV Виноградовские чтения (г. Москва, 3–5 марта 2018 г.): в 3 т. Т. 2: Русская литература. История. Междисциплинарные гуманитарные проблемы*. Райкова И. Н. (ред.). М.: Книгодел; МГПУ, 2019. С. 311–319.

Стрельникова 2019б — Стрельникова Н. Д. Пушкинские реминисценции в романе Е. Водолазкина «Авиатор». В сб.: *Русское слово в многоязычном мире: Мат-лы XIV Конгресса МАПРЯЛ (г. Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля — 3 мая 2019 г.)*. Боженкова Н. А., Вяткина С. В., Клушина Н. И. и др. (ред.). СПб.: МАПРЯЛ, 2019. С. 1952–1957.

Топоров 1973 — Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с историческими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание»). В сб.: *Structure of texts and semiotics of culture*. Hague; Paris, 1973.

Топоров 1995 — Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы. В кн.: Топоров В. Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического*. М.: Прогресс, 1995. С. 259–367.

REFERENCES

Белов 1984 — Belov S. V. *F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"*. Lihachev D. S. (ed.). Moscow: Prosveshchenie Publ., 1984. 240 p. (In Russian)

Берковский 1962 — Berkovskij N. Ja. *About Russian literature*. Moscow; Leningrad: Goslitizdat Publ., 1962. 452 p. (In Russian)

Визель 2016 — Vizel' M. *Vodolazkin E. G. Aviator. Interview*. Available at: <https://godliterary.ru/articles/2016/04/05/aviator-vodolazkin-intervyu> (accessed: 16.11.2023).

Лихачев 1979 — Lihachev D. S. *Poetics of Old Russian Literature*. Moscow: Nauka Publ., 1979. 360 p. (In Russian)

Малышев 2016 — Malyshev V. *Evgeniy Vodolazkin will talk about "Aviator"*. Available at: <https://spbndnevnik.ru/news/2016-03-11/evygeniy-vodolazkin-rasskazhet-ob-aviatore-v-obnovlennoy-knizhnoy-lavke-pisateley> (accessed: 16.11.2023). (In Russian)

Мицц Безродный, Данилевский 1984 — Mints Z. G., Bezrodnyi M. V., Danilevskii A. A. "Peterburg text" and Russian symbolism In: *Semiotika goroda i gorodskoi kul'tury: uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 664. P. 78–92. (In Russian)

Стрельникова 2018а — Strel'nikova N. D. Semantics of anthroponyms in E. Vodolazkin's novel "The Aviator". In: *Regional'naiia onomastika: problemy i perspektivy issledovaniia: sbornik nauchnykh statei*. Mezenko A. M. et al. (comp.). Vitebsk: VGU im. P. M. Masherova Publ., 2018. P. 266–271. (In Russian)

Стрельникова 2018б — Strel'nikova N. D. Why is Platonov an aviator? (On the role of the title in E. Vodolazkin's novel "The Aviator"). In: *Rusistika i sovremennost'*. Lysakova I. P. (ed.). St. Petersburg: Severnaia zvezda Publ., 2018. P. 210–218. (In Russian)

Стрельникова 2019а — Strel'nikova N. D. E. Vodolazkin's novel "The Aviator" and the St. Peterburg works of F. M. Dostoevsky. In: *Tekst, kontekst, intertekst. Sb. statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: XV Vinogradovskie chteniia (Moscow, March 3–5, 2018): in 3 vols. Vol. 2: Russkaia literatura. Istoriia. Mezhdistsiplinarnye gumanitarnye problemy*. Raikova I. N. (ed.). Moscow: Knigodel Publ.; MGPU, 2019. P. 311–319. (In Russian)

Стрельникова 2019б — Strel'nikova N. D. Pushkin reminiscences in E. Vodolazkin's novel "The Aviator". In: *Russkoe slovo v mnogoazychnom mire: Materialy XIV Kongressa MAPRiAL*. Bozhenkova N. A., Viatkina S. V., Klushina N. I. et al. (eds). St. Petersburg, 2019. P. 1952–1957. (In Russian)

Топоров 1973 — Toporov V. N. On the structure of Dostoevsky's novel in connection with historical patterns of mythological thinking ("Crime and Punishment"). In: *Structure of texts and semiotics of culture*. Hague; Paris, 1973. (In Russian)

Топоров 1995 — Toporov V. N. St. Peterburg and the St. Peterburg text of Russia literature. In: Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Образ: issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo*. Moscow: Progress Publ., 1995. P. 259–367. (In Russian)

О СВОЕОБРАЗИИ РЕАЛИЗАЦИИ СОБЫТИЙНОГО ТЕКСТА В «ЗАПИСКАХ» Н. А. МАРКЕВИЧА

SERGEI O. KURIANOV

ON THE PECULIARITY OF THE REALIZATION OF THE EVENT TEXT IN NIKOLAI A. MARKEVICH'S MEMOIRS

**Сергей Олегович
Курьянов**

доктор филологических наук, доцент

► so_k@inbox.ru

Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского,
Российская Федерация, 295007,
Симферополь, пр. Вернадского, 2

Sergei O. Kurianov

Doctor of Philology, Associate Professor

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
2, pr. Vernadskogo, Simferopol,
295007, Russian Federation

Автор статьи ставит своей целью показать, как в неопубликованных мемуарных записках Н. А. Маркевича создавались мифологизированные представления о русской литературе 1810–1820-х годов, формировавшие своеобразный событийный эпохальный сверхтекст литературного процесса этого времени. Во введении в краткой форме приводятся теоретические основы исследования. В частности, указывается на особенности такой формы событийного сверхтекста, как эпохальный текст. Цель написания статьи — показать, как в означенных мемуарных записках, и особенно в части, озаглавленной «Россия, Петербург, литература 1817–1820», формируется авторская мифология, как благодаря мастерству мемуариста происходит эмоциональное восприятие эпохи и исторических личностей. Для достижения поставленной цели использованы культурно-исторический, типологический, мифопоэтический и структуралистский методы литературоведения. «Записки» Н. А. Маркевича, как и любые мемуарные документы, являются уникальным свидетельством эпохи. Однако именно в этих «Записках» удастся не просто зафиксировать исторические и литературные события, но и придать им эмоциональный фон, который, несомненно, создает авторский миф об историческом времени; мемуарист не просто пишет об особенностях той или иной исторической личности, но нередко предлагает такой индивидуальный ракурс взгляда, который противоречит традиционным и устоявшимся оценкам. В статье отмечается, что мифологизации культурной и литературной обстановки рассматриваемой эпохи способствуют два повествовательных приема — апологетика и ирония. Показано, как записки Н. А. Маркевича концептуально, в запоминающихся константных мифологизированных формах воспроизводят представление о литературном процессе этой поры, то есть создают знаковые для воспринимающего сознания обозначения, которые, закрепившись в русской литературе, формируют эпохальный событийный текст русской литературы пушкинской эпохи.

Ключевые слова: сверхтекст, событийный текст, текст пушкинской эпохи, мифологизация, Николай Андреевич Маркевич, мемуарные записки.

This article aims to show how the unpublished memoirs of Nikolai A. Markevich created mythologized representations of Russian literature of the 1810–1820s, which formed a peculiar event epochal supertext of the literary process of that time. The introduction briefly presents the theoretical foundations of the study. In particular, it points out the peculiarities of such a form of event supertext as an epochal text. The aim of the article is to show how in Markevich's memoirs, and especially in the part entitled "Russia, Petersburg, Literature 1817–1820", the author's mythology is formed, how thanks to Markevich's skill as a memoirist an emotional perception of the epoch and historical personalities takes place. To achieve the set goal, the cultural-historical,

typological, mythopoetic and structuralist methods of literary studies are used. Markevich's "Notes", like any memoir documents, are a unique testimony of the epoch. However, it is in these "Notes" that the author manages not only to record historical and literary events, but also to give them an emotional background, which undoubtedly creates the author's myth about the historical time; he does not just write about the peculiarities of this or that historical personality, but often offers such an individual perspective that contradicts traditional and established assessments. The article notes that two narrative techniques — apologetics and irony — contribute to the mythologisation of the cultural and literary environment of the epoch considered by the memoirist. It is shown how the notes of Markevich conceptually in memorable constant mythologized forms reproduce the idea of the literary process of this period, that is, they create signs for the perceiving consciousness, which, having fixed in Russian literature, form the epochal event text of Russian literature of Pushkin's epoch.

Keywords: supertext, event text, Pushkin epoch text, mythologisation, Nikolai A. Markevich, memoir notes.

Введение

Ассоциативно-смысловой свертхтекст, об одном из вариантов которого пойдет речь в данной статье, строится, если быть кратким, на основе национально значимого концепта (всемирно, культурно и подобного значимого; чаще всего внелитературного происхождения) и существует в воспринимаящем сознании благодаря стремящимся к ядру данного свертхтекста неомифологическим образованиям — мифологемам (*константным мифологизированным представлениям*. — С. К.) и мифемам (*мифоконцептам*) (см.: [Свертхтекст... 2023: 9–15]). Ассоциативно-смысловой свертхтекст, как он понимается современной наукой [см.: Меднис 2003; Лошаков 2007; Курьянов, Иванова, Курьянова 2022; Свертхтекст... 2023; и др.], разнообразен. Основные его разновидности — именной, пространственный и событийный. В данной статье речь пойдет о последнем — событийном, наименее изученном типе свертхтекста. Причем необходимо заметить, что до недавнего времени под событийным текстом фактически понимался только свертхтекст, формируемый именно национально (всемирно, культурно) значимым событием, каковым, к примеру, являются Великая французская революция, Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война и др. (см., напр., об этом в статье: [Лошаков 2008]). Однако, как показали современные исследования, событийный

текст может иметь варианты. Это «казуальный (от лат. *casus* — происшествие, инцидент, событие) и эпохальный тексты». Причем если «казуальный текст — событийный свертхтекст, формирующийся благодаря... значимому историческому событию», то «эпохальный текст — событийный свертхтекст, строящийся на константных мифологизированных представлениях не одного большого события, а ряда небольших, но объединенных смысловой общностью. Центр (ядро) такого свертхтекста всегда есть концепт исторической эпохи, включающей в себя цепь исторических, культурных, бытовых, научных и т. п. событий, ее формирующих. Мифологемы эпохи формируют данный текст» [Курьянов, Иванова, Курьянова 2022].

Мемуарные записки Н. А. Маркевича, которые создавались в 1850-е годы, являясь собой яркий образец эпохального свертхтекста.

Состояние изучения вопроса.

Цель. Методы

«Записки» Н. А. Маркевича, поэта, историка Украины, этнографа и музыканта, о которых автору статьи уже приходилось писать (см., напр.: [Курьянов 2012; Курьянов 2020]), как и любые подобные мемуарные документы, являются уникальным свидетельством эпохи, которую характеризуют. Однако именно в этих «Записках» акцент делается не на исторических или литературных событиях, а на эмоциональном фоне, производимом данными событиями. Автор не столько пишет об особенностях той или иной исторической личности, сколько предлагает читателю индивидуальный взгляд на предмет, иногда противоречащий традиционным и устоявшимся оценкам.

О несомненной склонности Н. А. Маркевича к мифологизации уже говорилось, когда внимание обращалось на создание мемуаристом украинского текста в произведениях [Курьянов 2018а; Курьянов 2018б]. В мемуарных записках поддерживаются существующие и формируются авторские литературные мифы, что указывает на подспудное стремление к созданию своеобразного свертхтекста русской литературы описываемой и характеризующей им эпохи.

Цель статьи — показать, как в «Записках» Н. А. Маркевича формируется авторская мифология, как благодаря мастерству мемуариста происходит эмоциональное восприятие эпохи и исторических личностей, а также складывается событийный эпохальный свертхтекст.

При работе над данной проблемой применялись культурно-исторический и типологический методы литературоведения.

Обсуждение

«Записки» создавались Н. А. Маркевичем в 1850-е годы и не были завершены, видимо, в связи с его болезнью и смертью, которая последовала в 1860 г. Временной разрыв, таким образом, с описываемыми годами был существенный, что, несомненно, накладывало определенный отпечаток на утверждения автора. Правда, Маркевич неоднократно подчеркивает в тексте, что опирается на записи, сделанные в свое время по следам недавних событий. Именно по этой причине у мемуариста появляется та самая манера изложения, когда он с уверенностью пишет о спорных в трактовке и даже недостоверных событиях (свидетелем которых не был и знал о них по рассказам и слухам), что, конечно, связано со своеобразной временной аберрацией памяти. А удаленность нахождения мемуариста от людей, которые помогли бы восстановить утерянные элементы тех или иных событий, фактов и центров культуры (Маркевич с середины 1820-х годов жил в основном в своих малороссийских имениях), формировала платформу для мифологизации прошлого.

Мифологизировано было и время, и личности, значимые для этого исторического времени, чему способствовала прежде всего идейная позиция мемуариста, которая, будучи сформированной под влиянием умеренных декабристских идей, во многом была связана с трепетным отношением ко всему, что касалась его малой родины — Малороссии. Представители малороссийских семей, знакомых Н. А. Маркевичу, события, связанные с украинской землей, происходившие на ней, украинская история — все это существенным образом усложняет (а в некоторых случаях упрощает) в тексте «Записок» идейную позицию автора.

Попутно заметим, что под мифом, как и в других работах автора настоящего исследования [Курьянов 2019: 28–31], понимаются такие представления о действительности, которые в силу своего постоянства, перехода из одного произведения в другое, из суждения в суждение приобретают качество неизменного представления, то есть мифологизируются, становятся константными мифологизированными представлениями, выполняя в неомифе роль мифологем, свойственных традиционному мифу.

У Маркевича два основных способа мифологизации — *апологетика* и *ирония*. Выбор средств зависит от отношения к исторической персоне. При этом он опирается в основном на уже во многом сложившийся общественный авторитет (или отсутствие оно).

Утверждение значимости того или иного представителя писательского сообщества зависит у Маркевича как минимум от двух факторов: 1) общественного признания и 2) личного расположения мемуариста к рассматриваемой персоне, отношения к ее литературному наследию.

Первым в ряду по значимости стоит А. С. Пушкин, хотя о других литературных фигурах мемуарист тоже не забывает, говоря и о Г. Р. Державине, и о Н. М. Карамзине, но «Державина я уже не застал, в Петербург приехавши» (л. 56 об.)¹, поскольку это было в 1817 г., а певец Фелицы скончался в 1816-м; что же касается Карамзина, то «Карамзина не знал!» (л. 82) — пишет Маркевич. А Пушкин был рядом, близок и... велик уже с молодого возраста.

Г. Р. Державину Маркевич отдает дань, замечая, в частности, что «Державин непобедим и недостижим в описаниях битв, огнедышащих гор, водопадов» (л. 81), то есть велик, но велик так, как может быть велик деятель прошлой эпохи. Он и нужен во многом мемуаристу как олимпиец, передающий свой лавровый венок приходящему на смену победителю: когда лицеист Пушкин «читал в Царскосельском лицее стихотворение “Воспоминания в Царском Селе”, — дряхлый старик Державин одушевился.

*Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.*

И потом:

О скальд России вдохновенный и пр.

Эти стихи поразили наиболее Державина; он хотел Пушкина обнять, но его не нашли. Он бежал. Пушкин недописал анекдота в своих заметках; я слышал, что будто бы Державин сказал: “Вот кто займет мое место” (л. 57).

Конечно, такой взгляд не просто мифологизировал фигуру старшего и уже почившего поэта, но делал ее безусловно великой — памятником эпохи.

К Карамзину было несколько иное отношение. Историк был еще жив и полон сил, «продолжал писать свою *Историю*, оканчивал IX и X томы» (л. 82). Он еще питал своей творческой энергией читательские ожидания, закат его жизненного и творческого пути угадывался, но не имел той завершенности, что у Державина. К тому же он был свой, понятный, из его произведений произрастал корень современной Маркевичу литературы. Великий историк-поэт становится тем образцом, с которым невольно сравниваются иные писатели: «Что значит, однако же, Карамзин как прозаик в сравнении с другими. *Письма русского путешественника* и теперь читаются с наслаждением; весьма немного теперь иначе говорится и пишется; а между тем они писаны 25 лет раньше писем Глинкиных, которые устарели» (л. 76), — пишет мемуарист, имея в виду «*Письма русского офицера*» Ф. Н. Глинки. Или: прозу К. Н. Батюшкова «после карамзинской в то время считал я лучшею» (л. 79 об.).

А. С. Пушкин в представлении Маркевича, опираясь на литературное наследие Карамзина, быстро равняется со старшим литературным собратом и перерастает его: с одной стороны, ранние произведения молодого Пушкина были «подражания отечественным и французским поэтам...», «“Бова” напоминает карамзинского *Илью Муромца*» (л. 57), а с другой стороны, «помню, как мне нравилось его *Послание к Жуковскому*, начинающееся словами: “Благослови, Поэт!” В нем он говорит о Карамзине:

*Сокрытого в веках священный судия,
Страж верный прошлых лет, наперсник муз любимый,
И бледной зависти предмет неколебимый»* (л. 58 об.).

В этом последнем примере — оценка деяний равного равным. Причем непосредственно у Пушкина такого уравнивания нет, поскольку цитата неполная и фраза у поэта завершается словами: «Приветливым меня вниманьем ободрил» [Пушкин 1937: 194], — он склоняется перед Карамзиным, делая его великим безусловно. У Маркевича же мифологизация личностей строится на сравнении двух великих, поэтому он усекает цитату, чтобы уравнивать их. Пушкин смотрит в прошлое, а Маркевич уже знает будущее (напомним, что время написания «Записок» — 1850-е годы). И оценка Пушкиным Карамзина в его сознании — достойная (может быть, несколько преувеличенная) оценка великого деятеля русской культуры не менее, а, вероятно, более великим современником.

Официальное знакомство Маркевича с А. С. Пушкиным состоялось благодаря В. К. Кюхельбекеру, преподававшему в пансионе русскую словесность. На уроке географии у К. И. Арсеньева к карте был вызван соученик Маркевича — некий Шмидт, очень забавно для товарищей искавший экватор в районе Северного полюса, а Париж в Южной Америке. Маркевич, который, по его собственному свидетельству, до того времени ни разу не брался за стихи, неожиданно для самого себя сложил эпиграмму:

*Того, что в мире Бог создал,
Наи Шмидт на месте не оставил:
Экватор к полюсу послал,
Париж в Америку отправил* (л. 21).

Эпиграмма попала в руки Арсеньева. Оценив стихи, профессор географии передал листок с ними Кюхельбекеру, с которым столкнулся в дверях во время перемены. Последний был восхищен поэтической ловкостью воспитанника и пригласил его к себе вечером на бельведер, где квартировал. Там и состоялось личное знакомство с А. С. Пушкиным. У Кюхельбекера тогда «были А. Пушкин, Дельвиг, Баратынский и Пущин. “Господа! <— обратился к присутствующим хозяин. —> Рекомендую вам г<осподи>на Маркевича, ему 13 лет; он не знаком с метрикой, но написал вот эти стихи; не угодно ли почитать?” — Пушкин

несколько раз прочитал их и сказал: — О боги! Господин Маркевич, примите меня в число друзей». В мягкой ироничности пушкинской фразы вряд ли приходится сомневаться, но вот понял ли это начинающий поэт? Вряд ли. Как пишет сам мемуарист, «это разнеслось по пансиону, и не только товарищи, учителя глядели на меня, как на кита» (л. 21 об.).

Не осталась незамеченной для Пушкина и первая публикация Маркевича — стихотворение «Гроб», писаное гекзаметрами. Несмотря на положительные отклики Жуковского, Ф. Глинки, Баратынского, Пушкин старался аккуратно направить начинающего поэта по тому пути, который сам считал единственно верным: «Пушкин, сидя возле меня на классной скамье, советовал писать стихи с рифмами, “не отнимая у публики одного из наслаждений, к которому привыкла она”, — это подлинные его слова» (л. 21 об. — 22). Урок не прошел даром: более к гекзаметрам молодой поэт не прибегал.

Тесным было, по словам мемуариста, общение с Пушкиным с 1 по 20 февраля 1820 г., в период «свободы» после пансиона («бывал почти ежедневно»), хотя и ранее заходил иногда, «тайком ускользнув во время классов пения» (л. 4).

В феврале 1820-го Пушкин болел, «никуда не выезжал, обрабатывал пятую песнь *Руслана и Людмилы*, дописывал шестую», ждал решения вопроса о ссылке. Ходили слухи, что это будет охваченная революцией Испания. «Меня венчанный солдат хочет кинуть в омут революции, где, думает он, я шею себе сверну, — говорил мне Пушкин. — Но он крепко ошибается: я сверну шею Фердинанду, научусь по-испански и стану испанцем в душе» (л. 4–4 об.).

Эти слова, впервые опубликованные Е. М. Косачевской [Косачевская 1987: 204], вызвали сомнения у пушкинистов. Что справедливо: фраза, вложенная Маркевичем в уста Пушкина, явно получила поэтическую корректировку мемуариста. Но дух фразы, где «испанец» синоним революционера, думается, вполне соответствует задиристому и вспыльчивому характеру молодого Поэта.

О близости в этот период взглядов Маркевича свободолобивым взглядам Пушкина говорит

тот факт, что, уезжая в Малороссию, начинающий поэт получил в подарок от своего старшего приятеля «на память несколько пьес в стихах», среди которых были и подцензурные. Часть их в дальнейшем была утеряна, остальные он хранит до конца жизни (см.: л. 4 об.).

После этого встречи с Пушкиным прервались почти на десятилетие и были возобновлены в 1829 г., во время пребывания Маркевича в Москве. Однако сведения о них настолько скудны, что реконструкции поддается очень немного.

Маркевич находился в Москве в связи с изданием своих поэтических сборников «Стихотворения эротические», «Еврейские мелодии» и глав из переводимого им байроновского «Дон Жуана». В это время приятельская связь с Пушкиным продолжилась. Пушкин познакомил его с дядей, Василием Львовичем, рассказал о своей любви к Н. Н. Гончаровой. На квартире у Пушкина произошло кратковременное знакомство с Адамом Мицкевичем, не прошедшее для молодого поэта даром: полный текст прозаического перевода поэмы «*Dziady*», сделанный Маркевичем, хранится в отделе рукописей ИРЛИ РАН (Санкт-Петербург) [Маркевич 1829]. Но каковым был характер бесед с Пушкиным о поэзии, сказать трудно. Достоверно известно лишь, что Пушкин познакомился с переведенными главами из «Дон Жуана» и сделал ряд замечаний. О содержании их сведений нет [Маркевич 1853: л. 27–28 об.].

После 1829 г. Маркевич с Пушкиным, видимо, не встречался, несмотря на то что в 1831 г. он вновь посетил Москву в связи с изданием «Украинских мелодий». В переписке они не состояли.

Е. М. Косачевская утверждала, что во время пребывания Маркевича в древней столице в 1829 г. Пушкин, без сомнения, познакомился с текстом неопубликованной поэмы «Димитрий Донской», написанной Маркевичем в 1827–1828 гг. [Косачевская 1987: 69]. Это предположение, не более. Хотя идейные мотивы поэмы близки декабристской и пушкинской поэзии, хотя оценка деятельности Николая I, звучащая в поэме, близка пушкинским «Стансам» и «К друзьям», надо учитывать, что любое (даже незначительное) замечание Пушкина, который, несомненно, был для Маркевича

кумиром, запоминалось молодым поэтом на всю жизнь и, вероятно, даже скрупулезно записывалось. Но таких воспоминаний не сохранилось.

Любопытно, что Маркевич, несколькими фразами дававший вполне емкий и живой портрет других персонажей своих записок, во все не стремится нарисовать портрет Пушкина. И здесь может быть как минимум два объяснения. Во-первых, облик Пушкина к середине 1850-х годов всей грамотной России был уже хорошо известен, определенным образом мифологизирован и не требовал описаний, к тому же каждый читатель уже имел собственное эмоциональное восприятие поэта, и вмешиваться в его индивидуальное представление было бы некорректно. Мемуарист это интуитивно чувствовал и не навязывал свои суждения.

Во-вторых (это, думается, главное), традиционная для записок манера легкой иронии (а в необходимых местах и сарказма) по отношению к Пушкину была неприменима: для Маркевича его старший приятель был и в литературе, и в жизни непререкаемым авторитетом. И все-таки он, рассказывая о Кюхельбекере, случайно оставил уникальное свидетельство о том, как Пушкин читал свои стихи — «выл и обозначал голосом ударения и цезуру» (л. 65).

Замечания Маркевича о стихах молодого Пушкина в дневниках и на отдельных листках, относящиеся к концу 1810-х, во многом объясняют растущую популярность будущего гения: «...в то время пушкинский стих был так нов, так блестящ, так пленителен, что все вылившееся из-под пера его нас восхищало» (л. 57 об.). Маркевич воспроизводил картину общей завороченности талантом великого поэта в конце 1810-х — начале 1820-х годов: «Будуары, Марьяна Роща, общая застольная в ресторации, место свидания с любовницей, плац в ожидании генерала, приехавшего делать смотр, — везде раздавались стихи Пушкина. Журналы, где он их помещал, расходились до последнего экземпляра. Наконец, ему платили по золотому от стиха, и нередко он проигрывал в штосс свои строки как чистые деньги. Прибавим к этому его пылкий, довольно необузданный, но благородный, любящий нрав; его находчивость, остроумие,

безбоязненность. Он был сам — поэзия» (л. 58 об. — 59).

Большую симпатию у Маркевича вызывали и фрондерские выходки Пушкина, вести о которых доходили до него в форме распространенных анекдотов: мифологизация пушкинской личности происходила уже в конце 1810-х годов. Пример — рассказ о том, как Пушкин «побился об заклад, что рано утром, в Царском Селе, он выйдет перед дворец, станет раком и подымет рубашку. Он был тогда еще лицеистом и выиграл заклад. Несколько часов спустя его зовут к вдовствующей императрице. Она сидела у окна, видела всю проделку, вымыла ему голову порядочно, но никому о том не сказала» (л. 59).

Вольномыслие Пушкина подчеркивается еще и таким анекдотом: «Его ждали в театре на балет *Гензи и Тао*²; для него товарищи взяли билет; кресло пустое оставалось, он был в Царском. В антракт после 1-го действия входит он. Его спрашивают, чего он опоздал. “Ах, какой там был дивный случай!” — “Что такое?” — “Царский медведь сорвался с цепи, поймал царя и чуть не задушил. Отняли!” — “Что ж с медведем?” — “Что! Разумеется, убили. В России и медведю умному не позволяют жить”» (л. 59 об.).

Злое остроумие Поэта, его юношески-категорическое неприятие чиновного и сословного превосходства показывается Маркевичем в таком эпизоде: «Пушкин шикал какой-то актрисе. Сидящий возле него генерал, влюбленный, вероятно, в актрису, генеральски-повелительно сказал ему: “Перестаньте”. Пушкин продолжал шикавать; генерал взглянул на него пристально и сказал: “Дурак!” — “Послушайте, — отвечал Пушкин, — если б публика не приняла оплеухи за аплодисмент этой дуре, я б вам дал оплеуху”. Хохот всеобщий. “Кто вы такой?” — закричало разъяренное превосходительство. “Я — Александр Пушкин”, — кротко улыбаясь, отвечал поэт» (л. 60 об.). И еще: «Был у графини Мусиной-Пушкиной бал, куда и Пушкин был приглашен. Загулявшись в Кронштадте, он приехал, когда бал был в полном разгаре, и приехал подгулявши. Графиня, знаменитая гордостью, увидя его, громко крикнула: “Monsieur Pouchkine!” — он не услышал. Она повторила

громче. Он опять не услышал; она подошла к нему, хлопнула рукой по плечу и громко спросила: «Не двоит ли у вас в глазах?» Едва улыбка общего одобрения явилась на лицах графининых низкопоклонников, как ответ Пушкина огорошил всех. «Нет-с; рябит!» — отвечал поэт. А графиня была рябая от оспы» (л. 60 об. — 61).

Многие литературные пристрастия Маркевича сформировались благодаря влиянию и вкусам В. К. Кюхельбекера: «Кюхельбекер был превосходнейший ценитель литературных произведений. Это была школа очищенного вкуса» (л. 64 об.). Вместе с тем это была еще и школа свободолюбия и гражданственности: «Однажды он вне себя прибежал с *Опытом теории о налогах* <Н. И.> Тургенева. На нем было назначение: “в пользу крестьян, содержащихся в тюрьмах за недоимки”. Замечательно, что это очень понравилось государю, Тургенев был осыпан наградами. Вдруг государь опомнился, что это вовсе не похвала его администрации; он запретил книгу, потом позволил второе издание, но с пропусками» (л. 23). О влиянии свободолюбивых идей Кюхельбекера на Маркевича говорит факт созвучия у них оценок исторических лиц и событий (л. 62).

Но в то же время Маркевич вполне отдавал себе отчет об уровне поэтического дарования старшего приятеля, об особенностях его поведения и мировосприятия, поэтому образ Кюхельбекера у него, в отличие от пушкинского образа, демиургического и героического, приобретает черты комические. Собственно, авторский миф о Кюхельбекере формируется у мемуариста из соединения восхищения и уважения к нему с комичностью и нелепостью его фигуры и как человека, и как поэта. «Писал, — утверждает Маркевич, — очень посредственно; Пушкин любил его, был дружен с ним, но не любил его стихов... Нельзя, однако ж, сказать, чтоб стихи Кюхельбекера были совершенно бездарны; но постоянно элегическое, мрачное направление, наконец, так надоело, что Пушкин... назвал подобное вдохновение “и кюхельбекерно, и тошно”» (л. 64 об. — 65). «Кюхельбекерное» звучание стихов старшего поэта младший объяснял их «водянистостью» и «довольно немецкой» сутью (л. 4, 4 об.).

Мифологизация личности Кюхельбекера достигается вполне в тот момент, когда Маркевич приводит слышанный некогда анекдот, в разных вариантах известный историкам литературы: «При всей дружбе к нему Пушкин очень часто выводил его из терпения; однажды до того ему надоело, что вызван был на дуэль. Они явились на Волково Поле и затеяли стреляться в каком-то недостроенном фамильном склепе. Пушкин очень не хотел этой глупой дуэли. Но отказаться было нельзя. Дельви́г был секундантом Кюхельбекера. Решили, что Пушкин будет стрелять после. Когда Кюхельбекер начал целиться, Пушкин закричал: “Дельви́г! Стань на мое место, здесь безопаснее”. Кюхельбекер взбесился, рука дрогнула, он сделал пол-оборота и пробил фуражку на голове Дельви́га. “Послушай, товарищ, — сказал Пушкин, — без лести, ты стоишь дружбы; без эпиграммы, пороку не стоишь”. И бросил пистолет» (л. 22 об.).

По иному принципу мифологизируются мемуаристом литераторы, с которыми у него были приятельские отношения, но которых близко не знал: в таком случае делается акцент на отдельные запоминающиеся черты внешности, врезавшиеся в память факты творчества.

Так, А. А. Дельви́га, несмотря на общение с ним, в основном оценивал через поэзию: «Дельви́г необыкновенно владел стихом. В нем я не помню плохого стиха. Все же он нам нравился менее своих товарищей. Род поэзии, им избранный, был не по нас: подделка под русскую простонародную песню, пастушеское направление других, слепки с древней антологии, — все это как-то мало говорило нашим сердцам» (л. 61).

В поэзии В. А. Жуковского главное для мемуариста и самое притягательное — особенность мировоззренческой позиции: «...убеждения Жуковского в действительности и естественности любви неземной — высокие, утешительные, ведущие к добродетели убеждения. Если это и заблуждения, то благо тому, у кого позже с глаз упадет эта ароматная, разноцветная завеса». Слова его произведений «не менее евангельских утешительные для того, кто расстался навеки с любимым существом... Как глубока, утешительна и дивно выражена его философия...» (л. 80–80 об.).

На наследие К. Н. Батюшкова смотрел исключительно в сравнении с наследием В. А. Жуковско-го: «Предпочитатели Батюшкова до того пленились его сладкозвучием, что все остальное забыли. Он далеко не произвел того влияния на русское слово и далеко не так глубок в чувствах и выражениях, как Жуковский. Да и впечатление, производимое Жуковским на своих читателей, несравненно благотворнее. Батюшков — прелестный поэт-эпикурец, поэт, взявший себе за *vade mecum* Монтеня, за образец слога Тасса и Ариоста, за направление в поэзии направление Мильвуа и Парни. Не с этой точки смотрел на жизнь и на поэзию Жуковский» (л. 78 об.).

Говоря о князе П. А. Вяземском и отмечая, что «ему все удавалось: ода, стансы, песня, посланье, сатира, эпиграмма, — все хорошо под его пером», Маркевич тем не менее сосредоточивается на остроте его пера, нацеленного на недостатки русской литературной жизни и на литературных противников. Поэтому мемуарист утверждает, что «кн<язь> Петр Андреевич Вяземский сказал: *“В Отечестве моем, в стране моей родной / Журналов множество, а книги ни одной”*». Однако это неточная цитата из «Послания к князю С. Н. Долгорукову» Д. П. Горчакова. Вяземскому же Маркевич приписывает едкую эпиграмму о «Вестнике Европы» («*Вестник Европы / Полезен для ума, а более для ж...*»), хотя авторство этой эпиграммы до сих пор не установлено и в несколько ином варианте она приписывается А. С. Пушкину. Большое место в мемуарных записках уделено «Посланию к М. Т. Каченовскому» с преамбулой: «Но тяжел был князь Вяземский для таких негодяев, как Каченовский. Достойна примечания его фарса с этим мерзавцем; это его послание...» (л. 73 об.). Все это воссоздает облик старшего поэта как в первую очередь сатирика и острослова, что точно подмечено. Но заслуги поэта Вяземского перед русской литературой этим не исчерпываются.

Резко отрицательное, а порой насмешливое или даже издевательски саркастическое отношение было у Маркевича к писателям антикарамзинского, антипушкинского круга, а также к литераторам слабым или запятнавшим себя связью с Третьим отделением.

А. А. Шаховского, пишет Маркевич, «мы не любили, вражда его с Озеровым, нападки на Карамзина сделали его для нас противным... “Новый Стерн” его есть бессильная попытка ничтожества осмеять талант... Его комедии плоски, сухи, вялы, наполнены дрянными стихами, а были в ходу потому только, что князь Шаховской был поддерживаем аристократиею, а еще более потому, что “на безрыбье и рак рыба”». Как представляется, не последнюю роль в формировании отношения Маркевича к Шаховскому сыграла комедия последнего «Казак-стихотворец». С большим трепетом относясь ко всему, что связано с Украиной, Маркевич не мог принять вольную трактовку в изображении украинской жизни: «Не зная языка, писать на нем стихи может только безмозглый шалоброд. ...я утверждаю без обиняков: или самонадеянная, гордая, публики не уважающая скотина, или безмозглый дурак может писать, печатать и отдавать на сцену такие свинства» (л. 70 об. — 71 об.).

А. С. Шишкова и Д. И. Хвостова Маркевич называет «поэтами-горемыками». Непопулярность Шишкова среди представителей своего поколения видит в «славянофильстве, устарелости, коснегии» (л. 77 об.). А в словах о Хвостове звучит неприкрытая едкая ирония. Поэт воспринимается мемуаристом вполне в рамках традиции — как литературный казус: «...он писал, печатал и потом, за неимением посторонних покупателей, сам покупал свои стихи.

*Чтоб не смять уса лихого,
Ты к ночи одою Хвостова
Его тихонько обернешь... —*

говорит Пушкин гусару; и Хвостова стихи были целью всех поэтов для остроумничанья. Графов, Свистов, все это значило — Хвостов. А граф покойно шел своею дорогою, и в глубокой старости, и перед самою смертью продолжал писать, печатать и покупать свои сочинения; никогда не гневался на насмешки; никогда не унижался, чтоб отвечать; угощал гостеприимно своих соперников-писателей и все писал, писал. Это была психологическая задача; у графа была так душа устроенная, что ему нельзя было не писать; или уж тело

так было устроено, что подвигало на глупости душу разумную. Должно спросить у мистиков, — не мог не бросить колкости Маркевич, — кто виноват в стихотворениях графа Хвостова: тело или душа...» (л. 77 об. — 78).

Истинным негодованием проникнуты строки мемуариста о М. Т. Каченовском, «который грыз землю под Карамзиным, Жуковским, Вяземским, Пушкиным; который приветствовал каждый талант остервененным лаем. Этот мерзавец довел свою зависть дарованиям до того, что наконец его критики стали походить на доносы». И не довольствуясь общими замечаниями, Маркевич добавляет конкретики — негативных моментов, связанных с Каченовским, что, собственно, и мифологизирует атмосферу, создаваемую им самим и вокруг него: «Каченовский изгонял из русской азбуки э и и, давал гражданство *ижице*, его делали смешным; он преследовал мнения несколько свободные, его делали гадким. Вывели наружу, как при Павле был он под судом за то, что крал казенный порох и торговал этою контрабандою. Довели его до того, что он жаловался на Полевого как на журналиста и на Сергея Глинку как на цензора; но тех оправдали: “Но цензор прав, нам смех, Зоилу нос”» (л. 82 об. — 83).

Кратко, но в то же время емко и со значимыми подробностями пишет Маркевич о В. Л. Пушкине, Е. А. Баратынском, А. Е. Измайлове, Н. Е. Хмельницком, Ф. Н. Глинке и других близких ему по духу литераторах, в ироническом ключе характеризует тех, кто был ему неблизок и неприятен — В. И. Панаева, К. П. Массальского, В. С. Филимонова и др.; насмешливо пишет о театре конца 1810-х годов, создавая эмоционально насыщенную широкую картину литературы и культуры этой эпохи.

Итоги

Поскольку рассматриваемый литературный период для русского национального сознания имеет большое значение, Н. А. Маркевич, по сути, обращается к национально значимому культурному явлению, которое можно определить как «литературная эпоха пушкинского времени». Мифологизируя облик А. С. Пушкина и его окружения,

его друзей и литературных недругов, мемуарист формирует в воспринимающем сознании особый, во многом нестандартный, но в то же время живой образ литературной эпохи, благодаря которому историческое время приобретает запоминающиеся черты и воспринимается уже через призму взгляда пишущего. А само литературное движение, мифологизируясь, приобретает характер свертхтекстового явления — *событийного эпохального свертхтекста* русской литературы конца 1810–1820-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее в круглых скобках даются ссылки на «Записки» Н. А. Маркевича [Маркевич 1820].

² «Хензи и Тао, или Красавица и чудовище» — балет в 4 актах на музыку Ф. Антониони. Постановка Ш. Дидло.

ИСТОЧНИКИ

Маркевич 1820 — Маркевич Н. А. *Записки Н. А. Маркевича: 1817–1820 г.* Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 488. Оп. 1. Д. 82.

Маркевич 1829 — Маркевич Н. А. *Перевод поэмы А. Мицкевича «Dziady»*. РО ИРЛИ. Ф. 488. Оп. 1. Д. 27.

Маркевич 1853 — Маркевич Н. А. *Журнал, записки и воспоминания [1845–1853]*. РО ИРЛИ. Ф. 488. Оп. 1. Д. 37.

Пушкин 1937 — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. Лицейские стихотворения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 531 с.

ЛИТЕРАТУРА

Косачевская 1987 — Косачевская Е. М. *Н. А. Маркевич, 1804–1860*. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987. 286 с.

Курьянов 2012 — Курьянов С. О. «...Тайны литературные тех лет...»: Н. А. Маркевич-мемуарист о литераторах-современниках. В сб.: *Вестник Крымских литературных чтений*: Сб. науч. ст. и мат-лов. Симферополь: Крымский Архив, 2012, (8). С. 311–325.

Курьянов 2018а — Курьянов С. О. О русско-украинских литературных связях и об украинском тексте в русской литературе. В сб.: *Крымский гуманитарный вестник: сборник научных статей*. Рудяков А. Н. (ред.). Симферополь: ИП Минакир И. Л., 2018. С. 40–47.

Курьянов 2018б — Курьянов С. О. Роль «Украинских мелодий» Н. А. Маркевича в формировании украинского текста в русской литературе. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. 2018, (3). С. 14–35.

Курьянов 2019 — Курьянов С. О. *Тайный ключ русской литературы: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков*. М.: Инфра-М, 2019. 312 с.

Курьянов 2020 — Курьянов С. О. О мемуарных записках Н. А. Маркевича. В сб.: *Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении: тезисы докладов участников международной научной конференции*. Богданович Г. Ю. (ред.). Симферополь: Крымский фед. ун-т имени В. И. Вернадского, 2020. С. 189–191.

Курьянов, Иванова, Курьянова 2022 — Курьянов С. О., Иванова Н. П., Курьянова В. В. Актуальные вопросы теории сверткста: литературоведческий аспект. Ассоциативно-смысловый сверткст. *Litera*. 2022, (11): 124–136.

Лошаков 2007 — Лошаков А. Г. *Сверткст как словесно-концептуальный феномен*. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. 344 с.

Лошаков 2008 — Лошаков А. Г. Сверткст: проблема целостности, принципы моделирования. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2008, (11/66): 100–109.

Меднис 2003 — Меднис Н. Е. *Свертксты в русской литературе*. Т. И. Печерская (ред.). Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2003. 170 с.

Сверткст... 2023 — *Сверткст: генезис, структура, семантика*. Курьянов С. О. (ред.). М.: Директ-Медиа, 2023. 224 с.

REFERENCES

- Косачевская 1987 — Kosachevskaja E. M. *N. A. Markevich, 1804–1860*. Leningrad: Izdatel'stvo LGU Press, 1987. 286 p. (In Russian)
- Курьянов 2012 — Kurianov S. O. "...Secrets literary of those years...": N. A. Markevich-memoirist about contemporary writers. In: *Vestnik krymskikh literaturnykh chtenii*. Simferopol: Krymskii arkhiv Publ., 2012, (8). P. 311–325. (In Russian)
- Курьянов 2018a — Kurianov S. O. About the Russian-Ukrainian literary relations and on the Ukrainian text in Russian literature. *Krymskii gumanitarnyi vestnik: sbornik nauchnykh statei*. Simferopol: IP Minakir I. L. Publ., 2018. P. 40–47. (In Russian)
- Курьянов 2018b — Kurianov S. O. The role of "Ukrainian melodies" by N. A. Markevich in the formation of the Ukrainian text in Russian literature. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. 2018, (3). P. 14–35. (In Russian)
- Курьянов 2019 — Kurianov S. O. *The secret key of Russian literature: The formation and becoming of the Crimean text in Russian literature of the 10th–19th centuries*. Moscow: Infra-M Publ., 2019. 312 p. (In Russian)
- Курьянов 2020 — Kurianov S. O. About memoirs notes of N. A. Markevich. In: *Mezhkul'turnye kommunikatsii: russkii iazyk v sovremennom izmerenii: tezisy dokladov uchastnikov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Simferopol: Izdatel'stvo Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Publ., 2020. P. 189–191. (In Russian)
- Курьянов, Иванова, Курьянова 2022 — Kuryanov S. O., Ivanova N. P., Kuryanova V. V. Current issues in the theory of supertext: Literary aspect. Associative-semantic supertext. *Litera*. 2022, (11): 124–136. (In Russian)
- Лошаков 2007 — Loshakov A. G. *Supertext as a verbal-conceptual phenomenon*. Arkhangel'sk: Izdatel'stvo Pomorskogo universiteta Publ., 2007. 344 p. (In Russian)
- Лошаков 2008 — Loshakov A. G. Supertext: The problem of integrity, principles of modeling. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*. 2008, (11/66): 100–109. (In Russian)
- Меднис 2003 — Mednis N. E. *Supertexts in Russian literature*. T. I. Pecherskaya (ed.). Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Publ., 2003. 170 p. (In Russian)
- Сверткст... 2023 — *Supertext: Genesis, structure, semantics*. Kuryanov S. O. (ed.). Moscow: Direkt-Media Publ., 2023. 224 p. (In Russian)

ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ: ЛИТЕРАТУРА И ФОТОГРАФИЯ (ФЕНОМЕН ФОТОГРАФИИ В РОМАНЕ М. М. СТЕПАНОВОЙ «ПАМЯТИ ПАМЯТИ. РОМАНС»)

WANG ZIXUAN

INTERMEDIAL CONNECTIONS: LITERATURE AND PHOTOGRAPHY (THE PHENOMENON OF PHOTOGRAPHY
IN THE NOVEL "IN MEMORY OF MEMORY. ROMANCE" BY MARIA M. STEPANOVA)

Визуальные медиа (включая фотографию), преобразованные в текстовую форму, все чаще переплетаются с документальной литературой. Примером такого переплетения стал философско-документальный роман М. М. Степановой «Памяти памяти. Романс» (2017). Статья посвящена анализу феномена фотографии в данном произведении, в котором фотографические изображения получают вербальное описание (т. е. происходит текстуализация фотографии). Подобный тип текста определяется и как экфрасис (Н. В. Брагинская, Дж. Хеффернан (J. Heffernan), А. Банэа (A. Banea) и др.), и как метафотографический текст (М. Хирш (M. Hirsch)). Для анализа применяются герменевтический, типологический, культурно-исторический методы исследования, а также метод анализа и синтеза. Теоретической основой работы являются концепция постпамяти М. Хирш, концепция места памяти П. Нора, теория фотографии С. Сонга и понятие *punctum* Р. Барта (R. Barthes). Новизна подхода заключается в анализе феномена фотографии в аспекте текстуализации фотографического изображения. Автор статьи приходит к выводу, что данный способ представления текста имеет свои достоинства и недостатки. Достоинства заключаются в том, что текстуализация фотографии обеспечивает соблюдение законов пространства-времени и дает представление о контексте фотографий. Главный недостаток коренится в субъективности авторского описания и, как следствие, его односторонности. Представляется, что эстетическая специфика спонтанной и постановочной фотографии проявляется и в вербальном описании. Метафотографический текст, как и фотография, играет важную роль в фиксации и передаче памяти и постпамяти.

Ключевые слова: Мария Михайловна Степанова, «Памяти памяти», текстуализация фотографии, память, постпамять.

Ван Цзысюань

аспирант

► st112874@student.spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный
университет,
Российская Федерация, 199034,
Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7–9

Wang Zixuan

Postgraduate Student

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russian Federation

The author argues that visual media, including photography, converted into textual form, are increasingly intertwined with non-fiction. Among the examples is the philosophical and documentary novel by Maria M. Stepanova "In Memory of Memory. Romance" (2017). The article is devoted to the analysis of the phenomenon of photography in the novel "In Memory of Memory", in which photographic images receive a verbal description (i. e. the textualization of photography). This type of text is defined both as ekphrasis (Nina V. Braginskaya, James Heffernan, Alina Banea, etc.) and meta-photographic text (Marianne Hirsch). For analysis, hermeneutic, typological, cultural and historical research methods, as well as the method of analysis and synthesis, are used. The theoretical basis of the article is the concept of postmemory by M. Hirsch, the concept of places of memory by Pierre Nora, the theory of photography by Susan Sontag and the concept of "punctum" by Roland Barthes. The novelty of the approach

lies in the analysis of the phenomenon of photography in the novel in the aspect of textualization of the photographic image. The author comes to the conclusion that textual presentation has its advantages and disadvantages. The advantages are that textualization of the photographic image ensures compliance with the laws of space-time and gives an idea of the context of photographs. The main drawback is rooted in the subjectivity of the author's description and, as a consequence, its one-sidedness. It seems that the aesthetic specificity of spontaneous and staged photography is manifested in their verbal description. Thus, meta-photographic text, like photography, plays an important role in the recording and transmission of memory and postmemory.

Keywords: Maria M. Stepanova, "In Memory of Memory", textualization of the photographic image, memory, postmemory.

Введение

Роман-эссе Марии Михайловны Степановой «Памяти памяти. Романс» (2017) — одно из ключевых произведений русской литературы начала XXI в., за которое писательница удостоилась важных литературных премий — «Большая книга» (2018) и «Нос» (2018). В 2021 г. роман вошел в шорт-лист Международной Букеровской премии.

Книга представляет собой философско-документальное произведение, посвященное природе памяти, затрагивающее как индивидуальные, так и коллективные ее аспекты, а также вопросы идентификации и внимания к своему прошлому. Во-первых, здесь присутствуют размышления о семейной памяти, которая раскрывается через основную тему — поиск автором своих еврейско-русских корней и представление неудачных попыток уйти от следов прошлого. Во-вторых, писательница поднимает вопрос исторической памяти, сопряженной с повествованием о судьбе и страданиях еврейского народа.

Одним из внешних носителей памяти считается фотография, которая, с одной стороны, как документ несовершенна и глубоко сомнительна уже в момент возникновения [Хирш 2021: 119], с другой стороны, может работать как сильная «точка памяти» и становится инструментом и символом процесса передачи прошлого [Хирш 2021: 104]. Сьюзен Сонтаг (Susan Sontag) считала фотографию «способом арестовать действительность, представляющуюся непокорной и недоступной, остановить ее» [Сонтаг 2013: 213], полагая, что

«фото — это привилегированное мгновение, превращенное в легкий предмет, который можно хранить и рассматривать повторно» [Сонтаг 2013: 31]. Так, фотография — это память в статике. А сделанные в момент важных исторических событий фотографии становятся запоминающимися, поскольку связаны еще и с эмоциями.

Именно такого рода фотографии фигурируют в романе «Памяти памяти». Эти снимки (в том числе семейные изображения писательницы и фотографии, через которые передается трагический опыт евреев) представлены опосредованно: они не показаны, а именно описаны (данный повествовательный прием автор статьи называет текстуализацией фотографии). Описание фотографий, которое носит субъективный характер, включается в художественный текст, способствует установлению интермедийных связей литературы и фотографии.

Цель статьи заключается в исследовании феномена фотографии в романе «Памяти памяти» в контексте ее текстуализации, поскольку фотография, подобно литературе, играет важную роль в фиксации и передаче памяти. В работе с точки зрения эстетики фотографии исследуются вербализованные спонтанные и постановочные снимки в семейном альбоме писательницы; проводится анализ процесса вербализации семейной и аффилиативной постпамяти посредством частной и публичной фотографии. В ходе исследования выявляются преимущества и недостатки использования приема текстуализации фотографии.

Состояние изучения вопроса. Методы

Несмотря на высокое литературное признание Марии Степановой и на интерес к ее творчеству в России и за рубежом, многие проблемы, затрагиваемые писательницей в произведениях, изучаются недостаточно. В частности, в существующих литературоведческих статьях большое внимание уделяется теме памяти и проводится нарративный анализ романа.

Например, в совместной работе Н.Л. Зыховской и В.П. Топольской обращается внимание на связь коллективной и индивидуальной

(автобиографической) памяти. Изучено, как в романе сопрягаются история семьи писательницы и дискурс постпамяти [Зыховская, Топольская 2021]. О.А. Гримова указывает на разрушение нарративной интриги в романе «Памяти памяти», авторскую попытку создать вненарративную репрезентацию материала, что, как правило, характеризует такие крупные произведения, как история рода [Гримова 2020]. Китайские литературоведы, изучающие творчество М. Степановой, также уделяют внимание и исследованию нарративной модели, использованной писательницей в романе [Ну 2022], и проблеме метаповествования [Liu 2023].

Актуальность и новизна проведенного исследования обусловлены отсутствием работ, изучающих интермедиальные связи литературы и фотографии в романе М. Степановой.

Использовались методы культурно-исторический, позволяющий провести анализ феномена фотографии в его историческом и культурном контекстах; типологический — для проведения классификации фотографических изображений; герменевтический — для интерпретации литературного текста; метод анализа и синтеза, цель использования которого — выделение частей объекта исследования для детального их изучения и объединение этих уже исследованных частей в процессе их анализа.

Текстуализация фотографии

Текстуализация фотографии используется М. Степановой в качестве основного повествовательного приема при вербальном описании фотографических изображений. Выбрав в качестве эпиграфа ко всему роману знаменитые строки Кэрролла: «Что толку в книжке, — подумала Алиса, — если в ней нет ни картинок, ни разговоров?» [Степанова 2021: 7], автор романа уже в самом начале как бы обозначает художественный прием своей книги. В процессе текстуализации фотографии формируется текст, имеющий самостоятельный характер. Чтобы определить данный тип текста, необходимо ввести теоретическое понятие, самым подходящим является термин «экфрасис» (*ekphrasis*). В литературоведении существует

множество определений экфрасиса, обратимся к основным. Н.В. Брагинская писала: «Мы называем экфрасисом, или экфразой, любое описание... произведений искусства; описания, включенные в какой-либо жанр, то есть выступающие как тип текста, и описания, имеющие самостоятельный характер и представляющие собою некий художественный жанр» [Брагинская 1977: 264]. По мнению Джеймса Хеффернана (James Heffernan), экфрасис — «вербальная репрезентация визуальной репрезентации» [Heffernan 1993: 7]. В словаре под редакцией Н.Д. Тамарченко «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий» экфрасис понимается как «описание визуальных объектов, особенно визуальных произведений искусства» [Поэтика 2008: 301]. Алина Банэа (Alina Banea) определяет экфрасис как «особый тип интертекстуальности, который проявляется как интерсемиотический перевод (или трансмутация), опосредующий визуальные и письменные знаки, входящие в различные структуры повествования» [Banea 2012: 9]. Также к фотографиям, представленным в данном романе, применим термин «метафотографический текст», предложенный американским литературоведом Марианной Хирш (Marianne Hirsch, *meta-photographic text*), под которым имеется в виду следующее: «фотографии, помещенные в контекст повествования посредством воспроизведения или описания» [Hirsch 1997: 8].

М. Степанова в тексте романа сама отвечает на вопрос, почему она использует данный повествовательный прием: «Это только фотография показывает течение времени так, словно его вовсе нету, меняется только длина юбок. Другое дело текст, он полностью состоит из времени» [Степанова 2021: 234–235]. То есть фотография создает у людей иллюзию путешествия в прошлое и старается устранить пространственно-временную дистанцию, тогда как текст строго подчиняется законам пространства-времени. Признать такую дистанцию, по мнению писательницы, «нужно, чтобы вернуть прошлому достоинство, которое оно теряет на глазах» [Степанова 2017], а текстуализация фотографических изображений считается лучшим способом восстановления пространственно-временной дистанции.

Представляется, что текстуализация фотографии помогает преодолеть когнитивные барьеры между пользователями и читателями (под пользователями имеются в виду надлежащие адресаты любого данного набора частных фотографий, которые знают контекст этих фотографий либо из личного опыта, либо из разговоров с родственниками или друзьями, а читатели не могут проникнуть сквозь поверхность фотографического изображения, потому что у них нет доступа к этому частному знанию; см.: [Holland 1997: 107]). Именно через вербальное описание автор может делиться с читателями семейными воспоминаниями, которые изначально существуют только в его сознании. Кроме того, «текстуализация образа отменяет объективацию неподвижной фотографии и тем самым выводит ее из царства застойного умерщвления — того, что Барт называет “плоской смертью”, — в текучесть, движение и в конце концов жизнь» [Hirsch 1997: 4]. В то же время в силу своей субъективности такой прием может иметь и недостаток: из-за ограниченности познания ни один автор не может в своем описании представить полную картину фотоработы, а иногда даже игнорирует важную информацию.

Семейные фотографии в романе

М. Степанова помещает вербализованные семейные фотографии в отдельную главу «Некоторое количество фотографий» до того, как начинает разворачиваться основной сюжет. Полагаем, что все фотографии в этой главе, за исключением одной пейзажной, можно разделить на две категории — спонтанные и постановочные.

Под спонтанной понимается «непостановочная случайная фотография, являющаяся наиболее адекватным эквивалентом воспоминания о ярком эпизоде прошлого» [Нуркова 2006: 209], оживление которого требует особого внимания к деталям. Автор на страницах романа очень ярко и точно отразила в вербальном описании подобные детали, которые условно можно объединить в четыре группы: детали пространственной композиции, детали одежды персонажей, детали выражения лица и движения, а также детали света и тени.

Для описания пространственной композиции писательница использует принцип от далекого к близкому. Например, знакомя читателя с пространством больничного зала, где работала прабабушка Сарра, она начинает с дальних высоких арочных окон и шахматного пола, а затем упоминает ближние белые кровати, лежащие на столе бумаги, журналы с записями, обходные листы [Степанова 2021: 37]. Подробно останавливается на одежде персонажей: «мужчины в канотье, женщины в длинных юбках, подолы метут сырую траву, над головами ненадежные купола парасолек», а прабабушка Сарра «в светлом летнем жакете», ее «голова в жесткой шляпке» [Степанова 2021: 45]. Представляется, что детали, запечатлевающие выражения лица и различные движения и жесты, — душа спонтанной фотографии, так как ощущение ее эпизодичности проявляется именно через подобные детали. В качестве примера можно привести спонтанную фотографию, на которой запечатлена сцена во время практического урока анатомии: «Шесть женщин теснятся вокруг стола... единственный мужчина на отшибе — отвернулся и решает, улыбнуться ему или сморщиться, пока остальные заняты делом. <...> За столом — прабабка Сарра читает по книге, а слушательницы замерли. Лица у них, как у застоявшихся часовых, лишь одно чуть размыла улыбка» [Степанова 2021: 37–38]. Писательница не игнорирует детали света и тени, она описывает их с нежностью: «Окна как лужи света, интересней всего там, где размыто, где белизна растворила раму и уже подгрызает фигуру медсестры и того, кем она занята» [Степанова 2021: 37].

Из данного описания можно заметить, что спонтанная фотография очень хорошо отображает эмоции. Как отмечает В. В. Нуркова, «подлежащим фотографического высказывания такого рода преимущественно оказывается эмоциональное состояние, а не событие как таковое» [Нуркова 2006: 209]. Эмоции людей легко считываются в каждом спонтанном снимке романа. Например, на фотографии, изображающей больничную залу с большим количеством раненых, не чувствуется угнетения или упадка, напротив, очень позитивная атмосфера, несмотря на продолжающуюся войну:

«медсестра занята усатым больным, приподнявшимся на локтях, и быстро поправляет что-то у его плеча, еще один усач в больничном сидит, опираясь на костыли, улыбается зубастой южной улыбкой» [Степанова 2021: 37]. Даже во время войны медсестра предана своему делу, а пациенты оптимистично настроены. Доминирующий цвет больницы — белый — это символ святости и радости.

На фотографии, описывающей лужайку подмосковной дачи, очень радостная атмосфера лета, тепла, наслаждения отпуском: «Дети играют в крокет... Взрослые сидят на лавочке, стоят, прислонившись к стволу высоченной сосны» [Степанова 2021: 39]. На снимке, сделанном в Монпелье, «люди бродят как потерянные по мокрому лугу» [Степанова 2021: 45]. Как отмечает писательница, «чем больше всматриваешься, тем явственней понимаешь, что так может выглядеть ландшафт посмертия, его начальный берег, где каждый сам по себе» [Степанова 2021: 45].

Понятие *punctum*¹ Ролана Барта (Roland Barthes) описывается как особое свойство, присутствующее некоторым фотографиям, в том числе спонтанным. Вербальное описание фотографических изображений под углом зрения автора, с одной стороны, приводит к объективному ограничению угла зрения читателей, но с другой — позволяет на основе *punctum* анализировать элементы фотографий, способные пробудить эстетическое чувство писательницы. Медсестра, девочка, похожая на греческого мальчика, и женщина, стоящая одна спиной к камере, на первый взгляд, ничем не выделяются, но М. Степанова придает им весомость, описывая как центральные элементы фотографий, так как для нее эти родственные люди являются *punctum* снимков. Таким образом писательница, как бы между строк, передает все свои самые нежные чувства, когда говорит о предках.

Постановочная фотография в романе представляет собой фотопортрет, обнажающий истинное лицо портретируемого. Описание подобных фотопортретов сосредоточивается в главе «Некоторое количество фотографий». По сравнению со спонтанными снимками портретные фотографии охватывают более широкий круг членов семьи. В статье анализируются групповые

и индивидуальные фотопортреты в аспекте их текстуализации.

По мнению В. В. Нурковой, групповые фотопортреты отражают социальную принадлежность отдельной личности и иногда даже уничтожают индивидуальность персонажа снимка [Нуркова 2006: 89]. Данная особенность групповых фотопортретов отражена в вербальном описании автора романа. На фотографии, сделанной в доме отдыха «Райки», показана определенная градация: «Верхние ряды стоят, следующие приседают все ниже или уже лежат, развалясь, как русалки, в море голых рук, физкультурных трусов и одинаковых маек. <...> Леля в нижнем ряду: голову стягивает косынка, на плечах нелепая шаль с бахромой» [Степанова 2021: 41]. Бабушка Леля помещается в контекст других людей — спортивной команды, что демонстрирует значимость ее социальной принадлежности. Кроме того, индивидуальность Лели теряется: «Всего здесь человек девяносто, но лица на удивление похожи или просто стянуты общей стертой, отказом от выражения. <...> переходя от лица к лицу, видишь фазы одного мимического движения» [Степанова 2021: 41]. Стоит упомянуть и о вербальном описании, помогающем проникнуть сквозь поверхность фотографического изображения. Если представить, что перед читателем всего лишь оригинальное изображение, он не может знать подробностей о людях, запечатленных на ней, а благодаря авторскому комментарию, рисуется очень точная картина.

На групповом фотопортрете, который называется «Бабушка на баррикадах», изображены прабабушка Сарра и ее друзья: «Прабабушка Сарра, та, что номер один, кажется старше своих семнадцати лет. Шапка-шляпка, из тех, что прикалывались булавками к волосам, съехала на затылок, прядь волос выбилась и висит, круглощекое лицо обветрено, видно, как ей холодно: одна рука заложена глубоко за обшлаг пальто, вторая сжата в кулак. Правый глаз, подбитый на баррикаде, перетянут черной повязкой, как у пиратов Карибского моря. <...> Как начнешь присматриваться, видно, какие молодые все, кто здесь стоит, — и красавец-усач в серой кубанке, и неизвестный мне ушастый Гальпер, и подруга с детским скуластым лицом»

[Степанова 2021: 42–43]. На данном снимке «самой баррикады не видно — за спинами белая кирпичная стена» [Степанова 2021: 43]. Сцена, представленная на фотографии, не имеет никакого отношения к войне. Единственный след жестокой войны — раненый глаз прабабушки. Очевидно, что на данном фотопортрете запечатлен лишь фрагмент прабабушкиной жизни во время страшных военных действий. И это показывает, что фотография неспособна отражать объективную действительность совершенно точно. Объясним эту мысль с помощью теории С. Сонтаг, считавшей, что фотографии могут запечатлеть лишь определенный фрагмент жизни, а не весь жизненный процесс: «Жизнь не сводится к значащим деталям, выхваченным вспышкой и застывшим навсегда. А фотографии — сводятся» [Сонтаг 2013: 112]. В процессе текстуализации фотографии писательница подсказывает читателям дополнительную информацию (например, название фотопортрета «Бабушка на баррикадах»). Итак, мы можем естественно связать раненый глаз прабабушки с войной и тем самым восстановить целую историю.

В романе фигурируют также индивидуальные фотопортреты. Среди них стоит отметить фотопортрет Абрама Осиповича Гинзбурга (прапрадеда писательницы). М. Степанова подробно описывает процесс пересечения своего взгляда со взглядом прапрадеда на фотопортрете. Взгляд прапрадеда «направлен куда-то влево, и он не ищет, а держит человека или вещь, оставшуюся за краем изображения» [Степанова 2021: 42], что заставляет писательницу как бы поместить себя в точку, куда смотрит ее прапрадед. В результате их взгляды пересекаются, несмотря на пространственно-временное препятствие, и образуется «тесный треугольник» [Степанова 2021: 42], что можно объяснить через понятие фотографического референта Ролана Барта. Исследователь в работе *Camera lucida* определил понятие фотографического референта так: «“фотографический референт” представляет собой реальные вещи, помещенные перед камерой» [Barthes 1981: 76]. Далее он подчеркнул, как фотографический референт влияет на восприятие зрителей: «От реального тела, которое было там, исходят излучения, которые в конечном итоге

затрагивают человека, находящегося здесь, и при этом своего рода пуповина связывает тело сфотографированного существа с взглядом человека, смотрящего на снимок» [Barthes 1981: 80]. Можно сказать, что тело прапрадеда является своего рода фотографическим референтом, а переплетение взглядов прапрадеда и писательницы осуществляется именно посредством такой невидимой пуповины.

Говоря об эстетике фотографии, С. Сонтаг отметила, что «неотъемлемым достижением фотографии всегда была ее способность обнаружить красоту в неприятном, убогом, ветхом» [Сонтаг 2013: 138]. Индивидуальный фотопортрет прабабушки Софьи подтверждает данную точку зрения. Фотографическая красота, рожденная реальностью, представлена М. Степановой в текстовом варианте. Как описывает писательница, на фотографии «все серое, лицо, платье, грубые шерстяные чулки. <...> Немолодая женщина сидит на венском стуле. <...> Улыбка тоже не успела развернуться во все лицо. <...> Знаменатель этой картинки, видимо, крайняя бедность, на языке которой говорит все, явленное здесь: тяжелые руки без колец и холст единственного платья» [Степанова 2021: 43–44]. Обстановка вокруг прабабушки, ее платье и внешний вид не имеют никакого отношения к красоте в общем смысле, однако все эти элементы приобретают красоту с точки зрения эстетики фотографии, поскольку они бесконечно близки к действительности.

Автор ведет речь и об индивидуальном фотопортрете своей матери. На снимке пятилетняя девочка держит огромную куклу, горящие глаза, полные восторга, направлены в объектив [Степанова 2021: 44]. Такие фотографии могут быть особенно интересными для будущих поколений, потому что способны вызвать галлюцинаторное ощущение, будто люди обладают способностью соединять разорванное время и пространство, будто могут участвовать в жизни предшественников. Такое ощущение обеспечивается функционированием механизма психологической компенсации. По словам писательницы, это значило оказаться на территории новой, опережающей близости, где она была старше и могла маму приголубить

и пожалеть [Степанова 2021: 28]. А вербализованный писательницей вариант избавляет читателей от иллюзии путешествия в прошлое и напоминает о существовании пространственно-временной дистанции.

На упомянутых семейных снимках зафиксированы либо события, произошедшие с членами семьи М. Степановой, либо их внешность. Эти следы прошлого на запоминающихся фотографиях передаются из поколения в поколение. Можно сказать, что семейные фотографии являются важными инструментами передачи семейной памяти. Нетрудно объяснить особую привязанность М. Степановой к семейным фотографиям, которую она сама определяет как некое «стягивающее горло чувство семейной общности» [Степанова 2021: 46].

Фотография как постпамять

М. Хирш определяет термин «постпамять» так: «постпамять описывает отношения, которые “поколение после” выстраивает с личной, коллективной и культурной травмой тех, кто жил до них, — с теми переживаниями и опытом, что они “помнят” только посредством историй, изображений и поступков, среди которых они выросли» [Хирш 2021: 22]. Далее Хирш разделяет постпамять на семейную и аффилиативную, заявляя, что семейная постпамять формируется в семье и транслируется через нарративы старших поколений, адресованные младшим (постпоколениям), в этом случае подчеркивается внутриспоколенческая вертикальная связь ребенка и родителя; аффилиативная постпамять — это результат одновременности и поколенческой связи со «вторым поколением» в буквальном смысле, в этом случае подчеркивается межпоколенческая горизонтальная связь [Хирш 2021: 69–70].

Фотография может передать и постпамять. Как утверждает М. Хирш, «ключевая роль, которую фотографии — и семейные фотографии в особенности — играют в качестве средств передачи постпамяти, объясняет связь между семейной и аффилиативной постпамятью» [Хирш 2021: 70–71]. Немецкий медиаисследователь Йенс Ручатц (Jens Ruchatz) также обращает внимание

на ужасную память, основанную на фотографических впечатлениях, отмечая, что «данная форма памяти не является ни автобиографической памятью, ни безличной историей, а получила название “постпамять”» [Ruchatz 2008: 373]. Фотографии с функцией передачи постпамяти неоднократно фигурируют в романе «Памяти памяти» в текстовом варианте.

Частная фотография как семейная постпамять

Й. Ручатц отмечает, что «частные фотографии специально сделаны с единственной целью — служить памятными записками в будущем. Они адресованы либо самому фотографируемому человеку, либо семье, к которой он или она принадлежит» [Ruchatz 2008: 372]. Одно из изображений в романе — темная фотография, на которой показывается неизвестный женский профиль, принадлежит к категории частной фотографии. Данный снимок рассматривается как средство передачи семейной постпамяти. Описание его автором довольно расплывчато: «Мутно-желтый прямоугольник чуть яснее к левому углу, если приглядеться, угадывается стол, плечо, женский профиль. На обороте написано: “Пусть вас не смущает, что картинка так темна, нужно хорошо присмотреться, а тогда она совсем не плоха”. Чуть ниже, в углу, той же рукой — “Paris”» [Степанова 2021: 40].

С учетом контекста романа информация о личности этой женщины ясна: это прабабушка писательницы Сарра. Довольно темное изображение было сделано, когда юная прабабушка училась во Франции. Причина, по которой героиня поехала в эту страну, заключается в том, что она участвовала в революции 1905 г. и была приговорена к тюремному заключению. Ей ничего не оставалось, как бежать за границу. Историческая травма была наложена непосредственно на Сарру, и эта травма косвенно влияет на ее потомков в форме постпамяти через такие источники информации, как фотографии.

По мнению С. Сонтаг, фотография становится источником сообщения о страданиях [Сонтаг 2013: 147], существует неразделимая связь между

фотографией и войной [Сонтаг 2013: 218]. Уже упомянутая в работе вербализованная фотография под названием «Бабушка на баррикадах» используется как средство передачи семейной постпамяти. Она передает неизбежную боль, причиняемую людям временем. Травма, причиненная войной, является как физической, так и душевной. М. Степанова переосмысливает историю как травму, которую необходимо признать и залечить. Такого рода историческая травма не может быть залечена при жизни выживших, поэтому их потомки должны научиться признавать их боль, чтобы примириться с прошлым семьи, укрепить собственную идентичность и спокойно шагнуть в будущее. Однако сделать это непросто, разум порой не может конкурировать с механизмом самозащиты человеческого мозга. Так что ни писательница, ни ее отец не могут глядеть на семейный альбом без содрогания — «просмотр фотографий кажется чтением обитурария» [Степанова 2021: 395].

Публичная фотография как аффилиативная постпамять

В романе средством передачи аффилиативной постпамяти является черно-белая фотография с изображением трех ковровщиц в польском лодзинском гетто — цитата из рассказа немецкого писателя В. Г. Зебальда «Макс Фербер». Данная фотография, принадлежащая к категории публичных, попадает в коллективную память. Снимок, сделанный нацистом по имени Геневейн и фиксировавший процесс труда женщин, экспонировался на выставке во Франкфурте. Именно там Зебальд увидел его. Эта фотография причиняет Зебальду боль и вызывает у него чувство вины. Как он сам пишет, «третья пряха смотрит прямо на меня — так, что приходится отвести глаза» [Степанова 2021: 175]. Используя прием текстуализации фотографии, Зебальд в своем рассказе «Макс Фербер» создает место памяти² о трагической жизни евреев в нацистских концлагерях. А травматическая память, которую она несет, будет передаваться из поколения в поколение.

Восприятие М. Степановой этой фотографии является как прямым, так и косвенным. С одной стороны, как упоминается в романе, она увидела

эту фотографию и, даже будучи сторонним наблюдателем события, была глубоко потрясена: фотография казалась ей одновременно невыдуманной и несуществующей [Степанова 2021: 175]. В этом случае механизм передачи аффилиативной постпамяти работает посредством визуального изображения. С другой стороны, аффилиативная постпамять передается через вербальное описание Зебальда. По словам М. Степановой, «Обычно картинки щедро разбросаны по его страницам... но именно эта не показана, а пересказана и в этом, словесном, виде стоит у меня перед глазами» [Степанова 2021: 175]. Вербализованная Зебальдом фотография производит неизгладимое впечатление на писательницу, не имеющую непосредственного отношения к исторической трагедии.

Сравнивая оригинал данной фотографии с описанием В. Г. Зебальда, М. Степанова замечает то, чего не видит Зебальд: «В подсвеченном воздухе между нами (между женщинами и камерой, между ними и мной) висит что-то вроде косо́й завесы» [Степанова 2021: 176]. Это важный пример, подтверждающий когнитивные различия в восприятии фотографий. Текстуализация фотографии — это крайне субъективный процесс. Каждый писатель описывает одно и то же фото со своей точки зрения, так что трудно представить законченную картину. Для того чтобы узнать полную, более объективную картину, иногда необходимо обратиться к другим описаниям или увидеть фотографию своими глазами.

Выводы

В романе «Памяти памяти» М. Степановой посредством текстуализации фотографии устанавливаются интермедийные связи литературы и фотографии. Как и текст, вербализованные спонтанные и постановочные снимки (метафотографические тексты) подчиняются законам пространства и времени, а именно пространственно-временная дистанция обеспечивает функционирование памяти. Вербальное описание объективно ограничивает угол зрения читателей, но при этом помогает проникнуть сквозь поверхность фотографий и тем самым дает возможность узнать контекст семейных фотографий. Однако авторское субъективное

описание неизбежно одностороннее, и из-за ограниченности познания автор иногда может игнорировать важную информацию.

Эстетическая специфика фотографии проявляется в этих метафотографических текстах. Спонтанная фотография фиксирует эпизод прошлого и требует особого внимания к деталям и эмоциональному состоянию. В процессе описания спонтанной фотографии писательница обращает внимание именно на детали. С точки зрения эстетики фотографии любой фотопортрет является трогательным и красивым благодаря своему смысловому наполнению. Фотографическая красота, рожденная реальностью, также представлена в текстовом варианте.

Фотография играет важную роль в передаче памяти. Описанные семейные снимки помогают восстановить семейное прошлое при сохранении пространственно-временной дистанции. Фотография передает семейную и аффилиативную постпамять. Травматический опыт, связанный с восприятием фотоснимков, косвенно влияет не только на поколение постпамяти, но и на их сверстников, имевших другой жизненный опыт.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ролан Барт в эссе *Camera lucida* рассматривал понятие *punctum*. *Punctum* — угол, удар, личная деталь, которая устанавливает прямую связь с объектом на фотографии, см.: [Barthes 1981].

² Место памяти (фр. *lieu de mémoire*) — понятие, введенное П. Нора в начале 80-х годов XX в., воплощает в себе единство духовного и материального, которое со временем и по воле людей стало символическим элементом наследия национальной памяти общности, см.: [Нора 1999].

ИСТОЧНИК

Степанова 2021 — Степанова М. М. *Памяти памяти. Романс*. М.: Новое издательство, 2021. 408 с.

СЛОВАРЬ

Поэтика 2008 — *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*. Тамарченко Н. Д. (ред.). М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.

ЛИТЕРАТУРА

Брагинская 1977 — Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации). В сб.: *Сла-*

вянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели: Структура балканского текста. М.: Наука, 1977. С. 259–283.

Гримова 2020 — Гримова О. А. Разрушение нарративной интриги в «Романсе» М. Степановой «Памяти памяти». *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2020, (9): 140–151.

Зыховская, Топольская 2021 — Зыховская Н. Л., Топольская В. П. «Памяти памяти. Романс» Марии Степановой: коммеморативные стратегии взаимодействия с читателем. *Челябинский гуманитарий*. 2021, 2 (55): 50–55.

Нора 1999 — Нора П. Проблематика мест памяти. В сб.: Нора П. *Франция-память*. Перев. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.

Нуркова 2006 — Нуркова В. В. *Зеркало с памятью: Феномен фотографии: Культурно-исторический анализ*. М.: Изд-во Российского гос. гум. ун-та, 2006. 287 с.

Сонтаг 2013 — Сонтаг С. *О фотографии*. Перев. с англ. В. Голышева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 272 с.

Степанова 2017 — Степанова М. М. Дом с призраком — разговор с Марией Степановой. Сеанс. 20.12.2017. URL: <https://seance.ru/articles/haunted-house-stepanova/> (дата обращения: 19.08.2023).

Хирш 2021 — Хирш М. *Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста*. Пер. с англ. Н. Эппле. М.: Новое издательство, 2021. 428 с.

Banea 2012 — Banea A. M. *Ekphrasis — A special type of intertextuality in the British Novel*. PhD in Philology abstract. Cluj-Napoca, 2012. 31 p.

Barthes 1981 — Barthes R. *Camera lucida: Reflections on photography*. Transl. from French by Richard Howard. New York: Hill and Wang, 1981. 119 p.

Heffernan 1993 — Heffernan J. A. W. *Museum of Words: The poetics of ekphrasis from homer to ashbery*. Chicago: The University of Chicago Press, 1993. 249 p.

Hirsch 1997 — Hirsch M. *Family frames: Photography, narrative, and postmemory*. Cambridge: Harvard University Press, 1997. 304 p.

Holland 1997 — Holland P. “Sweet it is to scan...”: Personal photographs and popular photography. In: *Photography: A critical introduction*. London: Routledge, 1997. P. 103–150.

Ruchatz 2008 — Ruchatz J. The photograph as externalization and trace. In: *Cultural memory studies: An international and interdisciplinary handbook*. Berlin: Walter de Gruyter, 2008. P. 367–378.

Hu 2022 — 胡煥. “橱窗小说”: 斯捷潘诺娃小说《记忆记忆》的叙事艺术探索. *外国文学动态研究*. 2022第2期. 页 75–83. [Ху Хуан. Витрина-роман: Нарративные особенности романа М. Степановой «Памяти памяти». *Вайго взньсюэ дунтай янь-цзю*. 2022, (2): 75–83].

Liu 2023 — 刘淼文. 记忆建构与元小说 — 玛丽亚·斯捷潘诺娃《记忆记忆》的元小说叙事. *俄罗斯文艺*. 2023第2期. 页 56–68. [Лю Мяовэнь. Конструирование памяти и метапроза — метафигиональный нарратив романа М. Степановой «Памяти памяти». *Элосы взньи*. 2023, (2): 56–68.]

REFERENCES

- Брагинская 1977 — Braginskaia N. V. Ekphrasis as a type of text (to the problem of structural classification). In: *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Karpato-vostochnoslavijskie paralleli: Struktura balkanskogo teksta*. Moscow: Nauka Publ., 1977. P. 259–283. (In Russian)
- Гримова 2020 — Grimova O. A. Destruction of narrative intrigue in “Romance” by M. Stepanova “In Memory of Memory”. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*. 2020, (9): 140–151. (In Russian)
- Зыховская, Топольская 2021 — Zykhovskaia N. L., Topol'skaia V. P. “In Memory of Memory. Romance” by Maria Stepanova: Commemorative strategies for interaction with the reader. *Cheliabinskii gumanitarii*. 2021, 2 (55): 50–55. (In Russian)
- Нора 1999 — Nora P. Problems of places of memory. In: Nora P. *Frantsiia-pamiat'*. Transl. from French by D. Khapaeva. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1999. P. 17–50. (In Russian)
- Нуркова 2006 — Nurkova V. V. *Mirror with memory: The phenomenon of photography: Cultural and historical analysis*. Moscow: Izdatel'stvo RGGU Publ., 2006. 287 p. (In Russian)
- Сонтаг 2013 — Sontag S. *On photography*. Transl. from English by V. Golyshev. Moscow: Ad Marginem Press, 2013. 272 p. (In Russian)
- Степанова 2017 — Stepanova M. M. A house with a ghost — a conversation with Maria Stepanova. *Seans*. 20.12.2017. Available at: <https://seance.ru/articles/haunted-house-stepanova/> (accessed: 19.08.2023). (In Russian)
- Хирш 2021 — Khirsh M. *The Generation of postmemory: Writing and visual culture after the Holocaust*. Transl. from English by N. Epple. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2021. 428 p. (In Russian)
- Банеа 2012 — Banea A. M. *Ekphrasis — A special type of intertextuality in the British Novel*. PhD in Philology abstract. Cluj-Napoca, 2012. 31 p.
- Барthes 1981 — Barthes R. *Camera lucida: Reflections on photography*. Transl. from French by Richard Howard. New York: Hill and Wang, 1981. 119 p.
- Хеффернан 1993 — Heffernan J. A. W. *Museum of Words: The poetics of ekphrasis from homer to ashbery*. Chicago: The University of Chicago Press, 1993. 249 p.
- Хирш 1997 — Hirsch M. *Family frames: Photography, narrative, and postmemory*. Cambridge: Harvard University Press, 1997. 304 p.
- Холланд 1997 — Holland P. “Sweet it is to scan...”: Personal photographs and popular photography. In: *Photography: A critical introduction*. London: Routledge, 1997. P. 103–150.
- Ручатц 2008 — Ruchatz J. The photograph as externalization and trace. In: *Cultural memory studies: An international and interdisciplinary handbook*. Berlin: Walter de Gruyter, 2008. P. 367–378.
- Ху 2022 — Hu H. Showcase-novel: Narrative features of Maria Stepanova’s “In Memory of Memory”. In: *New perspectives on world literature*. 2022, (2): 75–83. (In Chinese)
- Лиу 2023 — Liu M. Memory Construction and Metafiction — The Metafictional Narrative of Maria Stepanova’s “In Memory of Memory”. In: *Russian literature and art*. 2023, (2): 56–68. (In Chinese)

ЛЕКСИКА СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В СОДЕРЖАНИИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

MARINA A. CHEPINSKAYA
PUBLIC FOOD SERVICE FIELD VOCABULARY IN THE CONTENT
OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE TO CHINESE STUDENTS

**Марина Александровна
Чепинская**

аспирант

► mg1121984@mail.ru

Российский государственный
педагогический университет
имени А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186,
Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Marina A. Chepinskaya

Postgraduate Student

The Herzen State Pedagogical
University of Russia,
48, nab. r. Moyki, St. Petersburg,
191186, Russian Federation

В центре внимания обучение иностранных студентов лексике сферы общественного питания. Объектом исследования является лексико-семантическая группа «Наименования предприятий общественного питания», содержание и лингвометодический потенциал которой оценивается по данным словарей и лексических минимумов по русскому языку как иностранному (I–III сертификационные уровни). Автором статьи использовался метод лексикографического анализа идеографических словарей русского языка, а также метод анкетирования. Анкетирование было проведено среди китайских студентов, обучающихся в высших учебных заведениях, с целью выявления объема их знаний о сфере общественного питания в России и содержании исследуемой лексико-семантической группы. Исходя из результатов, полученных посредством количественной и содержательной обработки данных анкетирования, предлагается расширить учебную лексико-семантическую группу наименований предприятий общественного питания для обучения русскому языку китайских студентов ввиду необходимости более глубокого знакомства с русской культурой повседневности и повышения уровня коммуникации в городской среде. Предложена система обучения иностранных учащихся, основанная на методе цифрового повествования и включающая не только собственно лингвистическую информацию, но и фоновые знания о культуре общественного питания в России (на примере Санкт-Петербурга). Перспективы исследования связаны с оценкой эффективности, представляющей собой современный лингводидактический инструмент, реализующий принцип полимодальности и соответствующий современным тенденциям в обучении РКИ, разработанной методики обучения, а также с созданием учебного словаря.

Ключевые слова: обучение лексике, содержание обучения русскому языку как иностранному, лексико-семантическая группа, предприятия общественного питания, культура повседневности, китайские студенты, учебный медиатекст.

The article deals with the problem of teaching foreign students the public catering service vocabulary. The object of the study is the lexical-semantic group of public catering enterprises' names, which content and linguo-methodological potential are assessed according to the dictionaries and Russian as a foreign language basic vocabulary of the 1st–3rd certification level data. To include this vocabulary group in the educational process, lexicographic analysis of the Russian language ideographic dictionaries method was used, as well as the questioning method conducted among Chinese students of higher educational institutions in order to identify the amount of knowledge about the public catering service field in Russia and the content of this lexical-semantic vocabulary group. Based on the results of quantitative and meaningful

processing of the survey data, it is proposed to expand the educational lexical-semantic group of public catering enterprises names in order to teach the Russian language to Chinese students, due to the need of deeper acquaintance with the Russian everyday life culture and increase of the urban communication level. A learning system for foreign students based on the digital storytelling method and including not only linguistic information itself, but also background knowledge about the culture of public catering service in Russia (on the example of St. Petersburg) is proposed. The prospects of the research are related to the evaluation of the effectiveness of the developed teaching methodology, which is a modern linguodidactic tool that implements the principle of polymodality and corresponds to the modern trends in teaching Russian as a foreign language, as well as to the creation of a learning dictionary.

Keywords: vocabulary teaching, Russian as a foreign language teaching content, lexical-semantic group, public catering enterprises, everyday life culture, Chinese students, educational media text.

Введение

При обучении иностранных студентов культурно маркированной лексике русского языка в поле зрения лексикологов и методистов находятся национальный менталитет и ценностные ориентации носителей языка, отражающиеся на разных уровнях содержания слова. Значительный пласт культурно маркированной лексики русского языка связан не только с концептами духовно-нравственного уровня, но и с бытовой культурой, культурой повседневности, в рамках которой каждодневно существуют, сталкиваясь с постоянными (в том числе лексическими) трудностями, иностранные студенты, живущие в России.

Как известно, сфера обслуживания является одной из самых востребованных в современном обществе. В идеографических словарях русского языка выделяют значительную по содержанию, а также по лингводидактическому и коммуникативному потенциалу подгруппу лексики: «Предприятия общественного питания», относящуюся к группе «Предприятия бытового обслуживания». Существенный объем и сложная структура данной лексико-семантической группы (ЛСГ) свидетельствует о необходимости ее включения в содержание обучения лексике иностранных студентов.

Целью исследования является разработка методики обучения китайских студентов лексике сферы общественного питания, которая предполагает задачи формирования учебной

лексико-семантической группы наименований предприятий общественного питания с опорой на методы лексикографического анализа идеографических словарей и экспериментальное анкетирование.

По мнению исследователей, полное и объективное описание языковой картины мира невозможно без обращения к фрагментам языка, репрезентирующим существенные аспекты «мира повседневности» (В. Г. Костомаров, В. В. Воробьев, В. И. Карасик, В. В. Красных, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. Н. Телия, А. Д. Шмелев и др.), среди которых особое место принадлежит гастрономической сфере. Лексико-семантическая группа наименований предприятий общественного питания является специфическим фрагментом русской языковой картины мира, отражающим не только этнографические (история, быт, традиции и т. д.), но и этнопсихологические (характер, менталитет) особенности этноса [Васильева и др. 2022: 170]. Данная лексико-семантическая группа характеризуется высокой степенью этноспецифичности.

Материалы и методы

Для определения объема, структуры и содержания ЛСГ наименований предприятий общественного питания в современном русском языке на первом этапе исследования посредством **метода анализа и сопоставления лексикографических данных** были рассмотрены «Большой толковый словарь русских существительных» под редакцией Л. Г. Бабенко [Бабенко (ред.) 2005] и «Русский семантический словарь» под общей редакцией Н. Ю. Шведовой [Шведова (ред.) 2002].

В составе ЛСГ были отмечены существенные несовпадения по количеству наименований. Так, словарь под редакцией Л. Г. Бабенко приводит 54 лексические единицы в разделе «Существительные, обозначающие предприятия сферы обслуживания», не разделенном по подгруппам, из которых только 22 лексем относятся к предприятиям общественного питания: *бар, бистро, блинная, булочная, буфет, закусочная, кабаре, кабачок, кафе, кафетерий, кондитерская, кофейня, кулинария, пекарня,пельменная, пивная, пиццерия,*

ресторан, рюмочная, столовая, чебуречная, шашлычная. В словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой подраздел «Предприятия общественного питания» принадлежит к общему разделу «Предприятия бытового обслуживания» и содержит четыре тематические группы слов, представленные 63 лексическими единицами.

При учете «пересечения» лексем в обоих справочных изданиях общий объем группы наименований предприятий общественного питания представлен 67 лексическими единицами.

С целью определения семантического объема слов исследуемой лексико-семантической группы были проанализированы «Большой толковый словарь русских существительных» под редакцией Л. Г. Бабенко и «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой [Евгеньева (ред.) 1981–1984].

Было установлено, что многие лексемы данной ЛСГ являются однозначными (*булочная, закусочная, кафетерий, кондитерская* и др.); многозначная лексика представлена лексемами с различным количеством значений (два значения имеют лексемы *буфет, трактир, кружало*; три значения — *столовая, монополия, поплавок*; четыре значения — *бар*), из которых лишь одно принадлежит к интересующей нас ЛСГ, что необходимо учитывать в процессе обучения русскому языку как иностранному (РКИ).

При формировании учебной ЛСГ следует обратить внимание на лексические единицы:

- лексемы с различными ограничительными пометами (*забегаловка, кабак, пивная*);
- заимствованные и устаревшие (*духан, корчма, кухмистерская, остерия, ресторация, чайхана, таверна*), обладающие безусловным культурологическим потенциалом. Включение таких единиц в содержание обучения РКИ сопровождается обязательным комментарием и сопряжено с лингводидактическим понятием «лексико-фразеологического расширителя», включающего «лексику архаического, исторического, этнографического характера, то есть такие языковые единицы, которые не имеют активного употребления и извест-

ны носителям языка преимущественно из актуального фонда литературы» [Воробьев 1997: 86];

- наименования национальных предприятий общественного питания (*вареничная, пирожковая,пельменная, пышечная, сосисочная*), отражающие разнообразие русской культуры повседневности в гастрономической сфере, сохранившей в данных терминах свой культурный код;
- наименования интернациональных предприятий общественного питания (*кафе, пиццерия, бар, ресторан и пр.*), являющиеся основой ЛСГ «Предприятия общественного питания», хорошо знакомые иностранным студентам и не вызывающие трудностей в понимании;
- наименования различных видов кафе (*кафе-автомат, кафе-бар, кафе-клуб, кафе-молочная, кафе-мороженое, кафе-столовая*), которые можно выделить в отдельную подгруппу как лексемы, находящиеся в родовидовых отношениях с лексемой *кафе*.

В процессе обучения РКИ необходимо учитывать исторические изменения в составе изучаемой ЛСГ, отмечая для учащихся стилистически сниженную лексику, устаревшие единицы, обращая внимание на активный процесс заимствования слов. Данные явления отражены в функционировании синонимических рядов, характерном для ЛСГ: *пивная — пивнушка; столовка — столовая; харчевня — трактир — остерия — корчма — таверна; кафе — кафетерий — кофейня; чайная — чайхана; ресторан — ресторация; кабак — питейный дом — кружало.*

Анализ лексических минимумов по РКИ I–III сертификационных уровней [Андрюшина (ред.) 2015а; 2015б; 2019] показал, что только восемь наименований предприятий общественного питания (*булочная, буфет, кафе, ресторан, столовая, бар, кофейня, кулинария*) входят в их состав (тематическая группа 1.4 «Питание. Продукты»), однако в них включена лексика, коррелирующая с рассматриваемой тематикой, например наименования блюд и продуктов питания. Исходя из этого, автор статьи считает целесообразным включить

в содержание учебной ЛСГ соотносящиеся с этой группой наименования заведений общественного питания: закуска — *закусочная*, котлета — *котлетная*, мороженое — *кафе-мороженое*, пиво — *пивная*, пирог/пирожок — *пирожковая*, пицца — *пиццерия*, чай — *чайная*, шашлык — *шашлычная*, блины — *блинная*, пельмени — *пельменная*, рюмка — *рюмочная*, сосиска — *сосисочная* и др.

Таким образом, объем лексико-семантической группы наименований предприятий общественного питания в русском языке целесообразно сократить с 67 до 40 единиц и распределить их по тематическим подгруппам.

Второй этап исследования реализовывался посредством **метода экспериментального анкетирования**, проведенного в группе китайских учащихся, приехавших в Россию на разные по длительности периоды и находящиеся на различных уровнях владения русским языком. Целью анкетирования было определение объема лексических и фоновых знаний, связанных со сферой общественного питания. В анкетировании приняло участие более 900 студентов из высших учебных заведений Китая. Опросник включал 39 вопросов, разделенных на шесть тематических групп.

Приведем примеры вопросов, включенных в анкету:

- Вопросы, связанные с организацией общественного питания в России: *В чем заключаются основные отличия столовой от ресторана? Знаком ли вам тип ресторана «шведский стол»? Где можно поесть в театре во время антракта? В каком заведении можно быстро перекусить, не снимая верхнюю одежду?* и др.
- Вопросы, направленные на выявление уровня понимания студентами названий мест общественного питания по их внутренней форме: *Что можно съесть в заведениях под названиями «Блинная», «Сладкоежка», «Пирожковая», «Пельменная», «Пышечная», «Кафе-мороженое», «Рюмочная», «Чайная», «Колобок», «Крошка-картошка»?* и др.
- Вопросы, направленные на выявление уровня понимания названий заведений общественного питания по их отнесенно-

сти к различным национальным кухням: *С вашей точки зрения, кухня какой страны предлагается в ресторанах под названиями «Чайхана», «Токио-Сити», «Тбилиси», «Баку», «Сулико», «Пекинская опера» и др.?*

- Вопросы, выявляющие отношение китайских студентов к организации общественного питания и гастрономической культуре в России: *Вам нравится обслуживание в заведениях общественного питания в России? Вас устраивает размер блюда в русском ресторане или кафе? Нравится ли вам еда в университетской столовой? По какой причине вы можете отказаться зайти в то или иное место общественного питания?*

Проведенный анализ выявил, что устаревшие и просторечные наименования предприятий общественного питания знакомы лишь 5 % опрошенных; при этом 83,9 % респондентов знакомы с основными видами заведений общественного питания (кафе, ресторан, столовая, бар и др.). Только 13,8 % имеют трудности с дифференциацией предприятий общественного питания и 2,3 % затруднились ответить на вопросы. Непонимание наименований заведений, связанных с русской национальной традицией и фольклорными текстами, например «Колобок», «Пирожковая» и др., продемонстрировали 54,6 % участников опроса. Практически все опрошенные китайские студенты соотнесли названия заведений общественного питания с мировыми национальными кухнями («Токио-Сити», «Пекинская опера», «Венеция» и др.), однако при встрече с национальными кухнями стран, входящих ранее в состав СССР («Чайхана», «Тбилиси», «Баку», «Сулико», «Узбекка на речке» и др.), у 75 % опрошенных были выявлены затруднения.

Большая часть вопросов, затрагивающих нормы и традиции поведения в местах общественного питания (например, касающихся традиций включения в оплату чаевых, порядка подачи блюд в русских ресторанах, правил сервировки стола и этикетного поведения), осталась без ответов или сопровождалась отрицательными комментариями: «нет», «не знаю».

Ряд вопросов анкетирования был направлен на определение различий в нормах и традициях поведения, в обстановке, интерьере, сервировке стола, содержании меню в заведениях общественного питания России и Китая. Отвечая на эти вопросы, большинство учащихся отметили, что различия есть, но не смогли указать, в чем конкретно они заключаются, при этом без затруднений охарактеризовали китайские традиции поведения, в отличие от русских.

Обсуждение

Обобщая ответы, данные студентами, можно сделать вывод о том, что в сознании китайских учащихся сформирована ограниченная по объему ЛСГ предприятий общественного питания, а уровень знаний особенностей русской бытовой культуры в сфере общественного питания является недостаточным для участия в полноценной коммуникации в городской среде. Иностранным студентам хорошо знакомы наименования заведений интернационального типа в отличие от наименований предприятий национального характера, представляющих русскую кухню и кухню других народов Российской Федерации, а также тех, которые ранее входили в состав СССР.

При учете языковых и неязыковых компонентов слова и его способности отражать в своем содержании специфику национальных культур в содержание обучения РКИ необходимо включать расширенный корпус лексических средств, относящихся к сфере общественного питания и обладающих особым лингводидактическим и культурным потенциалом, а также формировать в сознании иностранных учащихся полноценные представления о мире культуры повседневности на основе данной ЛСГ.

Процесс обучения лексике должен учитывать не только понятийное, но и коннотативное содержание слова, отражающее отношение носителей русского языка к явлениям бытовой культуры, а также фоновые знания о гастрономической культуре и видах заведений общественного питания, культурных связях России с другими национальными традициями.

Выводы

На основе полученных наблюдений автор настоящего исследования пришел к выводу о необходимости расширения исследуемой лексико-семантической группы «Предприятия общественного питания» до лексико-семантического поля (ЛСП) «Сфера общественного питания», включающего не только ЛСГ наименований предприятий общественного питания, но и ЛСГ наименований блюд, ЛСГ наименований приборов и др. Обладая существенным лингводидактическим и коммуникативным потенциалом, ЛСП «Сфера общественного питания» является лингвистической основой коммуникативно-поведенческого аспекта в обучении РКИ, включающего информацию об отношении к еде в русской культуре, о поведении за столом (с учетом его вербальной и невербальной составляющих), а также фоновые знания истории, традиций и правил гастрономической культуры России. Сфера общественного питания, включенная в культуру повседневности народа, отражает нормы и традиции русского национального коммуникативного поведения в гастрономической области, что представляет особую ценность с точки зрения формирования полноценной картины мира русского языка у иностранных учащихся.

С целью повышения эффективности и интенсивности обучения РКИ на примере ЛСП «Сфера общественного питания» разработана методическая система, основанная на методе цифрового повествования и являющаяся интерактивным учебным медиатекстом «Гастрономическое путешествие во времени» (рис. 1), цели которого — знакомство не только с лексикой по теме исследования, но и с историей и культурой общественного питания в России (на примере Санкт-Петербурга) (рис. 2–4), а также обучение принятым этикетным нормам русского коммуникативного поведения.

Реализуя принцип полимодальности, учебный медиатекст сочетает вербальные и невербальные компоненты, воздействующие на различные каналы восприятия информации учащимися, что способствует более качественному усвоению учебного материала. Невербальные (медийные) компоненты реализованы в виде аутентичных

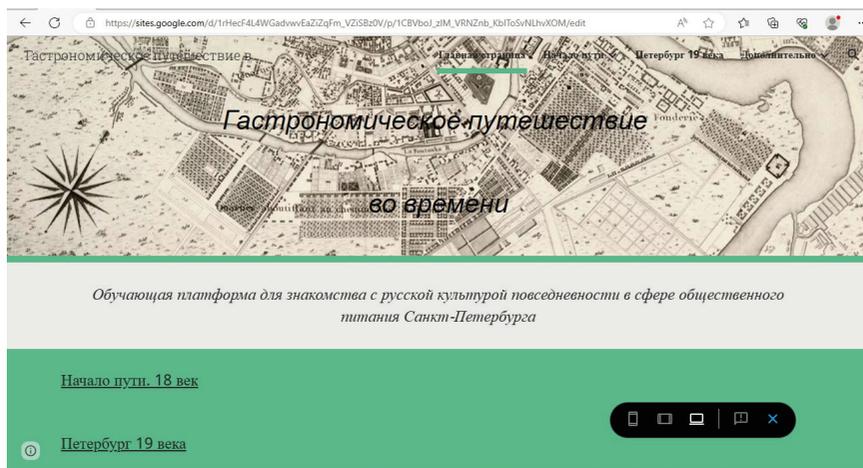

Рис. 1. Стартовая страница интерактивного учебного медиатекста «Гастрономическое путешествие во времени»

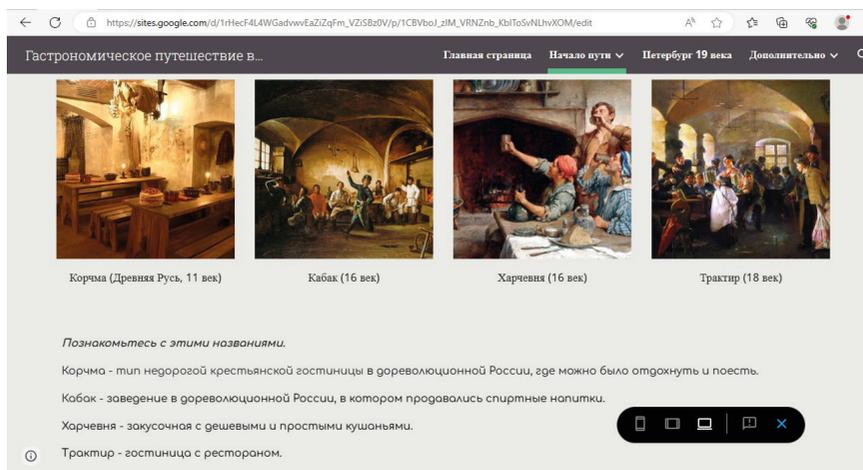

Рис. 2. Пример учебного материала платформы

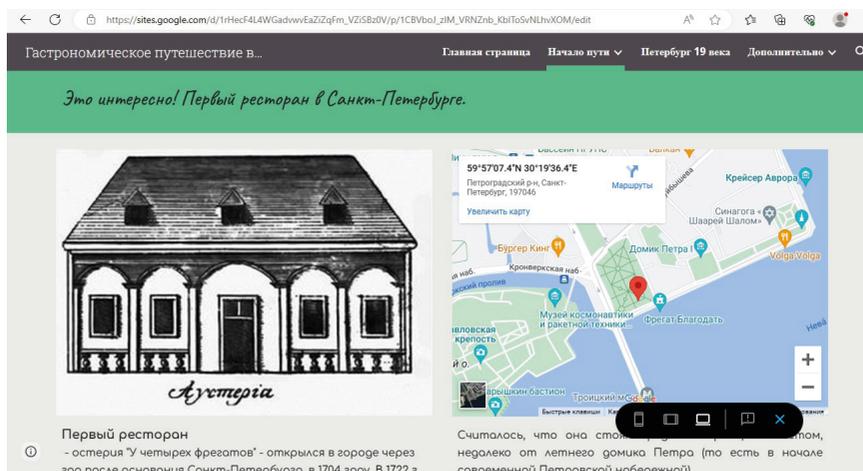

Рис. 3. Пример учебного материала платформы

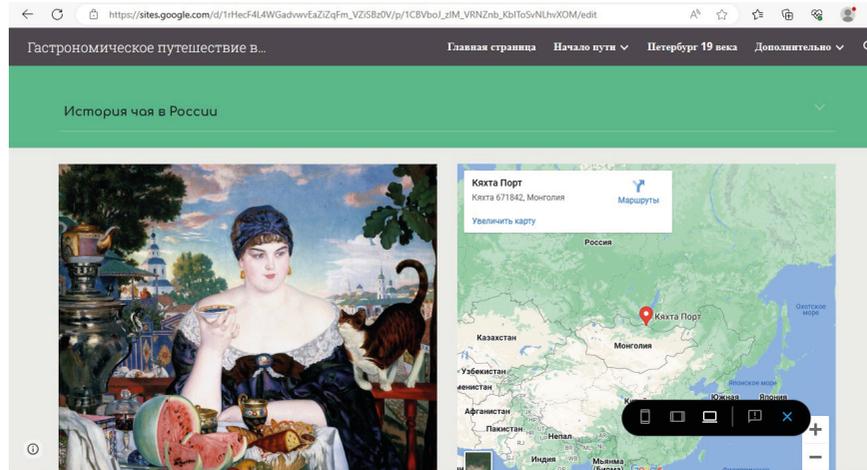

Рис. 4. Пример учебного материала платформы

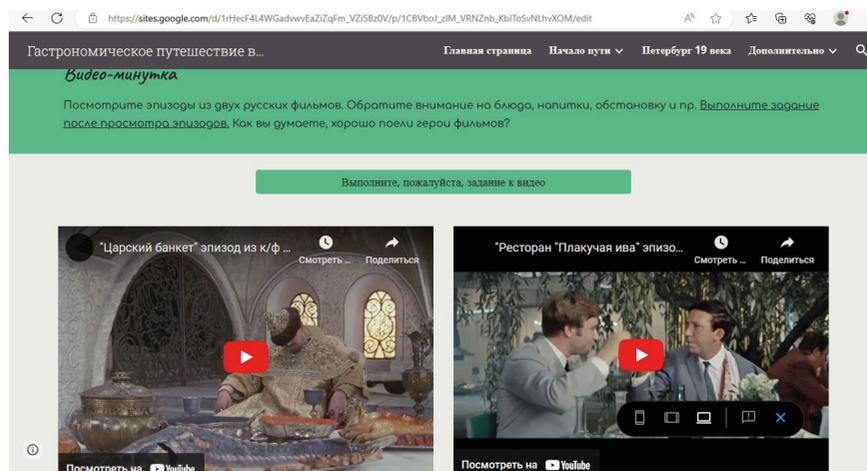

Рис. 5. Пример учебного задания с использованием аутентичных аудиовизуальных материалов

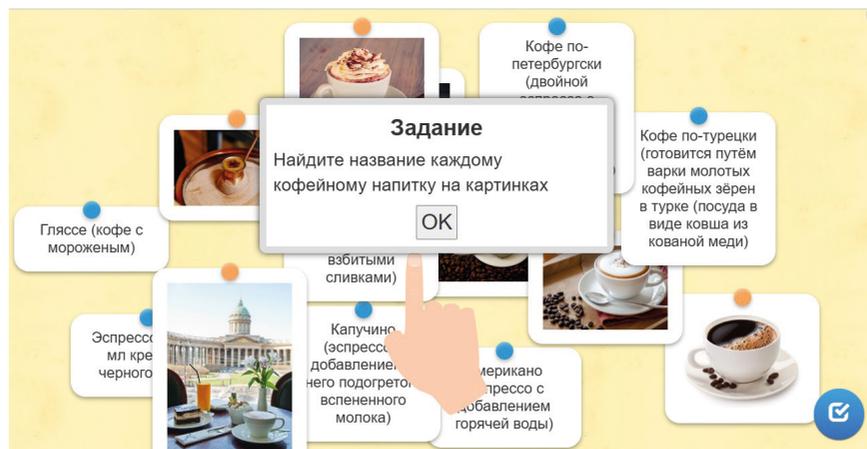

Рис. 6. Пример учебного интерактивного задания

аудиовизуальных материалов (рис. 5), а также интерактивных заданий (рис. 6).

Учебный медиатекст представляет собой современный лингводидактический инструмент — виртуальную социокультурную среду, которая способствует не только усвоению лексического материала, но и созданию позитивного образа России в сознании иностранных учащихся, формированию положительного отношения к русской культуре и традициям, а также повышению интереса к изучению русского языка.

Заключение

Перспективы исследования связаны с оценкой эффективности разработанной методики в процессе обучения лексике иностранных учащихся, а также с созданием учебного словаря «Гастрономический код культуры в лексике языка», который продолжит традицию словарей, направленных на соизучение языка и культуры и имеющих выраженный лингвокультурологический характер. Основная задача такого словаря состоит в раскодировании коннотативного потенциала слова на основе специальных методических приемов: расширения учебного толкования, экспликации ассоциативного и оценочного потенциала лексики, демонстрации его реализации в образных средствах языка и контекстах употребления» [Васильева 2019: 373].

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ И СЛОВАРИ

Андрюшина (ред.) 2015а — *Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный минимум. Общее владение*. Андрюшина Н. П. (ред.). 7-е изд. СПб.: Златоуст, 2015. 200 с.

Андрюшина (ред.) 2015б — *Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный минимум. Общее владение*. Андрюшина Н. П. (ред.). 5-е изд. СПб.: Златоуст, 2015. 164 с.

Андрюшина (ред.) 2019 — *Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный минимум. Общее владение*. Андрюшина Н. П. (ред.). 2-е изд. СПб.: Златоуст, 2019. 200 с.

Бабенко (ред.) 2005 — *Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание. Синонимы. Антонимы*. 2-е изд. Бабенко Л. Г. (ред.). М.: АСТ-Пресс Книга, 2005. 864 с.

Евгеньева (ред.) 1981–1984 — *Словарь русского языка: в 4 т.* Евгеньева А. П. (ред.). М.: Русский язык, 1981–1984.

Шведова (ред.) 2002 — *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т.* Т. 2. Шведова Н. Ю. (ред.). М.: РАН, Ин-т рус. яз., 2002. 762 с.

ЛИТЕРАТУРА

Васильева 2019 — Васильева Г. М. Теоретические и методические ориентиры учебного лингвокультурологического словаря для иностранных студентов-филологов. *Rusistika*. 2019, 17 (3): 366–381.

Васильева и др. 2022 — Васильева Г. М., Некора Н. Е., Александрова А. Е., Сюецян Цзоу. *Культурная вариативность и лексика языка: лингвокультурологические параллели*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2022, 188 с.

Воробьев 1997 — Воробьев В. В. Концентрическая организация языкового материала. В сб.: *Язык и культура: мат-лы юбилейной междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 200-летию РГПУ имени А. И. Герцена и 50-летию преподавания РКИ в университете*. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1997. С. 86.

REFERENCES

Vasileva 2019 — Vasileva G. M. Theoretical and methodological landmarks of an educational linguoculturological dictionary for foreign philologists. *Rusistika*. 2019, 17 (3): 366–381. (In Russian)

Vasileva and др. 2022 — Vasileva G. M., Nekora N. E., Aleksandrova A. E., Xueqiang Zou. *Cultural variability and vocabulary of the language: Linguoculturological parallels*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena Publ., 2022. 188 p. (In Russian)

Vorob'ev 1997 — Vorob'ev V. V. Concentric organization of language material. In: *Iazyk i kul'tura. Materialy iubileinoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 200-letiiu RGPU imeni A. I. Gertsena i 50-letiiu prepodavaniia RKI v universitete*. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGUEF Publ., 1997. P. 86. (In Russian)

О. И. Акифи, Е. Н. Легочкина,
А. И. Кузькина

ВСЯ ЖИЗНЬ — ТЕАТР! РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОЗНАНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ЧЕРЕЗ ЗАНЯТИЯ В ТЕАТРАЛЬНОЙ СТУДИИ (В ПРОГРАММЕ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ФАКУЛЬТЕТА)

OLESYA I. AKIFI, ELENA N. LEGOCHKINA, ALINA I. KUZKINA
*THE WHOLE LIFE IS A THEATER! RECEPTION OF RUSSIAN LITERATURE IN THE MINDS OF FOREIGN CITIZENS
THROUGH CLASSES IN A THEATER STUDIO (IN THE PROGRAM OF THE PREPARATORY FACULTY)*

Целью предлагаемого исследования является обоснование актуальности и необходимости введения элементов театрализации (в форме театральной студии) в основную программу подготовительного факультета для иностранных граждан с целью повышения мотивации изучения русского языка и русской культуры, а также формирования вторичной языковой личности. В качестве материалов исследования использовался реальный практический многолетний опыт применения разных видов театрализации и формирования театральной студии на подготовительном факультете. Методологической базой служат материалы научных работ коллег, методы анализа и сопоставления результатов усвоения русского языка. При проведении практического эксперимента применялись методы аналитического обобщения результатов, практического моделирования, абстрагирования, наблюдения, изучения продуктов творчества слушателей с целью выявления прогресса (или его отсутствия) в усвоении русского языка и реализации рецепции художественного текста. Авторы пришли к выводу, что на усвоение русского языка и формирование вторичной языковой личности театрализация оказывает большое положительное влияние. Формат театральной студии включает создание ситуаций успеха, психологические тренинги, необходимые для свободного общения на иностранном языке, усвоение коннотативной лексики, практическое использование коммуникативной методики, высокий уровень мотивации к обучению. Предлагается ряд конкретных упражнений и форм заданий в ракурсе метапредметного подхода с акцентом

Олеся Игоревна Акифи

кандидат филологических наук, доцент
► mrs.olesiakifi@mail.ru

*Белгородский государственный
технологический университет
имени В. Г. Шухова,
Российская Федерация, 308012, Белгород, ул.
Костюкова, 46*

Olesya I. Akifi

*PhD in Philology,
Associate Professor
Belgorod State Technological University named after
V. G. Shukhov,
46, ul. Kostyukova, Belgorod, 308012,
Russian Federation*

Елена Николаевна Легочкина

кандидат педагогических наук, доцент
► Legochkina@yandex.ru

*Белгородский государственный
технологический университет
имени В. Г. Шухова,
Российская Федерация, 308012,
Белгород, ул. Костюкова, 46*

Elena N. Legochkina

*PhD in Pedagogical Sciences,
Associate Professor
Belgorod State Technological University
named after V. G. Shukhov,
46, ul. Kostyukova, Belgorod, 308012,
Russian Federation*

Алина Игоревна Кузькина

старший преподаватель
► alinakuligin@rambler.ru

*Белгородский государственный
технологический университет
имени В. Г. Шухова,
Российская Федерация, 308012,
Белгород, ул. Костюкова, 46*

Alina I. Kuzkina

*Senior Lecturer
Belgorod State Technological University
named after V. G. Shukhov,
46, ul. Kostyukova, Belgorod, 308012,
Russian Federation*

на рецепцию русской художественной литературы. Образование является одним из мощных рычагов политики «мягкой силы», в связи с чем важно находить новые эффективные и интересные виды проведения занятий. Дополнение стандартной программы факультативными курсами, учитывающими интересы иностранных граждан, позволяет поддерживать интерес к изучению русского языка и русской культуры. Рецепция классических произведений русской литературы играет важную роль в формировании общего культурологического фона, а также формирует понимание русского характера, что важно для лучшей социокультурной адаптации.

Ключевые слова: театрализация, театральная студия, литература для иностранных граждан, методика работы театральной студии, обучение на подготовительном факультете, рецепция художественного текста, вторичная языковая личность.

The purpose of the proposed research is to substantiate the relevance and necessity of introducing elements of theatricalization (in the form of a theater studio) into the main program of the preparatory faculty for foreign citizens in order to increase motivation for learning the Russian language and Russian culture, as well as the formation of a secondary linguistic personality. The real practical long-term experience of using different types of theatricalization and the stages of formation of a theater studio at the preparatory faculty were used as research materials. The methodological basis is the materials of scholarly research of colleagues, methods of analysis and comparison of the results of mastering the Russian language. During the practical experiment, the research methods of analytical generalization of the results, the method of practical modeling, the method of abstraction, observation, and the study of the products of listeners' creative work were used in order to identify progress (or its lack) in the assimilation of the Russian language and the implementation of the reception. Education is one of the powerful levers of the "soft power" policy, and therefore it is important to find new effective and interesting types of classes. Russian language and culture studies are supported by the addition of optional courses to the standard program that take into account the interests of foreign citizens. Russian literature reception plays an important role in the formation of a common cultural background, as well as forms an understanding of the Russian character, which is important for a better socio-cultural adaptation.

Keywords: theatricalization, theater studio, literature for foreign citizens, methods of work of a theater studio, training at the preparatory faculty, reception of a literary text, secondary linguistic personality.

Введение

Любой художественный текст — образец функционирования языка, что особенно важно при коммуникативном подходе. Воспринимаемый как конструкт, состоящий из знаковых образований и являющийся носителем нескольких

видов информации (фактуальной, эмотивно-побудительной, аксиологической и концептуальной [Кулибина 2001]), он становится объектом междисциплинарной заинтересованности. Опираясь на исследования философа-герменевтика Шлейермахера, авторы статьи имеют в виду, что всякая речь должна становиться действенной структурой и обладать динамикой, более того, регулируемые реципиентом творческие импульсы придают речи возможность ее усвоения, понимания и сотворения [Шлейермахер 2004]. Рецепция художественного текста зависит от ряда факторов, в том числе от индивидуальных психологических особенностей человека и его национальной культуры. Именно поэтому важно обращать внимание на восприятие текстов русской художественной литературы в иностранной аудитории. Для более эффективной работы предлагается дополнить образовательную программу организацией театральной студии, которая будет способствовать раскрытию индивидуальной рецепции и корректировать культурологические сложности восприятия. Художественное восприятие превращает художественное произведение в факт сознания реципиента [Левакин 2012: 309]. Таким образом, любая рецепция подразумевает переосмысление и воссоздание, продуктивнее всего это реализуется через театрализацию художественного произведения.

Цель

Цель данного исследования — аргументировать необходимость введения театрализации произведений русской художественной литературы в курсе подготовительного факультета для иностранных граждан (ПФИ) как наиболее продуктивного метода, который не только способствует лучшему пониманию самого текста, но и позволяет освоить коннотативную лексику и сформировать вторичную языковую личность иностранного обучающегося.

Состояние изучения вопроса.

Методы

Для достижения поставленной цели применялись методы изучения источников информации

о рецепции художественного текста, преподавании русской литературы в иноязычной аудитории, методике театрализации. Также применялись методы социально-психологического исследования и наблюдения в фокус-группах на базе подготовительного факультета для иностранных граждан БГТУ им. В. Г. Шухова.

Данной проблеме уделяли внимание Н. Н. Левакин, Ю. Б. Борев, Е. И. Целикова, Е. Р. Ядровская, Д. С. Чайникова и др. Можно утверждать, что исследователи фокусировались на одной из сторон изучаемого вопроса: либо на определении и роли художественной рецепции, либо на проблеме преподавания литературы современному поколению обучающихся, либо на эффективности внедрения театрализации при изучении литературы или иностранного языка. Предлагаемая работа рассматривает все эти важные проблемы комплексно, так как именно их совокупность помогает достичь максимального эффекта в понимании русской литературы, русского языка и культуры, а следовательно, позволяет не только научить коммуникативным основам, но и лучше адаптироваться в российском обществе.

Обсуждение

Современные требования к высшему образованию предполагают получение не только высококвалифицированного специалиста, но и личности, способной к самообразованию, саморазвитию и к быстрой переработке полученной информации. Последнее продиктовано новым, клиповым, мышлением общества. Данный тип мышления с точки зрения традиционной педагогики имеет ряд негативных черт, в том числе неспособность к работе с объемными научными текстами: «Вдумчивое и серьезное чтение, которое было естественным, превратилось в проблему» [Сарг 2008]. При этом клиповое мышление обладает некоторыми преимуществами, например скоростью обработки информации и принятия решений, способностью к многозадачности [Иванова 2022]. Рецепция художественного текста решает проблему необходимости формирования метапредметного подхода с позиции обучения чтению [Романичева 2020],

что также решается методической организацией работы театральной студии. Учитывая данную реальность, требуется вносить коррективы в традиционный педагогический процесс. Одним из способов активизации клипового мышления студентов в аспекте изучения русского языка как иностранного является введение театрализации, а конкретно формирование театральной студии в основной программе подготовительного факультета для иностранных граждан, так как клиповое мышление основывается в основном на иррациональности и чувствах. Именно чувственное восприятие информации предложено при драматизации учебного процесса.

Театральная студия на базе подготовительного факультета для иностранных граждан БГТУ им. В. Г. Шухова ставит главной целью свободное владение русским языком. Для этого требуется не только знание языка бытового общения или научного стиля речи, но и понимание коннотативной лексики, а также русской культуры, особенностей русского речевого этикета и инициативность в продуцировании собственного высказывания на иностранном языке. С учетом этих условий репертуар театральной студии ежегодно корректируется, исходя из особенностей участников студии. Занятие в театральной студии решает сразу несколько задач успешной адаптации: быстрее справиться с коммуникативным шоком, связанным с осознанием различия традиций общения; включает в языковую среду, приближенную к естественной, так как позволяет использовать всю палитру невербальной коммуникации; налаживает межличностные связи и дружеские отношения [Аркатова, Казинцева 2021].

В обязательную часть занятий входят работа с дикцией и основы ораторского мастерства. Не все базируется на классических текстах художественной литературы, многие сценарии создаются по актуальным современным темам.

Произведения русской художественной литературы, а также русского народного творчества обладают способностью уникального эмоционального воздействия на сознание и психологию человека. Иностранцам слушателям подготовительного факультета важен такой толчок для стимулирования

познавательного интереса к русскому языку и русской культуре. В связи с этим первые занятия основаны на инсценировке русских сказок. Рецепция текстов русских сказок (не только народных, но и авторских) становится первым фактором, который заинтересовывает в дальнейшем изучении «этой загадочной русской души».

Стратегия работы в театральной студии состоит в постепенном раскрытии творческого потенциала, работе с лексикой, интонацией, фонетикой и стилистикой русского языка. В статье представлены несколько популярных упражнений и заданий, которые входят в обязательную программу театральной студии.

Стартовое занятие начинается с приветствия. Здраваться необходимо так, чтобы сразу, с первых минут, раскрепостить слушателей и настроить их на активную деятельность. Все последующие занятия тоже начинаются с упражнения приветствия, но именно на стартовом занятии упражнению уделяется максимальное количество времени, так как слова приветствия уже знакомы слушателям и это дает возможность более легкой адаптации в новом коллективе. Также важно отработать правильное произношение приветствия, чтобы сразу определить, что в театральной студии произношению уделяется большое внимание.

Упражнение с приветствием проходит следующим образом. Преподаватель первый здоровается, демонстрирует любой простой жест и называет свое имя. Далее по очереди это повторяют все участники театральной студии. Каждый должен показать свое движение, повторять за другими нельзя, таким образом развиваются креативное мышление и фантазия. Как показывает практика, первые 2–3 занятия слушатели долго обдумывают жесты, каждый раз используя разные. Но со временем каждый из них придумывает свое, уникальное, иногда очень необычное движение, которое действительно подходит к темпераменту его личности. В последующем можно показывать движение, не называя имени. И по этому движению понимают, о ком из присутствующих идет речь. Такое начало позволяет оказать помощь в овладении навыками межличностного общения и совместной деятельности в группе.

Происходит первый этап рецепции — осознание себя и самоидентификация. Кажется, что данное упражнение мало связано с речью, однако это не так. Зачастую слушатели стесняются говорить на иностранном языке, и тогда жестикация отвлекает от проблемы говорения и участник упражнения немного раскрепощается.

Следующий этап — артикуляционная гимнастика. Для слушателей ПФИ предпочтительно проводить упражнения, используя наглядный материал. Например, показывать картинку с животным и просить изобразить это животное с помощью мимики: изобразить лягушку, вытянув язык, как при ловле комара, утку — вытянуть губы, рыбу — втянуть щеки и т. д. Подбор артикуляционных упражнений целенаправлен: происходит не только работа над артикуляцией, но и пополнение словарного запаса, который позже будет использован в инсценировках и станет активным словарным запасом. Например: вытянуть язык, вытянуть губы, тянуть звук — репку тянут (глагол «тянуть»), забор из зубов (слово «забор») — царь Салтан стоял у забора и т. п.

Некоторые русские звуки нелегко даются иностранцам, поэтому делается акцент на произношении этих звуков. Все участники встают в круг. Ведущий бросает мяч, произнося слово, в котором есть трудный звук. Поймавший мяч должен вернуть его, правильно повторив слово (это может получиться не с первого раза, тогда мяч кидают друг другу до тех пор, пока слово не будет произнесено верно).

Для пополнения словарного запаса используются и другие игры-упражнения. В игре «Официант» один участник видит картинку с изображением блюд и напитков (клиент) и пытается при помощи пантомимы сделать заказ второму участнику — официанту, который изображения не видит.

Необходимо развивать и эмоциональный интеллект слушателей. Основная задача университетской программы — интеллектуальное развитие, тогда как именно эмоциональный интеллект является основой личностного развития. В аспекте рецепции художественных текстов русской литературы и понимания иностранцами гражданами русской культуры важно обращать внимание

на развитие эмоционального интеллекта. Игнорирование такого развития может приводить к дезадаптации, препятствовать успешной личностной реализации, деятельности и установлению качественных межличностных контактов на всех уровнях социального взаимодействия [Кузнецова 2022: 286].

Упражнения на развитие эмоций являются обязательными на занятиях в театральной студии, кроме того, они помогают снять напряжение и стеснение. Технология проведения упражнения следующая: на карточках изображены эмоции, которые нужно представить, читая определенный текст. Эмоции могут быть разными, как привычными — грусть, злость, радость, так и нестандартными, например «полный рот каши», «на морозе», «догоняя автобус» и т. д. Текст состоит из двух-трех предложений, включающих лексику из планируемых постановок.

Для развития способности верить в правдивость художественного вымысла предназначены упражнения на тренировку фантазии, способности проживать предлагаемые обстоятельства. Суть упражнений состоит в следующем. Предлагаются различные предметы (стул, ручка, мяч, рамка, половник и тому подобное). Студийцы по очереди берут один из предметов (самостоятельно или по жеребьевке) и превращают предмет, который видят все, в то, на что, по их мнению, он еще похож. Например, «это не мяч, это яблоко» — нужно кусать, будто это яблоко; «это не ручка, это волшебная палочка» — нужно взмахнуть ею, произнося заклинание, и т. д.

Хорошим является стандартное упражнение из методики РКИ — «снежный ком». В театральной студии это упражнение всегда начинается со слов «жили-были», каждое последующее предложение должно дополнять сюжет сочиняемой сказки.

Часто используется упражнение «импровизация». Импровизация сама по себе как педагогический прием очень важна в образовательном процессе, так как «это привлекательная стратегия обучения, которая способствует сотрудничеству, самоконтролю, целенаправленному обучению, а также развитию навыков эмоционального интеллекта» [Пантыкина 2022: 63]. В аспекте

образовательного процесса и рецепции художественного текста импровизация актуальна по следующим причинам: задействует «множественный» интеллект обучаемых; способствует совместному и осознанному обучению; соответствует особенностям поколения с клиповым мышлением (акцент на эмоциональную открытость, ограниченный объем внимания, индуктивное обучение).

Данное упражнение проходит следующим образом: участникам дается ситуация, которую они должны разыграть. Так как предлагаемый этюд не обусловлен точным текстом и даже определенной драматургией, это позволяет слушателям развивать свою творческую фантазию и пополнять лексику теми словами и фразами, которые кажутся наиболее интересными и подходящими. Как форма поведения импровизация способна определять и совершенствовать творческие возможности и является одним из наиболее эффективных инструментов освоения культуры и формирования вторичной языковой личности. Кроме того, навыки, полученные в процессе участия в упражнениях-импровизациях, направлены на развитие личностных навыков вхождения в предлагаемую ситуацию и поддержания творческого процесса. Осознание предлагаемой ситуации предполагает активную личностную рецепцию исходного текста, что позволяет эффективно воздействовать на культурологическую модель поведения в новом обществе.

В качестве упражнения применяется сказка-импровизация, расширяющая социальное взаимодействие, так как в показе студийцы участвуют все вместе. Выбирается любая знакомая сказка — «Теремок», «Колобок» и т. п. На отдельных листочках выписываются все герои, включая деревья, ведра, речку и т. д. Участники тянут бумажки с ролями, преподаватель читает сказку, все герои «оживают». Сюжет может меняться по ходу представления, обрастая новыми подробностями и шутками.

Демонстрация является конечным продуктом занятий в театральной студии. Обычно разыгрывание сюжета происходит на итоговом занятии по завершении изучения темы или блока тем. Например, после того как иностранные слушатели подготовительного факультета (участники

театральной студии) познакомятся с 3–4 народными сказками, одна из них готовится к постановке. Для понимания коннотативной лексики, а также восприятия традиций, конечно, выбирается русская литература. Прежде чем приступить к инсценировке, необходимо познакомить слушателей с неизвестными словами. Для этого используется игра «Посмотри — покажи». Например, в произведении А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» есть слова: корыто, землянка, изба, невод и т. д. Один участник смотрит на картинку с изображением этих предметов и без слов показывает так, чтобы остальные догадались, что изображено. После этого делается акцент на правильном звучании названия предмета на русском языке. Таким образом, в игровой форме формируется наглядность и ассоциативное мышление.

На роли, которые есть в сценарии, пробуются разные участники. Конечно, всегда есть самые активные, которые и сами желают играть во всех постановках любые роли, но необходимо задействовать всех, поэтому все слушатели должны пройти так называемый кастинг. Иногда открываются таланты, о которых сами участники студии не знали.

При постановке произведений обязательно все по очереди выполняют роли критиков и рецензентов: два или три студийца не принимают участие в постановке, но внимательно смотрят ее и записывают свои впечатления. Для написания рецензии предлагается готовый план с указанием, на что следует обратить внимание. План состоит из следующих пунктов: название произведения, автор, актерский состав, соответствие подобранных актеров роли (внешние признаки, темперамент, актерское мастерство), сюжет произведения, эмоциональное впечатление. Каждый из пунктов должен быть аргументирован.

В конце года студийцы организуют светский бал по произведениям классической русской литературы. Тексты, дополненные костюмами, музыкой, танцами и романсами, остаются в памяти иностранных граждан на долгие годы.

Как показывает практика, такая форма работы театральной студии позволяет не только улучшить взаимодействие в многонациональном коллективе, но и значительно обогатить словарный

запас участников (новая лексика, коннотативная лексика, фразеологизмы, этикетные клише), а также помогает себя чувствовать увереннее при общении с носителями русского языка.

Выводы

Работа театральной студии на базе подготовительного факультета способствует лучшей рецепции художественного текста русской литературы, а следовательно, усвоению новой лексики, пониманию русского характера и русской культуры. В рассматриваемой практике работы театральной студии демонстрируются яркие рецептивные возможности театрализации в аспекте понимания иностранцами художественного текста. Многоступенчатая и последовательная работа не сводится к простому чтению и воспроизведению, но способствует реализации метапредметной связи «русский язык — литература — история — культурология — социология».

Сопроводительные комментарии руководителей театральной студии, просмотр экранизаций и театральных постановок по произведениям классической литературы, самостоятельное написание рецензии — все эти приемы, используемые на практике, способствуют пониманию ценностей русского народа, его характерных черт, а также глубокому пониманию текстов и формируют навыки внимательного чтения, отсутствие которых является серьезной проблемой для современного поколения.

Отражение действительности в выбираемых для постановок произведениях, их адаптация под современные реалии, погружение в атмосферу изучаемого дает возможность иностранным слушателям сформировать вторичную языковую личность и легче адаптироваться в российском социуме.

ЛИТЕРАТУРА

Аркатова, Казинцева 2021 — Аркатова О. Г., Казинцева Н. О. Театрально-педагогические технологии как средство социокультурной адаптации иностранных студентов. В сб.: *Запад и Восток в диалоге культур. Сб. мат-лов X Междунар. науч.-практич. конф.* Липецк, 22–26 апреля 2021 г. Царько-

ва В. Б., Люлюшин А. А. (ред.). Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 25–29.

Иванова 2022 — Иванова Н. В. Интерферирующее влияние клипового чтения и пути его преодоления в обучении иностранным языкам. В сб.: *Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: мат-лы докладов XIV Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием*. Саратов, 24–25 февраля 2022 г. Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 149–154.

Кузнецова, Шермет 2022 — Кузнецова О. З., Шермет А. А. Эмоциональный интеллект как составляющая образования будущего специалиста. *Мир науки, культуры, образования*. 2022, 6 (97): 284–286.

Кулибина 2001 — Кулибина Н. В. *Зачем, что и как читать на уроке: художественный текст при изучении русского языка как иностранного*. СПб.: Златоуст. 2001. 324 с.

Левакин 2012 — Левакин Н. Н. Художественная рецепция как литературоведческое понятие (к вопросу понимания термина). *Известия ПГЛУ им. В. Г. Белинского*. 2012, (27): 308–310.

Пантыкина 2022 — Пантыкина Н. И. К вопросу о педагогической импровизации в обучении иностранному языку. В сб.: *Современные тенденции развития фундаментальных и прикладных наук: Мат-лы V Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием*. Брянск, 25 января 2022 г. Коньшаква С. А. (ред.). Брянск: Брянский гос. инж.-технолог. ун-т, 2022. С. 61–63.

Романичева 2020 — Романичева Е. С. Текстовая деятельность как одно из условий успешной реализации метапредметного подхода к обучению. *Мир русского слова*. 2020, (3): 95–101.

Шлейермахер 2004 — Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский дом, 2004. 242 с.

Carr N. 2008 — Carr N. Is Google Making Us Stupid? *The Atlantic*. 2008. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868> (дата обращения: 15.11.2022).

REFERENCES

Аркатова, Казинцева 2021 — Arkatova O. G., Kazinceva N. O. Theatrical and pedagogical technologies as a means of

socio-cultural adaptation of foreign students. In: *Zapad i Vostok v dialoge kul'tur: Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Lipetsk, 2021, April 22–26. Tsarkova V. B., Lyulushin A. A. (eds). Lipetsk: Lipecki gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni P. P. Semenova-Tian-Shanskogo Publ., 2021. P. 25–29 (In Russian)

Иванова 2022 — Ivanova N. V. The interfering influence of clip reading and ways to overcome it in teaching foreign languages. In: *Inostrannye iazyki v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii: Materialy dokladov XIV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Saratov, 2022, February 24–25. Saratov: Saratovskii istochnik Publ., 2022. P. 149–154. (In Russian)

Кузнецова, Шермет 2022 — Kuznetsova O. Z., Shermet A. A. Emotional intelligence as a component of the education of a future specialist. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*. 2022, 6 (97): P. 284–286. (In Russian)

Кулибина 2001 — Kulibina N. V. *Why, what and how to read in the lesson: A literary text when learning Russian as a foreign language*. St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2001. 324 p. (In Russian)

Левакин 2012 — Levakin N. N. Artistic reception as a literary concept (on the question of understanding the term). *Izvestia PGLU im. V. G. Belinskogo*. 2012, (27). P. 308–310. (In Russian)

Пантыкина 2022 — Pantykina N. I. On the issue of pedagogical improvisation in teaching a foreign language. In: *Sovremennye tendentsii razvitiia fundamental'nykh i prikladnykh nauk: Materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, Bryansk, 2022, January 25. Konshakova S. A. (ed.). Bryansk: Izdatel'stvo Brianskogo gosudarstvennogo inzhenerno-tekhnologicheskogo universiteta Publ., 2022. P. 61–63. (In Russian)

Романичева 2020 — Romanicheva E. S. Textual activity as one of the conditions for the successful implementation of a meta-subject approach to learning. *Mir russkogo slova*. 2020, (3). P. 95–101. (In Russian)

Шлейермахер 2004 — Schleiermacher F. *Hermeneutics*. St. Petersburg: Evropeiskii dom Publ., 2004. 242 p. (In Russian)

Carr N. 2008 — Carr N. Is Google Making Us Stupid? *The Atlantic*. 2008. Available at: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868> (accessed: 15.11.2022).

РУССКИЙ ЯЗЫК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

OLGA A. USKOVA, ELENA V. KOZHEVNIKOVA

THE RUSSIAN LANGUAGE OF PROFESSIONAL COMMUNICATION: LINGUISTIC AND LINGUODIDACTIC ASPECTS

Ольга Александровна Ускова

доктор филологических наук, профессор

► olgauskova@mail.ru

Московский государственный
лингвистический университет,
Российская Федерация, 119034,
Москва, ул. Остоженка, 38

Olga A. Uskova

Doctor of Philology, Professor

*Moscow State Linguistic University,
38, ul. Ostozhenka, Moscow,
119034, Russian Federation*

Елена Владиславовна Кожевникова

кандидат филологических наук, доцент

► elvlad2010@mail.ru

Воронежский государственный
университет,
Российская Федерация, 394006,
Воронеж, Университетская пл., 1

Elena V. Kozhevnikova

PhD in Philology, Associate Professor

*Voronezh State University,
1, Universitetskaya pl., Voronezh,
394006, Russian Federation*

В статье рассматриваются проблемы функционирования и описания русского языка в профессиональной сфере общения в реальной и виртуальной среде, принципы описания метаязыков профессионального общения, а также лингвистические и лингводидактические основы преподавания русского языка как иностранного в учебно-профессиональной и профессиональной сферах. Ретроспектива формирования и развития категориального тезауруса языковой репрезентации профессиональной сферы общения позволила обосновать принятое в данном исследовании определение метаязыка профессионального общения и сформулировать принципы его описания (тематико-ситуативная обусловленность, концептуальная, интенциональная и стилевая системы метаязыка). Проведенное исследование показало, что метаязыки профессионального общения в зависимости от среды общения (реальной или виртуальной) используют различные языковые средства для вербализации интенций, что привело, во-первых, к формированию гибридной формы устно-письменной речи в виртуальной среде, во-вторых, к снятию ограничений нормативности профессиональной речи, в-третьих, к смешению жанров текстов устной и письменной речи. Отмеченные лингвистические особенности современного состояния метаязыков профессионального общения, по мнению авторов, должны учитываться при разработке лингводидактических материалов по обучению русскому языку профессионального общения и языку специальности, между которыми существуют значительные различия, определяющие цели и содержание обучения русскому языку как иностранному. Особое внимание уделяется социокультурной компетенции при обучении метаязыку профессионального общения и языку специальности, обоснована целесообразность использования при ее формировании профессионально ориентированного и лингвокультурологического подходов. На основе анализа учебных пособий доказана необходимость создания банка типовых текстов и языковых материалов по каждому уровню русского языка профессионального общения от А2 до С1.

Ключевые слова: русский язык профессионального общения, метаязык профессионального общения, язык специальности, реальная/виртуальная среда общения, медиатекст.

The article deals with the problems of functioning and description of the Russian language in the professional sphere of communication in the real and virtual environment, the principles of description of the meta-languages of professional communication, as well as linguistic and linguodidactic foundations of teaching Russian as a foreign language in educational-professional and professional spheres. The retrospective of the formation and development of the categorical thesaurus of the linguistic representation of the professional sphere of communication allowed

us to justify the definition of professional communication meta-language adopted in this study and to formulate the principles of its description of professional communication metalanguages (thematic and situational conditioning, conceptual, intensional and style systems of the metalanguage). The conducted research has shown that metalanguages of professional communication, depending on the communication environment (real or virtual), use different linguistic means to verbalize intents, which led, firstly, to the formation of a hybrid form of spoken and written speech in the virtual environment, secondly, to the removal of restrictions on the normativity of professional speech, thirdly, to the mixing of genres of texts of spoken and written speech. According to the authors, the noted linguistic features of the current state of metalanguages of professional communication should be taken into account in the development of linguistic materials for teaching Russian language of professional communication and language of specialty, between which there are significant differences, the objectives and content of teaching Russian as a foreign language. Special attention is paid to socio-cultural competence when learning the metalanguage of professional communication and the language of specialty, expediency of using the professional-oriented and linguocultural approaches in its formation has been substantiated. Based on the analysis of the manuals textbooks, the need to create a bank of model texts and language materials for each level of Russian language of professional competence from A2 to C1 was proved.

Keywords: Russian language of professional communication, metalanguage of professional communication, language of specialty, real/virtual communication environment, media text.

Введение

В условиях быстро меняющегося мира и транспарентности языковая система, являясь одним из его конституирующих компонентов, тем не менее претерпевает значительные изменения в плане стратификации стилевой системы, что сопровождается формированием метаязыков профессионального общения и шире — профессионального дискурса.

В связи с этим возникает потребность, во-первых, в изучении особенностей функционирования и описания русского языка, в частности в профессиональной сфере общения, особенно с учетом виртуального и медийного пространств; во-вторых, в актуализации содержания обучения русскому языку как иностранному (далее — РКИ) в рамках учебных дисциплин «Русский язык профессионального общения» и «Язык специальности», с одной стороны, и практико-ориентированных учебных курсов (например, «Русский язык делового общения», «Медиакомму-

никация» / «Язык средств массовой информации» и др.) — с другой.

Обучение языку специальности имеет целью формирование коммуникативной компетенции, структура которой, согласно концепции Д. И. Изаренкова, содержит следующие компоненты: языковая, предметная, дискурсивная, прагматическая, социокультурная компетенции [Изаренков 1990]. Следует подчеркнуть, что предметная компетенция формируется в процессе изучения профильных дисциплин, а содержание обучения русскому языку профессионального общения (далее — РЯПО) включает в себя изучение метаязыка профессионального общения, профессионального дискурса, коммуникативного поведения, языковых и речевых репрезентантов национальных стереотипов общения в типичных ситуациях профессиональной деятельности.

Целью исследования является анализ специфики метаязыков профессионального общения в политической и экономической сферах и способов актуализации языковых и речевых средств в процессе профессиональной и учебно-профессиональной коммуникации (уровни владения РКИ — В1–С1).

Материалом исследования послужили аутентичные тексты экономического, политического, медиа- и бизнес-дискурсов, а также документов, находящихся в свободном доступе, что позволяет методически обеспечить практическую направленность обучения русскому языку в профессиональной и учебно-профессиональной сферах общения.

Методы исследования: концептуальный анализ, контент-анализ, компонентный анализ, контекстный анализ.

Категориальный тезаурус

Термин *русский язык профессионального общения*, по сути, конкретизирует термины *язык профессионального общения* и *язык специальности*, введенные в научный оборот в 60–80-х годах XX в. (в работах О. А. Ахмановой, О. Д. Митрофановой, Е. И. Мотиной, Д. И. Изаренкова и многих других исследователей). Отметим, что в западной лингвистике и методике преподавания иностранных

языков данное направление развивается с 40-х годов прошлого столетия [Ускова, Саакян 2019]¹.

Профессиональное общение определяется как социальное взаимодействие, сопровождающее процесс профессиональной деятельности. Так, в сфере бизнеса в качестве основы взаимодействия выступает коммерческий обмен продуктами как материального, так и интеллектуального характера, *предметом общения* является предпринимательство в области производства и реализации товара, оказания услуг, финансов, маркетинга, логистики и т. д. [Журавлева и др. 2003]. В данном случае наряду с термином РЯПО используется термин *русский язык делового общения* (далее — РЯДО), который применим только к одному модулю РЯПО — «Бизнес».

Согласно концепции, разработанной коллективом авторов ведущих вузов в области методики преподавания русского языка как иностранного (Л. Б. Трушина, Л. С. Журавлева, С. А. Хавронина, Л. П. Клобукова, М. М. Калиновская, И. В. Михалкина, О. А. Ускова [Журавлева 2003]), РЯПО содержит большое количество модулей («Инженерия», «Информационные технологии», «Юриспруденция», «Медицина» и т. д.), каждый из которых включает в себя лингводидактическое описание метаязыков конкретных специальностей. Например, в рамках модуля «Юриспруденция» получают лингвистическое и лингводидактическое описание метаязыки «Частное право», «Корпоративное право», «Международное право» и т. д.

Современная лингводидактика, как западная, так и российская, в качестве лингвистической основы использует положения функциональной лингвистики [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 566; Пражский лингвистический кружок 1967]. В связи с этим широкое распространение получил термин *язык в специальных целях* (далее — *LSP*), под которым понимается профессионально ориентированный регистр речи, функционирующий в определенных областях знания, имеющих систему собственных понятий. Отличительной характеристикой *LSP* является наличие ограничений в плане идиоматики и стилистики, а также наличие специфических структурных конструкций, что дает основания рассматривать

данный лингвистический феномен не только как функциональный регистр речи, но и как часть более широкого понятия *метаязык*.

Классическая трактовка дефиниции *метаязык* подразумевает формализованный язык, выступающий в качестве инструмента построения логических систем, «средствами которого исследуются свойства соответствующих предметных (или объектных) теорий, разграничиваются уровень самих описываемых объектов и *n*-й уровень их описания» [Костомаров 2005: 287]. Как правило, в рамках данного подхода метаязык понимается как *метаязык науки* (лингвистики, физики, математики и др.). Именно данная дефиниция является лингводидактической основой модели обучения иностранных студентов *языку специальности*. Однако следует отметить, что язык специальности является только частью профессиональной сферы общения, которая не идентична учебно-профессиональной, хотя эти сферы и имеют множество пересечений (прежде всего в лексическом плане: наличие специальной лексики, терминологии, профессионализмов). Учебно-профессиональное общение как социальное взаимодействие возникает в процессе учебной деятельности: предмет общения — изучение специальности, цель обучения — формирование предметной компетенции.

Принципы описания метаязыков профессионального общения. Разграничение *профессиональной* и *учебно-профессиональной* сфер общения потребовало разграничить и их языковую репрезентацию и ввести другое понимание метаязыка как узкоспециализированного языка второго плана, нацеленного на удовлетворение коммуникативных потребностей ограниченной группы пользователей.

Данное понимание метаязыка применимо к экспликации языковых репрезентантов *профессиональной* коммуникации, что обуславливает *тематико-ситуативное* ограничение языкового пространства, в рамках которого реализуются модели речевого поведения коммуникантов. Проиллюстрируем, как реализуются данные положения в учебном комплексе «Элитный персонал и К^о» [Ускова, Трушина 2009].

Тематико-ситуативная обусловленность пространства метаязыка определяется следующим:

1. **Темы** общения — предметное содержание общения, которое конкретизируется в подтемах.

Тема: *Взаимодействие с таможенными органами*

Подтемы: 1. *Таможенное складирование*
2. *Растаможивание товара*

2. **Ситуация** общения — экспликация речевого поведения коммуникантов, определяемого следующими условиями:

- а) функциональное место общения (офис);
- б) социальные роли коммуникантов (руководитель/специалист);
- в) экстралингвистическая цель общения (заключение договора).

Например, ситуация *Переговоры с представителями таможенных терминалов:*

- а) офис таможенного терминала;
- б) менеджер по логистике компании, сотрудник таможенного терминала, сотрудник склада временного хранения;
- в) размещение товара на складе временного хранения таможенного терминала.

Решение **коммуникативных задач** позволяет достигнуть заявленных целей общения:

1. Представление менеджером компании сопроводительных документов на товар.
2. Информирование сотрудником таможенного терминала менеджера компании о сроках оформления грузов.
3. Информирование менеджера компании об условиях хранения груза на складе.
4. Обсуждение условий договора.
5. Заключение договора о размещении товара на складе.

Специфика коммуникативных задач определяет выбор речевого жанра устной/письменной (в реальном общении) или письменной/устно-письменной (в виртуальном общении) речи.

Для приведенной в качестве примера ситуации коммуникативные задачи в реальном общении решаются в рамках жанров устной и письменной речи:

- устная форма речи — сообщение (коммуникативные задачи 2, 3), дискуссия (коммуникативная задача 4);

- письменная форма речи — сопроводительные документы на товар (коммуникативная задача 1), договор (коммуникативная задача 5).

В рамках виртуального общения в данной ситуации приводятся тексты следующих жанров:

- письменная форма речи — документы (коммуникативные задачи 1, 5), стандартизованные коммерческие письма (коммуникативная задача 1);
- устно-письменная форма речи — электронные деловые письма, сетевой комментарий (коммуникативная задача 4).

Тематико-ситуативная обусловленность метаязыка профессионального общения (далее — МПО) определяет **предметную компетенцию** пользователя МПО.

Языковую компетенцию пользователя метаязыка профессионального общения формируют знания концептуальной, интенциональной и стилевой систем МПО. При этом концептуальная система является конституирующей составляющей, интенциональная и стилевая — динамической.

Рассмотрим в качестве примера *метаязык бизнеса*.

Концептуальную систему формируют:

- концепты (*бизнес, товар, менеджмент*);
- общие понятия — логико-философские категории (*субъект, объект, пространство, время*);
- базовые понятия (*купля-продажа, стоимость*);
- актуальные смыслы (далее — АС) — информационные единицы, или ментальные содержания, организованные в пропозиционные схемы при помощи структурных отношений или функций («квалификация объекта», «идентификация субъекта по роду деятельности»).

Интенциональная система включает набор интенций (коммуникативных намерений собеседников), таких как *информирование, запрос информации, требование, обязательства, гарантии* и т. д., которые образуют соответствующие группы: *репрезентативы, декларативы, комиссивы, рогативы, адвисивы, экспрессивы, контактивы*.

Стилевая система метаязыка бизнеса находится под воздействием конструктивно-стилевых векторов (далее — КСВ), то есть «отвлеченных стилиевых установок» [Костомаров 2005: 65], которые детерминируют выбор языковых средств и организацию их в пределах конкретного текста:

- КСВ книжности (жанры письменной речи, например бизнес-план, коммерческие письма, отчет и т. д.);
- КСВ разговорности (жанры устной речи, в том числе деловая беседа), например *перекраивать бюджет*;
- КСВ массмедиа (например, жанры рекламы, объявления):

Поскольку наш бизнес есть производная экономических показателей общества, мы ждем, что вы будете отлично разбираться в политической и экономической ситуации, иметь собственное мнение по поводу происходящего в стране, для вас не будут секретом неявные связи в локальной и мировой политике, крупном бизнесе и госструктурах [Ускова 2006].

Следует подчеркнуть, что в настоящее время МПО активно функционируют в виртуальной среде, что оказывает непосредственное воздействие не только на выбор языковых средств для вербализации интенций, но и приводит к смешению жанров, что выявило исследование электронной деловой переписки Ле Тхи Фьонг Линь [Ле Тхи Фьонг Линь 2020]. Как правило, в одном электронном деловом письме содержится информация, которая актуализировалась в нескольких коммерческих письмах, например, в письме-напоминании, письме-предупреждении и письме-претензии. Можно также констатировать, что профессиональное общение преобладает в виртуальной среде, для чего используются как общедоступные мессенджеры (Telegram), так и корпоративные закрытые электронные ресурсы, что вызвало преимущественное использование средств КСВ разговорности, о чем свидетельствуют многочисленные клише разговорной речи в текстах деловой переписки, например: *Не смогла до Вас дозвониться. Завтра мы начнем по Вам работать.*

Принимая во внимание, что общение в виртуальной среде в настоящее время формирует гибридную форму устно-письменной речи (так как текущие вопросы профессиональной деятельности до недавнего времени решались в основном по телефону с соответствующим отсутствием соблюдения норм бизнес-этикета, то все особенности отмечаются в мессенджерах), можно констатировать, что действовавшее ранее требование обязательной нормативности профессиональной речи по умолчанию не соблюдается пользователями. В профессиональной среде виртуального общения допускаются не только ненормы («весьма распространенные, всем известные, но безоговорочно не рекомендуемые» [Костомаров 2014: 93]), но и антинормы («запрещаемые в литературно образованном каноне к употреблению» [Костомаров 2014: 93]).

Результаты лингвистического описания МПО необходимо учитывать, в том числе при отборе текстовых учебных материалов для занятий по языку специальности в группах бакалавров и магистрантов. Однако сегодня в российской системе высшего образования обучение профессиональному общению достаточно условно. Нельзя не согласиться с коллегами, отмечающими, что «особенностью преподавания курса студентам является различная специализация студентов, то есть в одной учебной группе могут быть студенты разных профилей или различных специальностей одного профиля» [Пугачев 2016].

Безусловно, целесообразным и продуктивным является подход, при котором отбор обучающих материалов осуществляется на основе их соответствия тематико-ситуативной направленности, сформированной у студентов концептуальной базе, актуальной интенциональной установке и определенным жанрово-стилевым характеристикам текстов.

Цели и содержание обучения языку специальности и РЯПО

Основными целями обучения русскому языку как иностранному в учебно-профессиональной и профессиональной сферах являются формирование коммуникативной профессионально

Таблица 1. Цели и содержание обучения языку специальности и РЯПО

Показатель	Условно-профессиональная сфера общения	Профессиональная сфера общения
Цели обучения РКИ	<ol style="list-style-type: none"> 1. Овладеть языком специальности. 2. Обеспечить эффективное социальное взаимодействие в условиях учебного процесса 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Овладеть РЯПО. 2. Обеспечить эффективное социальное взаимодействие в процессе профессиональной деятельности
Параметры содержания обучения	<ol style="list-style-type: none"> 1. Коммуникативные потребности студента. 2. Темы и ситуации учебно-профессионального общения. 3. Терминологическая и тематическая лексика. 4. Особенности жанров письменных текстов научной и учебно-профессиональной речи. 5. Коммуникативные умения, обеспечивающие социальное взаимодействие. 6. Коммуникативные стратегии 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Коммуникативные потребности пользователя (специалиста). 2. Темы и ситуации профессионального общения. 3. Пропозиции и языковые средства их выражения, обеспечивающие профессиональное общение. 4. Интенции и языковые средства их выражения, обеспечивающие профессиональное общение. 5. Коммуникативные умения, обеспечивающие социальное профессиональное взаимодействие. 6. Коммуникативные стратегии

ориентированной компетенции, развитие навыков понимания и интерпретации специализированных текстов, а также умение применять знания на практике. Содержание обучения должно включать изучение лексики, грамматики и стилистики, особенностей профессиональной терминологии, а также практику ведения диалога и составления письменных текстов в профессиональной сфере. Кроме того, необходимо уделить внимание развитию культурной и межкультурной компетенций, так как они играют значительную роль в успешном общении на профессиональном уровне.

В то же время существуют принципиальные различия между языком специальности и РЯПО, которые оказывают влияние на определение целей и содержание обучения русскому языку как иностранному (табл. 1).

Обучение языку специальности является, по сути, введением в концептуальную систему МПО, то есть формирует преимущественно языковую и предметную компетенцию, развивает умения и навыки (главным образом чтения литературы по специальности, письмá (рефераты, курсовые работы, выпускные квалификационные работы, кандидатские диссертации, научные статьи, авторефераты), ограниченно — говорения (выступление на семинаре, защита ВКР), комбинированные

умения и навыки — аудирование-письмо (слушание и запись лекций)).

Особого внимания требует формирование **социокультурной** компетенции, наличие которой определяет эффективность профессиональной коммуникации, а отсутствие приводит к коммуникативным неудачам.

Социокультурная компетенция, базирующаяся на знании социокультурного контекста носителя языка и национальных стереотипов общения, является основой межкультурной коммуникации. Формирование социокультурной компетенции у иностранных студентов нефилологических профилей обучения традиционно предполагается в сфере русского языка общего владения, в то же время владение РЯПО становится необходимым условием не только успешного прохождения производственной практики, но и дальнейшей профессиональной деятельности, предполагающей кооперацию с российскими партнерами.

В настоящее время в системе обучения русскому языку как иностранному действует шестиуровневая международная система владения иностранным языком (A1–C2). В сфере профессионального общения была предложена четырехуровневая система РЯПО, которая исключает уровни A1 и C2 (табл. 2) [Журавлева 2003].

Таблица 2. Система уровней владения РЯПО

Уровень РЯПО	Характеристика уровня
Базовый (А2)	Ограниченный круг тем профессионального общения; стандартные ситуации общения; минимальное число коммуникативных задач
Основной (В1)	Расширенный круг тем профессионального общения; изменяющиеся ситуации общения; основные коммуникативные задачи
Продвинутый (В2)	Широкий круг тем профессионального общения; изменяющиеся ситуации общения; большое число коммуникативных задач
Высокий (С1)	Неограниченный круг тем профессионального общения; любые ситуации общения; неограниченное число коммуникативных задач

В рамках всех модулей необходимо произвести отбор языковых и текстовых материалов по каждому уровню (подробнее о критериях отбора см.: [Журавлева 2007; Попова 2022]) и создать банк типовых текстов. Следует подчеркнуть, что переход от уровня к уровню сопровождается качественными и количественными изменениями коммуникативной компетенции, что обусловлено следующим:

- 1) увеличением коммуникативных потребностей пользователя в процессе осуществления профессиональной деятельности;
- 2) усложнением стратегий и тактик общения для достижения экстралингвистических целей общения;
- 3) увеличением объема языкового материала (терминологической и профессиональной лексики; использование лексико-грамматической синонимии и функционально-стилевых средств);
- 4) увеличением количества жанров текстов устной/письменной/устно-письменной речи профессионального общения в реальной и виртуальной среде;

- 5) формированием, развитием и совершенствованием коммуникативных умений, необходимых для вербальной реализации интенций и пропозиций.

Особенности формирования социокультурной компетенции

В целях формирования социокультурной компетенции при обучении языку специальности целесообразно использовать медиатексты. На основе медиатекстов традиционно базируется учебный материал дисциплины «Язык средств массовой информации» (далее — «Язык СМИ»), учебные пособия по которой охватывают следующие темы: «Визиты», «Встречи, переговоры», «Праздники, торжества, поздравления», «Государственное устройство», «Деятельность государственных органов», «Выборы, голосование», «Деятельность международных организаций», «Закон и общество», «Военные действия», «Экономика», «Культура», «Наука и образование», «Здоровье и спорт», «Погода». При работе с иностранными студентами нефилологических профилей обучения более оправданным считаем обращение к медиатекстам экономической и правовой тематики. Так, параллельно с изучением учебной дисциплины «Макроэкономика» целесообразно в качестве текстов для чтения рассматривать информационные сообщения таких тематических блоков, как «Динамика показателя ВВП в странах мира», «Рост благосостояния граждан РФ», «Курс обмена валют ЦБ» и др.; параллельно с изучением учебной дисциплины «Микроэкономика» — «Заработная плата в России», «Инфляция», «Безработица», «Динамика цен», «Деятельность фирмы». Информация медиатекстов является стимулом для продуцирования письменных текстов разных жанров, в том числе курсовых работ и ВКР.

Текстовый материал в пособиях по «Языку СМИ» может быть представлен в виде:

- специально составленных текстов, насыщенных изучаемыми конструкциями;
- минимально адаптированных текстов печатных СМИ (в этом случае ссылка на источник сопровождается указанием *По материалам...*);

- аутентичных неадаптированных текстов (печатных или аудитивных) различного объема, а также их фрагментов.

Выбор степени адаптации и формы представления медиатекста зависит не только от контингента, но и от места самого текста внутри темы / тематического блока: в качестве вводного текста, анонсирующего содержание всей темы (тематического блока), целесообразно использовать специально составленный текст; в качестве дополнительного текста для чтения — неадаптированный фрагмент интервью.

Проиллюстрируем актуализацию материалов медиатекстов на примере учебного пособия «Русский язык в общественно-политической сфере общения. Основной курс» (Часть 1) [Кожевникова, Саввина, Вязовская 2020]. Так, при обучении ознакомительному чтению студентам предлагается два-три аутентичных текста, которые необходимо сопоставить, выделив в их содержании общее и различия. Тексты могут описывать аналогичные/одноименные события, происходившие или одновременно в разных странах (синхронический подход), или в одной стране, но в разное время (диахронический подход):

- 1) **место события:** Россия (2020), КНР (2018) — тексты тематического блока «Изменения в Конституции»; США (2020), Белоруссия (2020), КНР (2018) — тексты тематического блока «Президентские выборы»;
- 2) **время события:** Белоруссия (17.08.2020, 19.08.2020, 24.09.2020) — тексты тематического блока «Итоги выборов».

Разные подходы к компоновке текстов (синхронический и диахронический) позволяют: во-первых, воссоздать наиболее полную картину события, используя при этом максимальный набор речевых средств, реализующих определенный компонент типовой ситуации; во-вторых, акцентировать внимание учащихся на важных деталях и аргументации различных позиций. Кроме того, предполагается возможность дополнять имеющиеся в пособии учебные материалы актуальными. Например, в дополнение к текстам по теме «Саммит G20» (Россия, 2013; КНР, 2016) целесообразно

предложить тексты о саммитах, проходивших в ключевые моменты новейшей истории (Саудовская Аравия, 2020; Индонезия, 2022).

Следует подчеркнуть, что отбор медиатекстов происходит с учетом таких категорий текстуальности, как интенция, информативность, воспринимаемость, ситуативность, интертекстуальность [Рогова 2011]. Ориентация медиатекстов на носителей языка требует наличия у иностранных обучающихся знания социокультурного контекста, на котором базируются эффекты ожидаемости и предсказуемости при восприятии медиатекстов. Формирование социокультурной компетенции предполагает знакомство обучающихся с общепринятой в российском обществе позицией по актуальным вопросам внутренней и внешней политики, отраженной в тексте, а также оперирование языковыми репрезентантами национальных стереотипов общения.

Медиатексты должны отражать «типические ситуации общения, определяющие существование типологизированных семантических составляющих. На этой базе... возможно представить языковые средства их выражения в виде набора конструкций, которые составляют базовые модели языковой компетенции уровня B2» [Попова 2022: 1449]. В целом система заданий и упражнений к актуальным материалам, предъявляемым студентам, изучающим учебную дисциплину «Иностранный язык в профессиональной международной деятельности (русский язык)», аналогична описанной для учебной дисциплины «Язык СМИ» [Кожевникова 2020]. Так, по итогам освоения дисциплины «Язык СМИ» обучающиеся должны продемонстрировать знания основных реалий российской общественно-политической жизни и уровень сформированности рецептивных умений в наиболее частотных типовых ситуациях, характерных для данной сферы общения. Единообразная типология заданий, используемых при работе с различными контингентами, объясняется тем, что включение в курс актуальных текстов служит прежде всего развитию лингвокультурной компетенции и лишь затем — формированию языковой компетенции, в частности расширению лексического запаса, и решению

задач по развитию речевой и прагматической компетенций.

Тексты и задания учебного пособия «Русский язык в общественно-политической сфере общения» позволяют реализовать оба подхода к подаче учебного материала — и профессионально ориентированный, и лингвокультурологический.

Заключение

Описание метаязыков профессионального общения, использование интегрированных подходов в методике преподавания русского языка как иностранного способствуют формированию эффективной системы обучения, удовлетворяющей коммуникативные потребности пользователей.

Применение различных подходов и методов обучения русскому языку как иностранному в профессиональной и учебно-профессиональной сферах общения ориентировано на специфику контингента, стартовый уровень общего владения русским языком и метаязыком профессионального общения.

Дифференциация подходов существенно повышает эффективность процесса обучения, применение гибких моделей обеспечивает его индивидуализацию, способствует успешному усвоению русского языка профессионального общения, что является неотъемлемой частью профессиональной компетенции специалиста.

В условиях цифровизации современного общества виртуальное общение в профессиональной сфере приобретает особую значимость, что требует адаптации методики преподавания РКИ, направленной на формирование специфических навыков и компетенций, необходимых для успешной коммуникации в интернет-пространстве.

Таким образом, анализ проблем функционирования и описания русского языка в профессиональной и учебно-профессиональной сферах общения как в реальной, так и в виртуальной среде позволяет определить ключевые направления развития методики преподавания русского языка как иностранного на современном этапе.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹URL: https://sociolinguistics_dictionary.academic.ru/880 (дата обращения: 11.06.2024).

ИСТОЧНИКИ

Журавлева и др. 2007 — Журавлева Л. С., Калиновская М. М., Клобукова Л. П., Трушина Л. Б., Ускова О. А., Хавронина С. А. *Русский язык в профессиональной сфере общения. Модуль «Бизнес». Лингводидактическое описание целей и содержания обучения. Типовой тест. Базовый уровень (А2)*. М.: Русский язык. Курсы, 2007. 68 с.

Кожевникова, Саввина, Вязовская 2020 — Кожевникова Е. В., Саввина С. Л., Вязовская В. В. *Русский язык в общественно-политической сфере общения. Основной курс: учеб. пособие для изучающих русский язык как иностранный: в 2 ч. Ч. 1*. Кожевникова Е. В. (ред.). Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2020. 150 с.

Лингвистический энциклопедический словарь 1990 — *Лингвистический энциклопедический словарь*. Ярцева В. Н. (ред.). М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.

Ускова, Трушина 2009 — Ускова О. А., Трушина Л. Б. *Элитный персонал и К°. Русский язык делового общения (продвинутый сертификационный уровень): учеб. комплекс*. М.: Русский язык. Курсы, 2009. 288 с.

Ускова, Саакян 2019 — Ускова О. А., Саакян Л. Н. *Мир говорит на русском (теоретические и прикладные аспекты обучения русскому языку как иностранному): учеб.-методич. пособие*. М.: Русская речь, 2019. 176 с.

ЛИТЕРАТУРА

Журавлева и др. 2003 — Журавлева Л. С., Калиновская М. М., Клобукова Л. П., Михалкина И. В., Трушина Л. Б., Ускова О. А., Хавронина С. А. Концепция государственной системы тестирования по русскому языку (модуль «Бизнес»). В сб.: *Русское слово в мировой культуре. Мат-лы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня — 5 июля 2003 г. Методика преподавания русского языка: традиции и перспективы. В 4 т. Т. IV. Проблемы преподавания русского языка: обучение и контроль*. СПб., 2003. С. 255–262.

Изаренков 1990 — Изаренков Д. И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов. *Русский язык за рубежом*. 1990, 4 (126): 54–60.

Кожевникова 2020 — Кожевникова Е. В. Комплексный подход к работе с медиатекстом в китайской аудитории. *Мир русского слова*. 2020, 2: 95–99.

Костомаров 2005 — Костомаров В. Г. *Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики*. М.: Гардарики, 2005. 287 с.

Костомаров 2014 — Костомаров В. Г. *Язык текущего момента: понятие правильности*. СПб.: Златоуст, 2014. 220 с.

Ле Тхи Фьонг Линь 2020 — Le Thi Fyong Lin. *Лингвокультурологический аспект бизнес-коммуникации в условиях виртуальной среды общения (на материале электронной деловой переписки)*. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.

Попова 2022 — Попова Т. И. Модель характеристики текстов в лингводидактическом описании компетенций в сфере русского языка как иностранного (уровень B2). В сб.: *Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 7: Мат-лы VII Конгресса РОПРЯЛ (г. Екатеринбург, 6–9 октября 2021 года)*. СПб., 2022. С. 1444–1449.

Пражский лингвистический кружок 1967 — *Пражский лингвистический кружок: сборник статей*. Кондрашева Н. А. (ред.). М.: Прогресс, 1967. 559 с.

Пугачев 2016 — Пугачев И. А. *Профессионально ориентированное обучение русскому языку как иностранному: теория, практика, технологии*. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2016. 483 с.

Рогова 2011 — Рогова К. А. *Текст: теоретические основания и принципы анализа*. СПб.: Златоуст, 2011. 464 с.

Ускова 2006 — Ускова О. А. *Метаязык бизнеса в языковом пространстве*. М.: Ред. изд. совет МОЦ МГ, 2006. 214 с.

References

Журавлева и др. 2003 — Zhuravleva L. S., Kalinovskaia M. M., Klobukova L. P., Mikhalkina I. V., Trushina L. B., Uskova O. A., Khavronina S. A. The concept of the state system of testing in the Russian language (module “Business”). In: *Russkoe slovo v mirovoi kul'ture. Materialy X Kongressa MAPRIaL. Sankt-Peterburg, June 30 — July 5, 2003. Metodika prepodavaniia russkogo iazyka: traditsii i perspektivy. In 4 vols. Vol. 4. Problemy prepodavaniia russkogo iazyka: obuchenie i kontrol'*. St. Petersburg, 2003. P. 255–262. (In Russian)

Изаренков 1990 — Izarenkov D. I. The basic components of the communicative competence and their formation in the deve-

lopment of the training of students-non-philologists. *Russkii iazyk za rubezhom*. 1990, 4 (126): 54–60. (In Russian)

Кожевникова 2020 — Kozhevnikova E. V. An integrated approach to the media next studies the Chinese audience. *Mir russkogo slova*. 2020, (2): 95–99. (In Russian)

Костомаров 2005 — Kostomarov V. G. *Our language is in action. Essays on modern Russian stylistics*. Moscow: Gardariki Publ., 2005. 287 p. (In Russian)

Костомаров 2014 — Kostomarov V. G. *The language of the current moment: The concept of correctness*. St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2014. 220 p. (In Russian)

Ле Тхи Фьонг Линь 2020 — Le Thi Fyong Lin. *Linguocultural aspect of business communication in a virtual communication environment (based on the material of electronic business correspondence)*. PhD thesis in Philology. Moscow, 2020. (In Russian)

Попова 2022 — Popova T. I. The model of text characteristics in the linguodidactic description of competencies in the field of russian as a foreign language (level B2). In: *Dinamika iazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii. Iss. 7. Materialy VII Kongressa ROPRIaL* (Ekaterinburg, October 6–9, 2021), vol. 7, St. Petersburg. P. 1446–1449. (In Russian)

Пражский лингвистический кружок 1967 — *Prague Linguistic Circle. Collection of articles*. Kondrasheva N. A. (ed.). Moscow: Progress Publ., 1967. 559 p.

Пугачев 2016 — Pugachev I. A. *Professionally oriented teaching of Russian as a foreign language: Theory, practice, technology*. Moscow: Izdatel'stvo Rossiiskogo universiteta druzhby narodov Publ., 2016. 483 p. (In Russian)

Рогова 2011 — Rogova K. A. *Text: Theoretical bases and principles of analysis*. St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2011. 464 p. (In Russian)

Ускова 2006 — Uskova O. A. *The metalanguage of business in the language space*. Moscow: Redaktsionnyi izdatel'skii soviet MOTs MG Publ., 2006. 214 p. (In Russian)

РУССКИЙ МИР АЗИИ

SVETLANA M. PETROVA
RUSSIAN WORLD OF ASIA

Светлана Максимовна Петрова

доктор педагогических наук,
профессор

► metlit@mail.ru

Северо-Восточный федеральный
университет имени М. К. Аммосова,
Российская Федерация, 677000,
Якутск, ул. Белинского, 58

Svetlana M. Petrova

Doctor of Pedagogy, Professor

M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University,
58, ul. Belinskogo, Yakutsk,
677000, Russian Federation

Анализируя проведение международных научно-практических конференций «Русский мир Азии», автор исследует международную деятельность кафедры РКИ филологического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Впервые конференция состоялась 10–12 июня 2022 г. в г. Якутске под эгидой II Международного форума СВФУ «Университеты и развитие геостратегических территорий России». Тема форума — «Роль университетов в обеспечении территориальной связанности России в меняющемся мире». В рамках конференции рассматривалась современная геополитическая ситуация в странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР); исследовалась роль русского языка как эффективного посредника в международном диалоге; оценивалась роль русского языка в аспекте геополитики и геолингвистики руководством Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) и сотрудниками МИД РФ; приводились мнения ученых российских вузов и русистов из Казахстана, Таджикистана, Узбекистана о роли русского языка. Вторая конференция «Русский мир Азии» состоялась 10–12 апреля 2023 г. на площадке Таджикского национального университета в Душанбе (Республика Таджикистан). В статье раскрываются содержание и цели обеих конференций, определяется значимость каждой конференции в продвижении русского языка в странах АТР, Африки, Ближнего Востока, говорится о поисках и находках русистов СВФУ в области обучения русскому языку как иностранному, в частности о внедрении в структуру обучения эффективного приема цифровой ойкумены в виде графико-символического анализа художественного текста. Сделан вывод о важности консолидации ученых-русистов российских и зарубежных вузов при создании учебной литературы нового поколения по русскому языку для иностранцев на основе культурологических подходов, с учетом менталитета обучающихся, языковых и культурных традиций.

Ключевые слова: Русский мир Азии, международная конференция, русский язык как иностранный, страны Содружества Независимых Государств.

Analyzing the holding of international scientific and practical conferences “Russian World of Asia”, the author examines the international activities of the Department of Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. The conference was first held on June 10–12, 2022 in Yakutsk under the auspices of the II International Forum of NEFU “Universities and Development of Geostrategic Territories of Russia”. The theme of the forum was “The Role of Universities in Ensuring Territorial Connectedness of Russia in a Changing World”. The conference discussed the current geopolitical situation

in the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS) and the Asia-Pacific Region (APR); studied the role of the Russian language as an effective mediator in international dialogue; assessed the role of the Russian language in the aspect of geopolitics and geolinguistics by the leadership of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature (MAPRYAL), the Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature (ROPRYAL) and employees of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; The opinions of scientists from Russian universities and Russian specialists from Kazakhstan, Tajikistan, and Uzbekistan on the role of the Russian language were presented. The second conference “Russian World of Asia” was held on April 10–12, 2023, at the Tajik National University in Dushanbe (Republic of Tajikistan). The article reveals the content and goals of both conferences, defines the significance of each conference in promoting the Russian language in the countries of the Asia-Pacific region, Africa, and the Middle East, talks about the searches and discoveries of NEFU Russian specialists in the field of teaching Russian as a foreign language, in particular, about the introduction of an effective method of digital ecumene in the form of graphic and symbolic analysis of a literary text into the teaching structure. A conclusion is made about the importance of consolidating Russian specialists from Russian and foreign universities when creating a new generation of educational literature on the Russian language for foreigners based on cultural approaches, taking into account the mentality of students, linguistic and cultural traditions.

Keywords: Russian World of Asia, international conference, Russian as a foreign language, the Commonwealth of Independent States countries.

Введение. Русский язык — это язык смыслов

Исследователи языка едины во мнении, что язык — это мощный инструмент управления социумом. Язык помогает продвижению страны на международной арене, становится полноправным участником диалога культур. «Язык стимулирует уважительное отношение к языкам и культурному наследию других народов» [Андреева 2022: 169–174].

Вопрос, касающийся поддержки и популяризации русского языка за рубежом, впервые был поднят президентом Российской Федерации В. В. Путиным в послании от 27 апреля 2007 г.: «Считаю необходимым поддержать инициативу российских лингвистов о создании Национального фонда русского языка, главными целями которого должны стать развитие русского языка в стране, поддержка программ его изучения в ближнем и дальнем зарубежье и в целом популяризация русского языка и литературы в мире»¹.

Основным скрепляющим элементом Русского мира является русский язык. С этой проблемой связаны многочисленные аспекты национально-культурной идентичности в современном мире. Сейчас как никогда остро стоит вопрос: как сохранить культурную идентичность Русского мира? За многие годы русский язык менялся. После известных событий 90-х годов прошлого века влияние русского языка в бывших союзных республиках заметно уменьшилось. Сегодня в связи с положительными изменениями в сфере бизнеса, торговли, туризма, культуры, образования можно говорить о тенденциях восстановления русским языком потерянных позиций. Во многих странах ближнего зарубежья русский язык продолжает оставаться языком межнационального общения. Огромную роль в сохранении русского языка не только в бывших союзных республиках, но и в дальнем зарубежье играют русскоязычные диаспоры [Подгорская 2017: 99–100]. Их деятельность важна в стратегическом плане перспективного развития России. Одной из основных задач современной языковой политики Российской Федерации является укрепление интереса к русскому языку, культуре, истории. В разные годы русский язык, литература, история оказали благотворное влияние на культурную атмосферу разных стран. Русская литература второй половины XIX — начала XX в. повлияла на развитие зарубежной литературы (Г. Флобер, Э. Золя, Ги де Мопассан, Ч. Диккенс, Г. Гейне и др.). В связи с событием планетарного масштаба — полетом Ю. А. Гагарина в космос — во многие языки мира вошли такие слова, как *космос*, *спутник* [Гончарова, Золотарева 2022: 193–195].

Как справедливо отмечает исследователь, «Язык — это достоинство нации» [Шестак 2011: 102–109]. Язык отражает историческую память народа, его прошлое, традиции, устоявшиеся правила жизни, настоящее и будущее. Язык отражает взгляд русского человека на мир. К сожалению, в последнее время русский язык подвергается искажениям, связанным с внедрением слов, чуждых русскому менталитету. Он засоряется разного рода жаргонизмами, англицизмами (*тинейджер* вместо «подросток», *саммит* вместо

«конференция», *электорат* вместо «народ»). Подобные потери в языке наиболее ярко отражаются в сфере массмедиа и рекламе. Язык является важным социальным инструментом. Сегодня, как никогда, из-за различного рода угроз со стороны недругов важно сохранить русский язык. В связи с этим возникает вопрос: какова русистика будущего? Исследователи считают, что будущее языка — это геолингвистика, георусистика, ибо предметом георусистики должен быть российский вариант русского языка [Рудяков 2016].

Русский язык в Китае

Главным партнером России во многих сферах политической, экономической, культурной, образовательной жизни является Китайская Народная Республика. Интерес Китая к России, русскому языку насчитывает многовековую историю. В последнее время интерес к русскому языку в Поднебесной резко возрос. Его изучают в школах, колледжах, вузах. При этом нужно отметить, что отношение к русскому языку в этой стране на современном этапе носит профессиональный, практико-ориентированный характер. Требуется использование современных технологий обучения, популярных интернет-ресурсов, обязательны внеклассная работа, просмотр российских фильмов с дальнейшим их обсуждением. В то же время китайские русисты признают нехватку высококвалифицированных местных преподавателей русского языка [Новикова 2011: 68–75]. Однако, как показала практика, непонимание у студентов вызывает использование методики преподавания русского языка и литературы, которая принята в российской практике (диалог, беседа, свободный разговор, принцип субъект-субъектных отношений). Существующие стандарты обучения русскому языку в Китае не соответствует практике. Для решения всех этих давно назревших вопросов нужна кооперация китайских и российских специалистов. Но главной проблемой в области русистики является качество учебников по русскому языку. Многочисленные конференции, форумы по актуальным проблемам преподавания русского языка и литературы завершаются одинаковым

вопросом: когда будут учебники нового поколения по этому предмету? Ответ всегда бывает одинаковым: нужно создавать универсальную методологическую базу, интегрированные учебные пособия, курсы повышения квалификации китайских преподавателей русского языка, разрабатывать новейшие онлайн-курсы, организовывать конкурсы, викторины, посвященные знанию русского языка, литературы, истории, культуры. Исследователь справедливо отмечает, что для решения назревших проблем необходимы «...разработка и внедрение интегрированных учебных пособий по обучению русскому языку. Ведущие вузы России могут стать фундаментальными площадками для создания специальных методических и культурных центров по обучению китайских коллег особенностям преподавания русского языка и культуры. Важен учет лучших педагогических традиций и инноваций с обеих сторон» [Андреева 2022]. Интересный опыт практико-ориентированного мультимедийного лингвострановедческого словаря «Россия» представлен в статье Е.Г. Ростовской [Ростова 2017: 172–176].

I Международная научно-практическая конференция «Русский мир Азии»

Проведению конференции предшествовала большая работа по установлению международных связей на протяжении 10 лет со дня создания кафедры РКИ. Это был период накопления знаний, опыта, установления деловых контактов с коллегами российских и зарубежных вузов. Наиболее плодотворным оказалось сотрудничество с китайскими вузами, в частности с Институтом русского языка Хэйлунцзянского университета (директор — доктор филологических наук, профессор Сунь Чао), Чанчуньским институтом науки и технологий, Цзилиньским педагогическим университетом. Очень эффективной оказалась работа с Хэйлунцзянским Восточным университетом по системе академической мобильности 2+2. Больше 20 человек окончили оба вуза согласно данной системе. Пять человек поступили в магистратуру СВФУ по РКИ. Из числа китайских бакалавров, окончивших филологический факультет СВФУ, семеро обучается в аспирантуре СВФУ.

В настоящее время на разных факультетах СВФУ обучается около 800 иностранцев из стран АТР, Ближнего Востока, Африки. Больше всего иностранцев из Китая. Процесс обучения сопровождается совершенствованием методики, открытием новых, более эффективных форм, приемов и средств обучения, среди которых авторская методика с использованием графико-символического анализа художественного текста в структуре обучения русскому языку как иностранному. Традиционным стало проведение Дня русского языка и литературы в странах, с которыми заключены договоры о сотрудничестве (Китай, Монголия, Япония, Южная Корея), открыты центры русского языка и литературы СВФУ в Харбине, Чанчуне (Китай), Ханое (Вьетнам), Душанбе (Республика Таджикистан).

Международное сотрудничество Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова с азиатскими странами ближнего (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия) и дальнего (Китай, Вьетнам, Монголия) зарубежья приобретает все более глубокий характер, что нашло отражение в проведении международных конференций «Русский мир Азии», в ходе которых устанавливаются не только дружеские, но и профессиональные связи, становятся более понятными проблемы восприятия Русского мира.

I Международная научно-практическая конференция «Русский мир Азии», определившая дальнейшее развитие русистики в Северо-Восточном федеральном университете имени М. К. Аммосова, состоялась 10–13 июня 2022 г. в г. Якутске под эгидой II Международного форума СВФУ «Университеты и развитие геостратегических территорий России». Тема форума — «Роль университетов в обеспечении территориальной связанности России в меняющемся мире». На конференции широко освещались современная геополитическая ситуация в странах СНГ и АТР, продвижение русского языка за рубежом с участием кафедры русского языка как иностранного филологического факультета СВФУ.

Участие в столь представительном форуме руководства МАПРЯЛ и РОПРЯЛ (Н. В. Бруновой, А. В. Коротышева), представителей

Департамента по международной информационной безопасности МИД России (доктора исторических наук, профессора А. В. Крутских и кандидата политических наук О. А. Мельниковой), выдающихся ученых-лингвистов (доктора филологических наук, профессора СПбГУ С. А. Кузнецова), педагогов (доктора педагогических наук, доцента МПГУ О. Е. Дроздовой), представителей Республики Таджикистан (доктора филологических наук, профессора Таджикского национального университета (ТНУ), руководителя Русского центра ТНУ М. Б. Нагзибековой), Кыргызской Республики (доктора филологических наук, профессора Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына Н. А. Ахметовой), Республики Казахстан (доктора филологических наук, профессора Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева Е. А. Журавлевой), Республики Узбекистан (кандидата экономических наук, проректора по международному сотрудничеству А. А. Уринова, старшего преподавателя А. Р. Косимова из Ферганского государственного университета), а также представителей российских вузов сделали конференцию знаковым явлением форума.

Выступая на пленарном заседании конференции, генеральный секретарь МАПРЯЛ, исполнительный директор РОПРЯЛ Н. В. Брунова отметила, что данная конференция является важным мероприятием для профессионального сообщества преподавателей, российских и зарубежных русистов. В программе конференции нашли отражение вопросы преподавания русского языка как государственного языка Российской Федерации, использования Национального корпуса русского языка, цифровизации образования. Не остались без внимания вопросы сотрудничества с российскими и зарубежными вузами, а также пути развития филологической науки в СВФУ. В выступлении специального представителя Президента РФ по вопросам международной информационной безопасности, доктора исторических наук, профессора А. В. Крутских была высказана мысль о том, что Русский мир нельзя насаждать силой, он приемлем только на основе общего понимания единства культур, безопасности и суверенитета

всеми национальными культурами России [Русский мир Азии 2022: 178]. В выступлении кандидата политических наук О. А. Мельниковой отмечена возрастающая зависимость от информационно-коммуникационных технологий, что делает человечество уязвимым. Выступающая обратила внимание на то, что киберпреступность в современном мире приобрела поистине глобальный характер. Именно через все возрастающую роль интернет-среды сегодня осуществляются попытки дестабилизации общества и оказания давления на государственную власть. Цифровые гиганты, действуя в информационном пространстве, подчиняются юрисдикции других государств. По оценкам экспертов, именно они представляют главный источник информационных угроз для цифрового суверенитета государств [Русский мир Азии 2022: 180].

Автор уникального «Большого толкового словаря русского языка», изданного в Пекине, доктор филологических наук, профессор, директор Центра коммуникативных компетенций, замдиректора НИИ проблем государственного языка СПбГУ Кузнецов С. А. говорил о роли русского языка в современном мире, о том, что «русский язык, используемый в функции государственного, должен обладать всеми необходимыми свойствами понятного русского языка — он должен быть ясным, конкретным, точным и логичным языком, потому что государственный русский язык — это язык смыслов» [Русский мир Азии 2022: 181]. Доктор педагогических наук, завлабораторией междисциплинарных исследований МПГУ О. Е. Дроздова подняла очень важную проблему функциональной и элементарной грамотности, необходимости метапредметного обучения русскому языку, при котором дидактическим полем являются все области образовательного процесса.

Русский язык в странах СНГ

Интересный разговор о месте и роли русского языка в странах Центральной Азии состоялся при участии гостей конференции. В своем выступлении проректор по международным отношениям Ферганского государственного университета

Республики Узбекистан, кандидат экономических наук А. А. Уринов отметил, что в многонациональной, многоконфессиональной республике, какой является Узбекистан, проживает более 130 национальностей и что языковая политика была и остается одним из главных аспектов в развитии человеческой цивилизации. Выступающий справедливо указал, что диалог между различными цивилизациями может быть достигнут только на основе культуры языков, на уровне национальной культуры, что является основой для любого государства и нации. Русский язык в Узбекистане сохраняет свое место в экономике, общественной жизни страны, воспринимается «как язык-посредник» в полиэтнической среде и как язык — носитель научно-технической информации. В Узбекистане 943 школы с русским языком обучения. В российских вузах обучается около 324 тыс. ребят из Узбекистана. В то же время выступающий отметил сложную ситуацию с русским языком в странах Центральной Азии. Здесь его пытаются всячески «очистить»: переименовывают города и местности, убирают окончания в своих именах и фамилиях, делаются попытки замены кириллицы на латиницу. Выступление Уринова дополнил старший преподаватель Ферганского государственного университета А. Р. Косимов, который говорил о важности дошкольного образования, так как в некоторых детских садах языки вообще не изучаются.

Актуальные проблемы языковой политики в Республике Таджикистан

Республику Таджикистан на конференции представляла доктор филологических наук, профессор Таджикского национального университета, руководитель Русского центра ТНУ М. Б. Нагзибекова. Русский язык в Таджикистане является языком межнационального общения. В республике 38 русских общеобразовательных школ, в 175 школах имеются классы с русским языком обучения. По данным Министерства образования Республики Таджикистан, на 2020/21 учебный год этих классов насчитывалось 3422, где обучалось более 100 тыс. учащихся. С 2012 г. в рамках

российско-таджикского проекта 50 российских преподавателей работают в средних школах Таджикистана. В апреле 2019 г., в соответствии с Соглашением между Таджикистаном и Россией, подписанными президентами двух республик, Россия построит пять русских школ, каждая на 1200 учебных мест. В 11 вузах Таджикистана функционируют отделения и факультеты русской филологии. В российских вузах обучается более 25 000 студентов из Таджикистана. В Душанбе открыты филиалы ведущих российских вузов. В Таджикистане функционирует более 20 российских диссертационных советов. Русский язык активно используется в СМИ. В 2017 г. в Худжанде был открыт филиал Российского центра науки и культуры (Россотрудничество). Открытие культурно-информационных центров в столицах России и Таджикистана связано с желанием укрепить позиции русского языка в СНГ. Несмотря на столь оптимистичное изложение языковой политики в Таджикистане, ученые республики, учителя-практики говорят и о набравших проблемах преподавания русского языка в национальной школе: о необходимости создания практико-ориентированной методики обучения русскому языку в таджикской школе. Для успешного преподавания русского языка необходимо глубоко проникнуть в методику преподавания русского языка как неродного, которая представляет собой специфическую область в общей дидактике, отличную от методики преподавания русского языка в русской и иностранной аудитории и от методики преподавания иностранных языков. Для практического решения этой проблемы необходимо пересмотреть учебные планы факультетов русского языка педагогических институтов, университетов, приблизить их к жизни и учитывать специфику национальной школы. Серьезной проблемой при изучении русского языка является то, что класс не делится на группы, хотя при изучении другого иностранного языка класс делится на группы. В такой ситуации учитель испытывает большие трудности в учебном процессе. Не хватает учителей русского языка и литературы в сельских школах. Там нет русской языковой среды, поэтому ученики не говорят или очень плохо говорят по-русски. В связи с этим важно создавать центры

«Русское пространство» не только в столице республики но и в регионах республики [Бабаджанова 2023: 68–82].

О билингвизме в Кыргызской Республике

О языковой политике в Кыргызской Республике рассказала профессор Н. А. Ахметова. Официальным языком здесь является русский язык. В Бишкеке функционирует Кыргызский российско-славянский университет имени Первого президента России Б. Н. Ельцина. Острые языковой политики в республике должно быть направлено на развитие билингвизма, который открывает широкие перспективы для формирования людей новой генерации. Бережно относясь к родному языку и культуре, важно дополнительно владеть еще одним языком как эффективным инструментом коммуникации и познания мира. Примером билингва является известный киргизский писатель Ч. Айтматов, чьи произведения знают во всем мире, потому что он писал на русском языке и его рассказы и романы сначала стали достоянием российской аудитории, а затем были переведены на многие иностранные языки.

Трилингвизм и языковая политика в Республике Казахстан

О трилингвизме как основе языковой политики в Республике Казахстан говорила профессор Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева Е. А. Журавлева. Государственным языком является казахский язык, русский язык — это язык межнационального общения, а английский язык — это язык интеграции Республики Казахстан в мировое сообщество. В Казахстане обучение с дошкольного возраста ведется на родном и русском языках. Когда ребята оканчивают школу, они сдают ЕНТ (Единое национальное тестирование, аналог российского ЕГЭ). Затем школьники и студенты сами выбирают язык обучения. Однако, как показала практика, уровень владения русским языком у выпускников школ разный. Окончившие школу в городе или в поселке городского типа достаточно хорошо владеют

русским языком, чего не скажешь о выпускниках сельских, отдаленных от города школ. Есть большие проблемы с преподаванием русского языка в вузе, который вынужден работать по программе для иностранцев, то есть по РКИ, хотя уровень владения русским языком у студентов достаточно высокий. Хотелось бы, чтобы обучение в вузе было дифференцированным, с учетом уровня владения языком студентами разных групп.

Основные темы для обсуждений, представленные на конференции: роль русского языка в формировании нравственной сферы общества, гуманитарные аспекты информационной безопасности, Национальный корпус русского языка, цифровая ойкумена. Материалы конференции нашли отражение в сборнике [Русский мир Азии 2022]. Тематика профессиональных интересов авторов статей обширна: обучение русской грамматике на основе данных Национального корпуса русского языка; табу как универсальное явление в традиционных культурах народов (русские старожилы и якуты); новые подходы к использованию цифровых технологий; развитие научно-исследовательской компетенции у иностранных обучающихся на разных уровнях подготовки; использование национальной специфики при изучении тем культурологического характера; новые подходы к обучению русскому алфавиту в китайской аудитории; возрожденные имена Якутии (писатель Харысхал); диалектический взгляд на поэму А. Кулаковского «Сон шамана»; ассоциативный эксперимент как способ изучения фрагментов языкового сознания студентов СВФУ; сравнительно-сопоставительный анализ коммуникативного поведения русских и китайцев; метафизические смыслы романов Андрея Геласимова «Холод» и Сакё Комацу «Гибель Дракона»; образ Якутии в русской лирике и др.

I Международная научно-практическая конференция «Русский мир Азии» ознаменовалась обращением участников к Президенту Российской Федерации В. В. Путину о внесении изменений в Положение о русском языке. Под руководством выдающегося ученого-лингвиста С. А. Кузнецова, при поддержке ученого-методиста из МПГУ О. Е. Дроздовой, а также при активном

участии представителей различных министерств, ведомств, образовательных учреждений участники конференции составили письмо главе государства с поддержкой языковой политики, а также с дополнениями, касающимися актуальных проблем сохранения русского языка. Выводы, сделанные в результате проведения конференции, легли в основу II Международной научно-практической конференции «Русский мир Азии», прошедшей на территории Республики Таджикистан и продемонстрировавшей сотрудничество двух вузов как доказательство крепкого профессионального союза якутских и таджикских ученых.

II Международная научно-практическая конференция «Русский мир Азии»

10–12 апреля 2023 г. по инициативе Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова в Душанбе на базе Таджикского национального университета (ТНУ) состоялась II Международная научно-практическая конференция «Русский мир Азии», посвященная Году русского языка в странах СНГ. Делегацию СВФУ возглавил ректор А. Н. Николаев. Конференция прошла при участии факультета русской филологии, Научно-исследовательского института, Русского центра ТНУ при поддержке МАПРЯЛ, Фонда «Русский мир». В Русском центре ТНУ был открыт Центр русского языка, литературы и культуры СВФУ.

Материалы конференции нашли отражение в сборнике [Русский мир Азии 2023]. Рассмотрены актуальные проблемы современного обучения русскому языку как родному и/или неродному; новые модели обучения РКИ и РКН, цифровые технологии в учебном процессе; проблемы сопоставительной типологии и теории перевода; проблемы реализации программ (основных, повышения квалификации, профессиональной переподготовки в азиатских вузах); русский язык как компонент мультилингвальной образовательной среды за рубежом.

Авторами статей стали русисты не только Российской Федерации, но и стран ближнего

(Республик Таджикистан, Казахстан, Узбекистан) и дальнего (Турция) зарубежья. Конференция выявила общие проблемы в обучении русскому языку иностранцев. Авторы статей поднимали такие важные вопросы сотрудничества в области русистики, как методологические и теоретические основы оптимизации обучения в высших заведениях, тонкие грани методики обучения русскому языку в нерусской/иностранной аудитории, построение учебного процесса на интегративной основе, филологическая регионалистика в преподавании РКИ, новые подходы в преподавании лингвокультурологии, лингвокультурологический подход в обучении фразеологии на начальном этапе РКИ.

Конечно, в век Интернета невозможно обойтись без использования современных технологий, что нашло отражение в ряде статей: например, о применении мультимедийных технологий и адаптированного текста при изучении жизни и творчества Л. Н. Толстого, применении цифровых сервисов и инструментов создания обучающего контента для образовательного процесса, современных технологиях этнокультурного компонента в обучении РКИ. Для обсуждения поднимались практико-ориентированные компетентностные задания совершенствования практической подготовки бакалавров. Все более актуальной становится проблема перевода при сравнительном анализе двух и более языков. При современном потоке информации не потеряло своей значимости исследование существующих лагун в методике обучения русскому языку иностранцев, а также приобщение иностранных обучающихся к произведениям русской литературы как к неисчерпаемому кладу мудрости, историческому опыту народа России. Не теряет своей актуальности методика обучения русскому языку учащихся начальных классов в узбекской школе. Русисты Таджикистана ищут ответы на трудные вопросы современного обучения русскому языку школьников и студентов. А что делать с детьми-билингвами, которые требуют нестандартного подхода к их обучению? Каковы условия эффективной социальной адаптации детей-мигрантов в образовательных и языковых учреждениях

России? На эти и многие другие вопросы нужно находить адекватные ответы.

Заключение

III Международную научно-практическую конференцию «Русский мир Азии» планируется провести во Вьетнаме на площадке одного из вузов этой страны. Две проведенные конференции помогли не только выявить «болевые точки» восприятия, понимания и осмысления русского языка азиатской аудиторией, но и найти выход из создавшегося положения с позиции педагога. Не все решает техника, технология, различные мультимедийные средства обучения. Важен профессиональный взгляд педагога-новатора, умеющего не только слушать, но и слышать свою аудиторию. Сегодня как никогда важны практические ответы на самые сложные вопросы обучающихся. Проведенные конференции углубляют понимание решаемых проблем, расширяют траекторию поисков нестандартного решения вопросов: какой он, русский язык? какая она, русская литература? какой он, мир русского языка? что такое русский мир? Правильные ответы помогут понять сложный современный мир и роль русского языка в нем.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/25522> (дата обращения: 20.11.2023).

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева 2022 — Андреева Е. Ю. Русский язык как инструмент продвижения Русского мира (на материале Китайской Народной Республики). *Социально-экономические науки*. 2022, (4): 169–174.
- Бабаджанова 2023 — Бабаджанова М. М. Знать язык — познать мир: изучение и поддержка русского языка в Республике Таджикистан. *Этнодиалоги*. 2023, 1 (70): 68–82.
- Гончарова, Золотарева 2022 — Гончарова Н. А., Золотарева Н. В. Языковая глобализация: влияние русского языка на культуры и язык в мире. *Глобальный научный потенциал*. 2022, 4 (133): 193–195.
- Новикова 2011 — Новикова А. К. Преподавание русского языка в Китае: этнометодические и этнокультурные особенности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность*. 2011, (1): 68–75.

Подгорская 2017 — Подгорская А. В. Русский язык и русский мир как факторы диалога культур. *Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России*. 2017, 2 (12): 99–100.

Ростова 2017 — Ростова Е. Г. Доступность средств обучения русскому языку и культуре как фактор укрепления позиций русского языка в мире. В сб.: *Уроки русской словесности. Сб. науч. тр.* Константинова Л. А. (ред.). Тула; М.: Изд-во Тульского гос. ун-та, 2017: 172–176.

Рудяков 2016 — Рудяков А. Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире. М.: ООО «Лексрус», 2016. 392 с.

Русский мир Азии 2022 — *Русский мир Азии. Сб. мат-лов Междунар. науч.-практич. конф. в рамках II Форума «Университеты и развитие геостратегических территорий России», посвящ. десятилетию кафедры РКИ филол. фак. СВФУ им. М. К. Аммосова*. 10–12 июня 2022, г. Якутск. Якутск: Издат. дом Сев.-Вост. федер. ун-та, 2022. 200 с.

Русский мир Азии 2023 — *Русский мир Азии. Сб. мат-лов II Междунар. науч.-практич. конф. «Русский мир Азии», посвящ. Году русского языка в странах СНГ*. 10–12 апреля 2023, г. Душанбе. Душанбе: Изд-во Таджикск. нац. ун-та, 2023. 420 с.

Шестак 2011 — Шестак Л. А. Русский язык в мире и мир в русском языке: язык как будущее. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2011, 8 (62): 102–109.

REFERENCES

Андреева 2022 — Andreeva E. Yu. Russian language as a tool for promoting the Russian world (based on the material of the People's Republic of China). *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2022, (4): 169–174. (In Russian)

Бабаджанова 2023 — Babadzhanova M. M. To know the language is to know the world: Studying and supporting the Russian language in the Republic of Tajikistan. *Etnodialogi*. 2023, 1 (70): 68–82. (In Russian)

Гончарова, Золотарева 2022 — Goncharova N. A., Zolotareva N. V. Language globalization: The influence of the Russian language on cultures and languages in the world. *Global'nyi nauchnyi potentsial*. 2022, 4 (133): 193–195. (In Russian)

Новикова 2011 — Novikova A. K. Teaching the Russian language in China: Ethnomethodological and ethnocultural features. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniia. Iazyki i spetsial'nost'*. 2011, 1: 68–75. (In Russian)

Подгорская 2017 — Podgorskaia A. V. The Russian language and the Russian world as factors in the dialogue of cultures. *Traditsionnye natsional'no-kul'turnye i dukhovnye tsennosti kak fundament innovatsionnogo razvitiia Rossii*. 2017, 2 (12): 99–100. (In Russian)

Ростова 2017 — Rostova E. G. Availability of means of teaching the Russian language and culture as a factor in strengthening the position of the Russian language in the world. In: *Uroki russkoi slovesnosti. Sb. nauch. tr.* Konstantinova L. A. (ed.). Tula; Moscow: Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2017. P. 172–176. (In Russian)

Рудяков 2016 — Rudyakov A. N. *Geophysics: Russian language in the global world*. Moscow: ООО «Leksrus» Publ., 2016. 392 p. (In Russian)

Русский мир Азии 2022 — *Russian World of Asia. Collection of scientific papers of the international scientific and practical conference within the framework of the II Forum "Universities and the development of geostrategic territories of Russia", dedicated to the 10th anniversary of the Department of Russian Philology of the Faculty of Philology of NEFU named after M. K. Ammosova*. June 10–12, 2022. Yakutsk: Izdatel'skii dom Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta, 2022. 200 p. (In Russian)

Русский мир Азии 2023 — *Russian World of Asia. Collection of scientific papers of the II International scientific and practical conference "Russian World of Asia", dedicated to the Year of the Russian language in the CIS countries*. April 10–12, 2023, Dushanbe. Izdatel'stvo Tadzhiiskogo natsional'nogo universiteta Publ., 2023. 420 p. (In Russian)

Шестак 2011 — Shestak L. A. Russian language in the world and the world in the Russian language: Language as the future. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2011, 8 (62): 102–109. (In Russian)

ФИЛОЛОГИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

TATYANA A. DEMESHKINA

PHILOLOGY AT THE NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY: HISTORY AND MODERNITY

Татьяна Алексеевна Демешкина

доктор филологических наук, профессор

► demeta@rambler.ru

Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
Российская Федерация, 634050,
Томск, пр. Ленина, 36

Tatyana A. Demeshkina

Doctor of Philology, Professor

National Research Tomsk State University,
36, pr. Lenina, Tomsk,
634050, Russian Federation

В статье представлен краткий обзор научных направлений, развивающихся в рамках филологической школы Национального исследовательского Томского государственного университета. Показано, что начиная с момента открытия историко-филологического факультета в 1917 г. и до наших дней томская филология развивается на основе базовых принципов, определяющих ее успешность: а) соединение традиций и новаторства; б) преемственность поколений; в) интеграция научного и образовательного процессов; г) широкое взаимодействие с ведущими российскими и зарубежными научно-образовательными центрами; д) пионерный характер научных разработок; е) продуктивность; ж) выполнение роли просветительского центра, популяризатора русской словесной культуры. Наряду с широко известными, признанными в России и за рубежом школами (о чем свидетельствует присуждение Государственной премии РФ в области науки и техники двум коллективам) активно развиваются новые прикладные и междисциплинарные направления. Результаты исследований внедряются в учебный процесс, что проявляется в открытии новых программ, создании учебно-методических пособий, разработке авторских курсов. На базе Томского государственного университета издается пять научных филологических журналов, которые занимают высокие рейтинговые позиции и служат площадкой для обсуждения проблем лингвистики, литературоведения, издательского дела, переводоведения, имагологии, лексикографии. Филологи участвуют в реализации федеральных целевых программ по русскому языку, их исследования поддерживаны многочисленными грантами. На протяжении всего существования вуза томские филологи ведут просветительскую деятельность в сфере русской культуры, сегодня молодые исследователи создают научно-популярные проекты, разрабатывают цифровые платформы по изучению языка и литературы. Томская филологическая школа — это не географическое понятие, поскольку в ней участвуют представители разных вузов России, объединенные объектом исследования, научными подходами, совместными публикациями. Несмотря на широту и уникальность научных направлений, томская филология обладает общими чертами, характеризующими ее как единое целое.

Ключевые слова: томская филология, наука, образование, традиции, новаторство, просветительство.

The article provides a brief overview of scholarly directions developing within the philological school of the National Research Tomsk State University. It is shown that from the opening of the Faculty of History and Philology in 1917 to the present day, Tomsk philology has been developing on the basis of the main principles that determine its success:

a) the combination of traditions and innovation; b) continuity of generations; c) integration of scholarly and educational processes; d) extensive interaction with leading Russian and foreign scholarly and educational centers; e) the pioneering nature of scholarly developments; f) productivity; g) fulfilling the role of an educational center, a popularizer of Russian verbal culture. Along with well-known schools recognized in Russia and abroad (as evidenced by the awarding of State Prizes of the Russian Federation in the field of science and technology to two teams), new applied and interdisciplinary areas are actively developing. The results of research are introduced into the educational process, which is manifested in the opening of new programs, the creation of teaching aids, and the development of authors' courses. Tomsk State University publishes five scholarly philological journals, which occupy high ranking positions and serve as a platform for discussing problems of linguistics, literary criticism, publishing, translation studies, imagology, and lexicography. Philologists participate in the implementation of federal target programs in the Russian language, their research is supported by numerous grants. Throughout their existence, Tomsk philologists have been conducting educational activities in the field of Russian culture, and today young researchers create popular science projects and develop digital platforms for the study of language and literature. Tomsk Philological School is not a geographical concept, since it involves representatives of different universities in Russia, united by the object of research, scholarly approaches, and joint publications. Despite the breadth and uniqueness of scholarly fields, Tomsk philology has common features that characterize it as a single whole.

Keywords: Tomsk philology, science, education, traditions, innovation, enlightenment.

Введение

Томский государственный университет ведет подготовку филологов с 1917 г., с того момента, когда был открыт историко-филологический факультет и в его составе были образованы кафедры русского языка и словесности, теории и истории культуры, сравнительного языкознания, классической филологии и романо-германской филологии. Первым деканом и одновременно заведующим кафедрой русского языка и словесности был известный филолог — профессор Александр Дмитриевич Григорьев (этнограф, диалектолог, фольклорист), выпускник Московского университета. В 1922 г. филологическое отделение, сделав единственный выпуск специалистов, было закрыто и вновь открыто в 1941 г. в составе историко-филологического факультета.

В военные годы на факультете трудились профессора Ю. С. Сорокин, Р. М. Самарин, А. А. Белец-

кий. В послевоенные годы на факультет пришли высококвалифицированные молодые специалисты, профессора, которые возглавили основные научные направления и кафедры филологического отделения: Н. Ф. Бабушкин — принявший руководство кафедрой советской литературы, открытой в 1957 г.; Н. А. Гуляев — ставший заведующим кафедрой русской и зарубежной литературы; А. А. Скворцова — заведующая кафедрой русского языка и Л. Д. Тарасов — заведующий кафедрой классической филологии. Эти годы являются периодом зарождения и становления лингвистической и литературоведческой научных школ.

С 1974 г. филологический факультет существует как самостоятельный. Его первым деканом стал профессор Н. Н. Киселев.

Более чем столетняя история развития филологии в Томском государственном университете дает основания задуматься над тем, что же определяет успешность ее развития.

Безусловно, основным фактором успешности существования томской филологии является ее «встроенность» в систему университета исследовательского типа, в котором органично сочетаются наука, образование и культура. Базой образовательного процесса на филологическом факультете всегда были и остаются научные исследования, проводимые в рамках научных школ. Интеграция науки и образования доказала свою результативность, и с этой точки зрения факультет представляет собой уникальное образование, поскольку он единственный в Томском университете (и не только в Томском), коллектив которого с шестилетним перерывом дважды получил Государственную премию Российской Федерации в области науки и техники. В 1991 г. премия была присуждена за исследование «Библиотека В. А. Жуковского в Томске» под руководством Ф. З. Кануновой, а в 1997 г. премию получили диалектологи за «Комплексное исследование говоров Среднего Приобья» под руководством О. И. Блиновой.

За высоким признанием научных результатов в сфере филологии стоит подвижнический труд литературоведов и лингвистов многих поколений. Необходимо отметить тот факт, что премии явились не только итогом работы, но, что еще более

важно, дали мощный импульс для дальнейшего развития науки на факультете, в том числе по новым направлениям.

Обсуждение

Томская диалектологическая школа

Ровесницей факультета является Томская диалектологическая школа (далее — ТДШ), включенная в перечень ведущих научных школ, получившая поддержку Совета по грантам Президента РФ (2003–2005) и являющаяся, как было отмечено, лауреатом Государственной премии РФ.

Истоки школы восходят к 1917–1918 гг. и связаны с именем первого заведующего кафедрой русского языка и словесности Императорского Томского университета профессора А. Д. Григорьева.

Становление школы приходится на 1940–60-е годы XX столетия. Как научная школа ТДШ сложилась в 1960–80-х годах, ее основными направлениями стали теоретико-методологическое, лексикологическое, мотивологическое, словообразовательное, топонимическое, лингвистическое и др. Основателями названных направлений стали профессора В. В. Палагина, О. М. Соколов, О. И. Блинова, И. А. Воробьева, М. Н. Янценецкая, Г. А. Раков, Л. А. Захарова.

Сегодня школа насчитывает 80 представителей, информацию о которых отражает библиографический словарь «Томская диалектологическая школа в лицах» [Блинова (ред.) 2005; 2006а; 2017]. Сквозь призму персоналий можно получить информацию об аспектах и научных достижениях, о вкладе в теорию диалектологии и русистики в целом участников школы, работающих в разных городах и вузах. Итоги работы ТДШ за период 1917–2018 гг. по тем или иным направлениям отражены в монографии, библиографических указателях [Блинова (ред.) 2006б], статьях [Демешкина 2011]. Исследования, предпринятые диалектологами в XXI в., продолжают традиции и в то же время создают и развивают новые направления.

Так, среднеобские говоры анализируются в методологическом, семасиологическом, лексикографическом, синтаксическом, когнитивном,

лингвокультурологическом, источниковедческом, историографическом, дискурсивном, жанроведческом, гендерном, лингвоперсонологическом аспектах.

На базе среднеобских диалектных данных разработаны общетеоретические проблемы диалектологии и русистики: проблема лексико-семантической категории образности, вариативности, мотивированности, категории времени, проблемы метаязыкового сознания, метода (лексикографического, мотивологического, полевого и др.), высказывания, заимствований, языковой личности, метафорического миромоделирования, гендерной лингвистики и лингвистики памяти.

Одним из наиболее активно развивающихся направлений является лексикографическое. Н. А. Лукьянова отмечает: «В современной отечественной лексикографии Томская школа — несомненный лидер по общему количеству изданных диалектных словарей, по их общей типологии, по количеству разработанных новых типов словарей, многие из которых не имеют аналогов в отечественной и зарубежной лексикографии, по широте охвата лексики и фразеологии среднеобских говоров, наконец, по общему количеству опубликованных томов» [Лукьянова 2003: 4].

На сегодняшний день коллективом ТДШ опубликованы 43 словаря (66 тома), представляющих 27 словарных типов. Так, в 2018 г. в рамках гранта РНФ вышло сразу несколько словарей, среди которых: «Словарь детства: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием)»; «Томский старообрядческий словарь»; «Словарь сибирского свадебного обряда». Полная информация о диалектных словарях и библиографические данные представлены на сайте Лаборатории общей и сибирской лексикографии¹.

ТДШ продолжает шагать с веком наравне. Это проявляется в развитии методов цифровой лексикографии, корпусной лингвистики. За достаточно короткое время создан Томский диалектный корпус, включающий более трех миллионов словоупотреблений.

Системно реализуется принцип интеграции научного и учебного процессов. Создано более 20 учебных и учебно-методических пособий, среди

которых цикл онлайн-курсов по диалектологии «Традиционная культура в зеркале русских говоров», разработанных сотрудниками ТГУ в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» и расположенных на портале «Образование на русском»².

Представители ТДШ всегда занимались популяризацией науки, стремились привить любовь к народному слову, вели передачи на радио, телевидении, писали статьи в газетах и журналах. В последние годы с развитием интернет-технологий это направление получило второе дыхание. Коллективом молодых исследователей создан научно-популярный словарь, в том числе в электронном формате³. Молодые диалектологи активно работают в соцсетях, участвуют в реализации проекта «Технопредки».

Наряду с исследованиями, выполненными на диалектном материале, лингвистическому анализу подвергаются тексты художественной литературы в аспекте проблемы восприятия (руководитель — доцент Л. Б. Крюкова), дискурсы радио и телевидения (руководитель — профессор Н. Г. Нестерова). По этим направлениям написана серия монографий, статей, защищены кандидатские и докторские диссертации.

В течение многих лет успешно развиваются исследования по истории языка под руководством Л. А. Захаровой, Г. Н. Стариковой, а также исследования по антропонимике и топонимике. Результаты нашли отражение в кандидатских диссертациях, монографиях, статьях.

Научно-методическое обеспечение образовательного процесса связано с открытием в начале XXI в. образовательных программ в ТГУ «Русский язык как иностранный». За достаточно короткое время усилиями квалифицированных преподавателей, Н. Г. Нестеровой, Г. Н. Стариковой, Т. Б. Банковой, и их молодыми коллегами, С. В. Ермоленко, М. М. Угрюмовой, А. В. Хизниченко, создан комплект учебно-методической литературы, в том числе в цифровом формате. Наибольшую известность и признание коллег получили массовый открытый онлайн-курс «Зарисовки о Сибири. Город Томск» (руководитель — Н. Г. Нестерова)⁴, учебное пособие «Поговорим о русской живописи: русское

искусство на уроках РКИ» [Старикова 2017]. Созданы два мультимедийных комплекса «Русский язык как иностранный (уровень А2, В1)»⁵ и получены свидетельства об их государственной регистрации.

Литературоведческие школы и направления

Ядро научной школы «Проблемы исторической поэтики в русской литературе XVII–XIX вв.» составляет коллектив кафедры русской и зарубежной литературы, которая была создана в 1956 г. На ее базе в 1960–1980 гг. сложилась томская филологическая (литературоведческая) школа, у истоков которой стояли такие выдающиеся ученые, как А. И. Белецкий, М. П. Алексеев, М. К. Азадовский. Руководителем школы (1960–1991) была доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и лауреат Государственной премии России Ф. З. Канунова. Неоценимый вклад внес в развитие школы профессор А. С. Янушкевич, заведующий кафедрой и руководитель школы с 1991 по 2016 г.

Томский университет является признанным научным центром по изучению творческого наследия великого русского поэта, переводчика и общественного деятеля В. А. Жуковского. Исследование, проведенное авторским коллективом и легшее в основу трехтомной монографии «Библиотека В. А. Жуковского в Томске» [Канунова (ред.) 1978; 1984; 1988], получило широкое признание в России (о чем свидетельствует присуждение Государственной премии РФ) и за рубежом. Д. С. Лихачев отмечал, что это принципиально новый тип филологического исследования, сочетающий библиографическое и архивное изыскания, историко-литературный комментарий, масштабное теоретическое обобщение и культурологическую рефлексию.

В настоящее время завершается работа под руководством заведующего кафедрой, доктора филологических наук, профессора В. С. Киселева над грандиозным проектом — Полным собранием сочинений В. А. Жуковского в 20 томах. Первый том был вышел в мае 1999 г. в издательстве «Язык русской культуры» и стал подарком читателю

к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина [Жуковский 1999]. По рейтингам «Литературной газеты» и «Книжного обозрения», это собрание сочинений было признано лучшей книгой мая — июня 1999 г. Сегодня опубликовано 17 томов.

Важным направлением литературоведческой школы является изучение жанровых процессов в русской литературе. Исследовательская трилогия Ф. З. Кануновой о русской повести от Карамзина до Гоголя, работы А. С. Янушкевича о прозаическом цикле, Э. М. Жиликовой о сентиментальной традиции в литературе 1840–1850-х годов, О. Б. Лебедевой о русской высокой комедии, И. А. Поплавской о жанре послания, Е. Г. Новиковой о тургеневской повести, Н. Е. Разумовой о чеховской прозе, А. В. Петрова о синтетической природе жанра «Мертвых душ» Гоголя, Н. В. Хомука о традиции барокко в прозе Гоголя, А. А. Казакова о жанровом своеобразии полифонических романов Достоевского, статьи О. Н. Бахтиной о древнерусской повести, Е. А. Макаровой о житийной традиции в творчестве Н. С. Лескова, И. А. Айзиковой о прозаических опытах Жуковского — за всем этим открывается картина жанровых исканий русской литературы, возникает широкая историко-литературная перспектива.

В начале XXI в. в фокусе внимания литературоведов оказалась проблема литературы и религии. Вопросы религиозной рефлексии русских романтиков получили освещение в работах Ф. З. Кануновой и И. А. Айзиковой, Е. Г. Новиковой и др.

Давней традицией томских литературоведов является изучение русско-европейских литературных связей. Исследованы проблема «Жуковский и Руссо», рецепция Жуковским идей и образов немецких просветителей, русско-английские, русско-итальянские литературные связи. В 2000 г. в мюнхенском издательстве (Германия) на русском языке вышла монография О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича «Германия в зеркале русской словесной культуры XIX — начала XX в.» [Лебедева, Янушкевич 2000].

Не иссякает интерес томских филологов к проблемам регионального самосознания и вопросам сибирской литературы и критики, традиции изучения которых были заложены

в трудах Ф. З. Кануновой о ссыльных декабристах-литераторах, А. С. Янушкевича о проблемах регионального самосознания и сибирских журналах, Е. Г. Новиковой о Н. И. Наумове и областниках, И. А. Айзиковой и И. А. Поплавской о сибирской теме на страницах русских журналов; серией публикаций В. А. Доманского о творчестве и трагической судьбе Н. А. Клюева.

В настоящее время томское сибиреведение и проблемы, связанные с конкретными аспектами регионального самосознания, объединяют исследователей всего факультета.

Результаты научных изысканий школы «Проблемы исторической поэтики в русской литературе XVII–XIX вв.» нашли воплощение в учебных пособиях, опубликованных в центральных издательствах, авторских курсах и магистерской программе «Современная мировая литература и электронные медиа», открытой в 2022 г.

В рамках Томской литературоведческой школы активно разрабатывается научное направление «Феноменология и поэтика русской литературы XX–XXI вв.», руководителем которого является В. А. Суханов, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы XX–XXI в. и литературного творчества. Кафедра была создана в 1957 г. как кафедра советской литературы, затем дважды переименована (кафедра теории литературы и русской литературы XX в., кафедра истории русской литературы XX в.). Современное название получено в 2022 г.

Первый этап развития кафедры связан с именем первого заведующего — Н. Ф. Бабушкина, талантливого ученого и организатора научной и учебно-методической работы, возглавлявшего кафедру до 1969 г. и определившего научные направления работы.

Следующий этап связан с именем доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Н. Н. Киселева, возглавлявшего кафедру с 1969 по 1997 г. В конце 1960-х — середине 1970-х годов развиваются три научных направления: 1) изучение драматургии XX в.; 2) изучение эпической литературы XX в. (очерк, рассказ, повесть, роман); 3) изучение теоретических проблем метода и жанра.

Исследования проблем метода и жанра в теоретическом и историко-генетическом аспектах посвящены жанровой типологии, взаимодействию жанров, проблемам связи жанра и метода, истории их функционирования в разные периоды литературного развития XX в. Изучали прозу XX в. доценты, кандидаты наук А. А. Ачатова, Е. А. Сафронова, А. П. Казаркин. Это научное направление получает дальнейшее развитие в работах Т. Л. Рыбальченко, А. С. Сваровской и их учеников: А. Н. Губайдуллиной, Н. С. Гулиус, Н. С. Гавриловой, П. П. Каминского, Т. А. Рытовой, В. А. Суханова, М. А. Хатямовой и др.

Современный этап развития научной школы (с 1999 г.) проходит в рамках междисциплинарной темы «Феноменология и поэтика русской литературы XX–XXI вв.». Научный коллектив учитывает те реальные изменения, которые произошли и в литературном процессе последних десятилетий, и в методологии исследования литературы. Для современного этапа характерны принципы системности в исследовании литературного процесса XX в., равноправности и равнозначности эстетических явлений, необходимые для всей полноты литературного процесса и формирующейся в нем картины мира, в том числе феноменов русской литературы советского периода, рассматриваемых без идеологических искажений.

Развиваются как уже существующие, так и новые направления: «Переводческая деятельность русских писателей XX в.» (доц. А. Б. Стрельникова), «Поэтика повествования в русской прозе XX в.» (проф. М. Н. Хатямова), «Русская классика и современная литература» (В. Ю. Баль), «Литература русского зарубежья» (И. И. Назаренко). Оформились и отдельные направления, связанные с исследованием метатекста и метатекстовых структур (доц. Т. Л. Рыбальченко), современной детской литературы (доц. А. Н. Губайдуллина) и культурного ландшафта Томска второй половины XX в. (проф. В. А. Суханов). В отдельное направление оформилось изучение творчества нобелевского лауреата И. А. Бродского, которое осуществляется с привлечением отечественных и зарубежных исследователей. Впервые за Уралом издан сборник научных материалов о поэзии

И. Бродского «Чернеть на белом, покуда белое есть» [Рыбальченко (ред.) 2006].

Научное направление «Русско-европейский культурный трансфер в языке и литературе» успешно развивается в рамках кафедр романо-германской и классической филологии.

Кафедра романо-германской филологии в Томском государственном университете была открыта в 1919 г. и закрыта в связи с реорганизацией гуманитарного образования в 1922 г. Вновь кафедра была открыта в 1995 г., что явилось ответом на вызовы времени: а именно, на подготовку филологов со знанием иностранных языков, способных проводить исследования в области компаративистики. Коллектив начинает вести сравнительные исследования в области литературоведения, переводоведения, лингвистики, получившие системный характер с приходом профессора О. Б. Кафановой, возглавлявшей кафедру с 2000 по 2009 г., заложившей основы для расширения международных связей кафедры с университетами Франции, Германии и объединившей сотрудников кафедры для выполнения проекта «Русская и зарубежная словесность: рецепция, перевод, коммуникация».

С 2009 по 2015 г. кафедрой заведовала Д. А. Олицкая. Благодаря ее усилиям были открыты бакалаврская и магистерская программы «Профессионально-деловая коммуникация на иностранных языках» и «Текстовые технологии: создание и перевод», успешно осуществляемые в течение последних десяти лет.

С 2015 г. по настоящее время кафедрой руководит доктор наук, профессор Н. Е. Никонова. Научная работа кафедры на современном этапе отличается большой продуктивностью и осуществляется по направлениям, связанным с исследованиями в области истории и теории перевода, рецепции, межкультурной коммуникации. В разработку этих направлений, наряду с общенациональной русской и европейской литературой, вовлекаются региональные (преимущественно сибирские) тексты. На этих материалах разрабатывается широкая проблематика, вводятся в научный оборот новые источники из истории и современности художественного перевода, анализируются актуальные тенденции в полидискурсивных

исследованиях по современной германистике и англистике, международным контактам русской литературы и журналистики, изучаются технологии создания и перевода текстов на родных и иностранных языках; осуществляются проекты по изданию национальной литературы на иностранных языках, осмысливается история и типология литературного билингвизма.

По названным направлениям защищен ряд диссертаций, написана серия статей и научных изданий, издана коллективная монография «Русская и зарубежная словесность: рецепция, перевод, коммуникация» [Никонова, Серягина (ред.) 2020].

Большой вклад коллектив внес в создание хрестоматий избранных русских переводов зарубежной литературы, опубликованных на страницах дореволюционной сибирской периодики и вошедших в параллельный подкорпус НКРЯ. В 2016–2019 гг. было издано пять хрестоматий, включающих переводы с английского, немецкого, французского, польского и итальянского языков.

Классическая филология в Томском государственном университете

Кафедра классической филологии ведет свое начало с момента открытия историко-филологического факультета (1917–1922). На кафедре в период с 1917 по 2022 г. работали широко известные ученые: Э. В. Диль, Б. Л. Богаевский, Б. В. Казанский, С. И. Протасова. Основу кафедры составляли представители Санкт-Петербургской школы филологов-классиков, среди которых был М. А. Шангин, участвовавший в работе по выявлению и публикации греческих астрологических рукописей для интернационального серийного издания.

В 1941 г. кафедра классической филологии была открыта вновь в составе историко-филологического факультета. К этому периоду относится начало системных исследований в области классической филологии, сфокусированных на двух направлениях: 1) отражение античной литературно-художественной и эстетической традиции в русской литературе и 2) слово- и формообразование в индоевропейских языках.

В рамках первого направления выполнены работы А. Л. Пинчука, который исследовал связь

между поэзией Горация и творчеством Г. Р. Державина. Научные интересы Л. Д. Тарасова этого периода сосредоточены на начальном этапе развития римской сатиры. Главное открытие автора — связь с современностью. Это направление было продолжено в работах доцента Г. А. Чупиной о роли античного наследия в эстетических и философских исканиях В. А. Жуковского, в статьях и кандидатской диссертации С. Ю. Сухановой.

Начало второму направлению положили работы А. А. Белецкого и Э. Ф. Молиной. Под руководством Э. Ф. Молиной и при большом содействии профессора Томского пединститута А. П. Дульзона, а также кафедры классической филологии Ленинградского университета и ее заведующего профессора Ю. В. Откупщикова в 1960–70-е годы были подготовлены и успешно защищены кандидатские диссертации Г. М. Шатрова, Г. А. Чупиной, Л. В. Доровских, Л. Т. Баженова, Н. А. Першиной, В. Д. Фатневой, Л. Т. Леушиной — представителей второго и третьего поколений филологов-классиков Томского университета.

Заявленные направления успешно продолжают развиваться и сегодня на страницах монографий, статей, в диссертациях Л. П. Дроновой, С. А. Толстик, И. В. Садыковой, И. Я. Конончук, С. Ю. Сухановой.

Томск наряду с МГУ и СПбГУ является одним из основных центров по подготовке филологов-классиков. В ТГУ действуют Региональный научно-методический совет по классической филологии и неоэллинистике и центр античной культуры (председатель — Л. Т. Леушина), проводятся научно-методические конференции, издаются научные сборники по классической филологии и сравнительно-историческому языкознанию, учебники по древним языкам. В течение многих лет ежегодно проводятся античные вечера, организатором которых является доцент кафедры романо-германской и классической филологии С. Ю. Суханова.

Междисциплинарные исследования представлены двумя крупными направлениями.

Научное направление «Региональный (сибирский) литературный процесс и книгоиздание» возглавляет И. А. Айзикова, заведующая кафедрой

общего литературоведения, издательства и редактирования.

Предметом анализа для представителей этого направления являются история сибирской словесности, литературный и издательский процессы Сибири, читательские практики Томска и Томской губернии XIX в., вопросы чтения в целом.

Проблемы словесной культуры Сибири неоднократно получали освещение в трудах томских ученых. Объединенными усилиями литературоведов, лингвистов и историков Томского государственного университета, поддержанными грантами, словесная культура Сибири была показана в пространстве межкультурного взаимодействия, что нашло отражение в коллективной монографии.

На уникальном материале представлена общая междисциплинарная концепция взаимосвязи и взаимодействия словесной культуры Сибири с общероссийским и европейским контекстами, выдвинут и обоснован междисциплинарный подход к анализу ключевых понятий исследования — словесная культура региона, словесная культура Сибири. Описаны вербальные практики рядовых сибиряков; журналистика, литературная критика Сибири как фундамент литературного процесса и его взаимодействия с литературой Центральной России; отражение словесной культуры Сибири в региональной издательской продукции, в способах формирования и функционирования библиотечной сети.

Отражение не менее важной темы переселения в Сибирь в литературе Центральной России и региона представлено на богатейшем материале в трудах и учебных пособиях И. А. Айзиковой, Е. А. Макаровой.

Ряд статей посвящен рукописным и старопечатным памятникам сибирской словесности, в том числе входящим в состав старообрядческих библиотек. Статьи И. А. Айзиковой, И. Ф. Гнусовой, А. В. Смольянинова, написанные в русле социологии литературы, решают проблемы формирования культурного и языкового ландшафта Сибири как социокоммуникативного пространства трансграничья. Они обращены к изучению стратегий осмысления и репрезентации в сибирской

литературе трансграничных территорий Сибири, ее этнического многообразия, к воображаемой и социальной географии в литературе сибирского духовенства, к факторам формирования литературного процесса в социокоммуникативном пространстве трансграничья Сибири, ключевым концептам сибирской литературы XIX — начала XX в., к личным библиотекам сибиряков.

Одной из тем, к которой кафедра обратилась в последнее десятилетие, стала тема сибирского читателя, книжной культуры Томска. В 2018 г. авторский коллектив монографии «Книжная культура Томска (XIX — начало XX в.)» [Есипова (ред.) 2014], вышедшей в 2014 г. в русле данного научного направления, получил приз «Зеленое яблоко» за лучшее издание по книговедению во всероссийском конкурсе «Университетская книга — 2018».

Читательские практики жителей Томска и губернии были введены в контекст развития литературного процесса Сибири. Результаты проекта представлены в монографии и учебном пособии.

Основателем и руководителем исследований по когнитивной лингвистике в Томском государственном университете является профессор, завкафедрой общей, когнитивной и компьютерной лингвистики, заведующая лабораторией З. И. Резанова.

Направление интенсивно развивается на протяжении последних двадцати лет. Первое десятилетие было посвящено разработке теоретико-методологических основ когнитивной лингвистики, решались вопросы языкового миромоделирования, отраженного в лексических и морфолого-деривационных системах русского языка. Результаты анализа были представлены не только в статьях и кандидатских диссертациях, но и в коллективных монографиях. В серии монографий, с 2005 г. выходящих под общим заглавием «Картины русского мира», были охарактеризованы разные аспекты концептосферы русского языка и ее аксиологического среза в русской языковой картине мира. При описании аксиологического аспекта были разработаны общие принципы анализа фрагментов языковой картины мира: выявлялась оценка, встроенная в семантику содержательных единиц языка, интерпретируемых

в синхронном и диахронном аспектах, и совокупность оценочных смыслов, оценочных коммуникативных стратегий, обнаруживаемых в коммуникативном развертывании языка. Этот подход был реализован также при изучении концептуализации пространства, языка и речи. На страницах монографий представлены способы репрезентации концептов под воздействием различных коммуникативных задач отдельных дискурсов, социальных импульсов, актуализирующих разные срезы единой когнитивной модели. В фокусе исследовательского внимания находились как теоретические проблемы соотношения этноязыковой и дискурсивной картины мира, так и конкретные варианты дискурсивных практик, определяющих трансформации ключевых этнокультурных концептов в специфических условиях дискурсов, аспекты диахронического развития концептов и вариантов их представления в лексических рядах разных форм русского языка и др.

Во втором десятилетии XXI в. лингвокогнитивные исследования, направленные на выявление специфики русской языковой картины мира, были расширены за счет методов экспериментальной когнитивной психолингвистики применительно к единицам лексического и морфолого-деривационного уровня современного русского языка. Такое изменение методологии было обусловлено смещением исследовательского фокуса: от реализованных в текстах концептов к экспериментальному исследованию того, как выявленная этноязыковая специфика лексического и морфологического фонда влияет на процессы, происходящие в русском языке.

Исследование русского языка как идиома, вступающего в разные варианты языкового взаимодействия в зонах активного контактирования, было начато в 2017 г. при выполнении проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири: взаимодействие языков и культур» (руководитель — А. В. Дыбо), поддержанного мегагрантом правительства РФ. В результате выполнения проекта была представлена модель, демонстрирующая положение русского языка в социолингвистической ситуации Южной Сибири, отраженная в языковом сознании тюркско-русских

билингвов. Создан Бимодальный корпус русской речи тюркско-русских билингвов, проведена серия психолингвистических аппаратных исследований и на этой основе выявлены и описаны интерферентные явления, возникающие при производстве и восприятии в практиках билингвов.

Особый аспект анализа когнитивной специфики лексики русского языка — выявление отражения в семантике лексикона перцептивного и моторного опыта носителей языка. Результатом разработки данной проблемы явилась серия психолингвистических баз данных и проведенных на их материале исследований вклада модальностей восприятия в семантику русских слов и их влияния на когнитивную обработку в процессах порождения и восприятия русской речи.

Научные результаты, полученные исследователями, широко отражены в монографиях, статьях. Особого упоминания заслуживает издательская деятельность томских филологов. На факультете издается три журнала, тематика которых отражает проблематику отдельных направлений: «Вопросы лексикографии», «Имагология и компаративистика», «Текст. Книга. Книгоиздание», и один журнал, объединяющий все направления, — «Вестник ТГУ. Филология». Несмотря на то что издания были созданы сравнительно недавно, они вошли в отечественные и зарубежные базы цитирования, где заняли достаточно высокие позиции.

Заключение

Как показал краткий обзор, каждая научная школа и каждое направление характеризуются своей спецификой, «лица не общим выражением...», и вместе с тем во всех есть объединяющее начало, позволяющее говорить о Томской филологической школе в целом, успешно развивающейся на протяжении более ста лет. Общими чертами для Томской школы и одновременно факторами ее успеха являются: а) соединение традиций и новаторства; б) преемственность поколений; в) интеграция научного и образовательного процессов; г) широкое взаимодействие с ведущими российскими и зарубежными научно-образовательными центрами; д) пионерный характер научных

разработок; е) продуктивность; ж) выполнение роли просветительского центра, популяризатора русской словесной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лаборатория общей и сибирской лексикографии: цель, история и достижения. *Лаборатория общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета*. URL: <https://losl.tsu.ru/> (дата обращения: 13.07.2024).

² Традиционная культура в зеркале русских говоров. *Образование на русском*. URL: https://pushkininstitute.ru/external_courses/237 (дата обращения: 13.07.2024).

³ Чалдоночка в чирочках: как это по-русски: научно-популярный словарь. URL: <http://tomskdialects.tsu.ru/doku.php> (дата обращения: 13.07.2024).

⁴ Зарисовки о Сибири. Город Томск: курс изучения русского языка. *Лекториум*. URL: <https://www.lektorium.tv/tomsk> (дата обращения: 13.07.2024).

⁵ SpeakRus. URL: <https://omega.ru-tsu.org/#/> (дата обращения: 22.07.2024).

ЛИТЕРАТУРА

Блинова (ред.) 2005 — *Томская диалектологическая школа в лицах. Вып. 1: биографический словарь*. Блинова О.И. (ред.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. 148 с.

Блинова (ред.) 2006а — *Томская диалектологическая школа в лицах. Вып. 2: биографический словарь*. Блинова О.И. (ред.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006. 128 с.

Блинова (ред.) 2006б — *Томская диалектологическая школа: историографический очерк*. Блинова О.И. (ред.). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. 390 с.

Блинова (ред.) 2017 — *Томская диалектологическая школа в лицах. Вып. 3: биографический словарь*. Блинова О.И. (ред.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2017. 150 с.

Демешкина 2011 — Демешкина Т.А. Лексикографическое направление в Томской диалектологической школе. Итоги и перспективы. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2011, (3): 31–37.

Есипова (ред.) 2014 — *Книжная культура Томска (XIX — начало XX в.)*. Есипова В.А. (ред.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2014. 414 с.

Жуковский 1999 — Жуковский В.А. *Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1. Стихотворения 1797–1814 гг.* Янушкевич А.С. (ред.). М.: Языки русской культуры, 1999. 760 с.

Канунова (ред.) 1978 — *Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 1*. Канунова Ф.З. (ред.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. 527 с.

Канунова (ред.) 1984 — *Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 2*. Канунова Ф.З. (ред.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. 556 с.

Канунова (ред.) 1988 — *Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 3*. Канунова Ф.З. (ред.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. 576 с.

Лебедева, Янушкевич 2000 — Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. *Германия в зеркале русской словесной культуры XIX — начала XX века*. Köln, Weimar, Wien, Bohlau Verlag. М.: [Б. и.], 2000. 274 с.

Лукьянова 2003 — Лукьянова Н.А. Похвальное слово Томской диалектологической школе. В сб.: *Актуальные проблемы русистики: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию томской диалектологической школы и 125-летию Томского гос. ун-та (Томск, 21–23 октября 2003 г.)*. Сб. Вып. 2, ч. 1. Демешкина Т.А. (ред.). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. 352 с.

Никонова, Серягина (ред.) 2020 — *Русская и зарубежная словесность: рецепция, перевод, коммуникация: коллективная монография, посвящ. 25-летию кафедры романо-германской филологии Томского гос. ун-та*. Никонова Н.Е., Серягина Ю.С. (ред.). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2020. 460 с.

Рыбальченко (ред.) 2006 — *«Чернеть на белом, куда белое есть...»: антиномии Иосифа Бродского*. Сб. ст. Рыбальченко Т.Л. (ред.). Томск: PaRt.com, 2006. 287 с.

Старикова 2017 — Старикова Г.Н. *Поговорим о русской живописи: русское искусство на уроках РКИ: учебное пособие по развитию речи в рамках направления подготовки «Русский как иностранный»*. Томск: Издательский дом Томского гос. ун-та, 2017. 128 с.

REFERENCES

Блинова (ред.) 2005 — *Tomsk dialectological school in persons. Vol. 1: biographical dictionary*. Blinova O.I. (ed.). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2005. 148 p. (In Russian)

Блинова (ред.) 2006а — *Tomsk dialectological school in persons. Vol. 2: biographical dictionary*. Blinova O.I. (ed.). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2006. 128 p. (In Russian)

Блинова (ред.) 2006б — *Tomsk dialectological school: Historiographical essay*. Blinova O.I. (ed.). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2006. 390 p. (In Russian)

Блинова (ред.) 2017 — *Tomsk dialectological school in persons. Vol. 3: biographical dictionary*. Blinova O.I. (ed.). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2017. 150 p. (In Russian)

Демешкина 2011 — Demeshkina T.A. Lexicographic direction in the Tomsk dialectological school. Results and prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univresiteta. Filologiya*. 2011, (3): 31–37. (In Russian)

Есипова (ред.) 2014 — *Book culture of Tomsk (XIX — early XX centuries)*. Esipova V.A. (ed.). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2014. 414 p. (In Russian)

Жуковский 1999 — Zhukovskii V.A. *Complete works and letters: In 20 vols. Vol. 1. Poems 1797–1814*. Ianushkevich A.S. (ed.). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 760 p. (In Russian)

Канунова (ред.) 1978 — *Library of V.A. Zhukovsky in Tomsk. Pt 1*. Kanunova F.Z. (ed.). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1978. 527 p. (In Russian)

Канунова (ред.) 1984 — *Library of V. A. Zhukovsky in Tomsk. Part 2.* Kanunova F. Z. (ed.). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1984. 556 p. (In Russian)

Канунова (ред.) 1988 — *Library of V. A. Zhukovsky in Tomsk. Part 3.* Kanunova F. Z. (ed.). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1988. 576 p. (In Russian)

Лебедева, Янушкевич 2000 — Lebedeva O. B., Ianushkevich A. S. *Germany in the mirror of Russian verbal culture of the 19th — early 20th centuries.* Koln, Weimar, Wien, Bohlau Verlag. Moscow: [S. n.], 2000. 274 p. (In Russian)

Лукьянова 2003 — Luk'ianova N. A. A word of praise to the Tomsk dialectological school. In: *Aktual'nye problemy rusistiki: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 85-letiiu tomskoi dialektologicheskoi shkoly i 125-letiiu Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Tomsk, October 21–23, 2003 g.).* Iss. 2, pt 1. Demeshkina T. A. (ed.). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2003. 352 p. (In Russian)

Никонова, Серягина (ред.) 2020 — *Russian and foreign literature: Reception, translation, communication: A collective monograph dedicated to the 25th anniversary of the Department of Romance-Germanic Philology of Tomsk State University.* Nikonova N. E., Seriyagina Iu. S. (eds). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2020. 460 p. (In Russian)

Рыбальченко (ред.) 2006 — “Black on white while there is white...”: *antinomies of Joseph Brodsky: Digest of articles.* Rybal'chenko T. L. (ed.). Tomsk: PaRt.com Publ., 2006. 287 p. (In Russian)

Старикова 2017 — Starikova G. N. *Let's talk about Russian painting: Russian art in RFL lessons: A textbook on speech development within the framework of the training direction “Russian as a foreign language”.* Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2017. 128 p. (In Russian)

